

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ярославская юридическая школа
начала XXI века

В.Н. Карташов
М.Г. Баумова

Правовая культура: понятие, структуры, функции

Монография

*Редакционная коллегия:
В.Н. Карташов, Л.Л. Кругликов, М.В. Лушникова,
В.В. Бутнев, Н.Н. Тарусина*

Ярославль 2008

УДК 34.11

ББК Х 0

К 27

Рекомендовано

*Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2008 года*

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор Р.Б. Головкин;
кафедра государственно-правовых дисциплин
Нижегородской академии МВД

Карташов, В.Н. Правовая культура: понятие, структура, функции : монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 200 с. (Серия "Ярославская юридическая школа начала XXI века")
К 27 ISBN 978-5-8397-0612-5

На основе новейших отечественных и зарубежных источников и методологических подходов в монографии рассматриваются сущность и признаки правовой культуры, основные ее структуры и специально-юридические функции.

Рекомендуется преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов и факультетов, работникам судов и правоохранительных органов, представительной и исполнительной власти.

Библиогр.: 228 назв.

УДК 34.11

ББК Х 0

© Ярославский государственный университет, 2008

ISBN 978-5-8397-0612-5

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
Глава 1. Правовая культура: сущность и структуры	10
1.1. <i>Правовая культура: подходы, определения, основные черты.....</i>	<i>10</i>
1.2. <i>Структуры правовой культуры</i>	<i>33</i>
1.2.1. <i>Правовая культура как полиструктурное образование</i>	<i>33</i>
1.2.2. <i>Логическая (логико-философская) структура правовой культуры</i>	<i>37</i>
1.3. <i>Типы, виды и подвиды правовой культуры</i>	<i>52</i>
1.4. <i>Профессиональная правовая культура (некоторые аспекты понимания и структурирования).....</i>	<i>59</i>
<i>Список литературы.....</i>	<i>75</i>
Глава 2. Понятие и классификация функций правовой культуры	82
2.1. <i>Понятие функции правовой культуры</i>	<i>82</i>
2.2. <i>Классификация функций правовой культуры</i>	<i>86</i>
<i>Список литературы.....</i>	<i>94</i>
Глава 3. Специально-юридические функции правовой культуры	96
3.1. <i>Правопреобразующая функция правовой культуры</i>	<i>96</i>
3.2. <i>Регулятивная функция правовой культуры</i>	<i>105</i>
3.3. <i>Функция охраны (обеспечения) прав, свобод и обязанностей людей, их коллективов и организаций....</i>	<i>110</i>
3.4. <i>Аксиологическая функция правовой культуры</i>	<i>120</i>

3.5. Прогностическая функция правовой культуры.....	134
3.6. Правосоциализаторская функция правовой культуры.	137
3.7. Коммуникативная функция правовой культуры.....	145
3.8. Функция трансляции правового опыта.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
<i>Список литературы</i>	<i>166</i>
Приложения.....	172
<i>Приложение 1. Европейская культурная конвенция.....</i>	<i>172</i>
<i>Приложение 2. Основные принципы этики полицейской службы (Полицейская декларация)</i>	<i>176</i>
<i>Приложение 3. Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации</i>	<i>181</i>
<i>Приложение 4. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка</i>	<i>187</i>
<i>Приложение 5. Кодекс судейской этики.....</i>	<i>195</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время перед нашей страной стоят весьма амбициозные, крупные и сложные тактические и стратегические задачи, связанные с эффективным выполнением национальных проектов, развитием экономики (политики, федеративных отношений и т.п.) и общества в целом на новейшем инновационном уровне, кардинальным повышением производительности труда, ускорением темпов судебной реформы, оптимальной перестройкой громоздкого, коррумпированного и абсолютно безответственного государственного аппарата, обеспечением безопасности людей, их коллективов и организаций, достижением реальных результатов в повышении благосостояния всех граждан.

В этой связи человек, с одной стороны, становится главным ресурсом грандиозных преобразований, а с другой – приоритетной ценностью общества и государства.

Для современной России (ее политических и государственных деятелей, отдельных граждан и населения) особенно актуальным является вывод о том, что любые изменения в экономической и политической системах общества, социальной и духовной среде начинаются как мощнейший сдвиг внутри культуры в целом и правовой культуры в частности, как результат формирования новейших ценностей и ценностных ориентаций, как эффективный итог действия разнообразных социокультурных тенденций и закономерностей. Для решения архисложных задач и преодоления кризиса в обществе необходим крутой позитивно-гуманистический «перелом» в правовом мышлении, индивидуальном и массовом правосознании, резкая переориентация на передовые и прогрессивные технологии в юридической практике (правотворческой, правоприменительной, судебной и т.п.), общечеловеческие и нравственные культурные ценности. Это положение является методологически исходным при переустройстве любого общества.

В своей монографии мы не ставим каких-либо масштабных целей, которые могли бы раскрыть весь потенциал правовой культуры во всех сферах жизнедеятельности общества. Эти грандиозные цели недостижимы в силу того, что в юридической науке не сложилась еще современная концепция правовой культуры. Наша задача скромнее. Так, в начале первой главы показаны методическая и методологическая роль основных подходов (логического, лингвистического, философского, социологического, антропологического, психологического, семиотического и т.д.) в исследовании природы правовой культуры, четко выделены и кратко охарактеризованы ее основные черты и свойства.

Особое внимание уделено разнообразным структурам (генетической, логической, стохастической, временной, пространственной и др.) правовой культуры. К сожалению, подавляющее большинство ученых-юристов «не ведают» о том, что правовая культура в любой стране является полиструктурным образованием, и традиционно рассматривают ее (структуру) как набор определенных элементов (права, правосознания, законодательства, законности, правоотношений, правового поведения и т.д.), обладающих соответствующими качественными состояниями и влияющих на прогрессивное развитие общества. Многие из авторов даже не подозревают, какой огромный методологический и методический потенциал заложен в категории «структура» и соответствующих теоретических конструкциях, ее образующих.

Например, *генетическая структура* раскрывает связи элементов и правовой культуры в целом с экономическими и политическими, социальными и духовными, организационными и нравственными, юридическими и иными предпосылками общественной жизнедеятельности. Именно она дает возможность выяснить причины и условия возникновения и развития правовой культуры, механизм ее детерминации и отдельных свойств, элементов и связей. Указанная структура позволяет рассматривать происхождение правовой культуры в рамках разнообразных теорий, а именно: теологической, философской, социологической, психологической, социокультурной, семиотической, коммуникативной и др.

Правовая культура: понятие, структуры, функции

Гораздо богаче, чем в иных изданиях, в книге представлены основные типы, виды и подвиды правовой культуры. Мы выделяем и кратко характеризуем индивидуальную и надындивидуальную, массовую и элитарную правовые культуры. Показываются особенности правовых культур в романо-германской, англосаксонской, традиционно-религиозных (мусульманской, иудейской и т.п.) и международных (общих и региональных) правовых системах и т.д.

Особенно сложным в первой главе оказался вопрос, связанный с сущностью профессиональной правовой культуры. Отечественными авторами опубликовано немало трудов, посвященных правовой культуре судей, следователей, сотрудников милиции, пенитенциарных учреждений и др. Однако общая теория профессиональной правовой культуры пока еще не сложилась. Ее природу можно изучать в нескольких аспектах, например организационно-структурном (в плане профессиональной деятельности юридических учреждений и организаций, в рамках отдельных профессиональных коллективов или групп), а также на личностном уровне. Признавая относительную условность данного подхода, главное внимание в работе мы уделили позитивным (ценностным, прогрессивным) *личностным* качествам юристов в их деятельности. При характеристике профессиональной правовой культуры мы исходили из того, что она представляет собой одну из разновидностей правовой культуры, которая свойственна людям, профессионально занимающимся какой-либо юридической деятельностью, и базируется на специальном юридическом образовании и практической подготовке.

Вторая глава посвящена понятию, признакам и классификации функций правовой культуры. В книге выделяются основные и неосновные, внутренние и внешние, явные и латентные, общесоциальные и специально-юридические ее функции (подфункции).

В виде самостоятельной главы рассматриваются специально-юридические ее функции (подфункции). Авторы пока еще не готовы глубоко и всесторонне рассмотреть общесоциальные функции правовой культуры, то есть показать ее место в экономиче-

ской, политической, социальной, трудовой, семейной, экологической, демографической и других сферах жизнедеятельности общества, раскрыть роль самых разнообразных правовых культур в эффективном осуществлении национальных проектов в России. Этим аспектам проблемы мы решили посвятить самостоятельное монографическое исследование.

В заключительной части монографии авторы решили не ограничиваться лишь подведением определенных итогов, формулированием соответствующих выводов, рекомендаций и предложений. Здесь представлялось более важным наметить перспективные направления исследований, которые были бы непосредственно связаны с улучшением качества и эффективности правовой системы российского общества. И одной из центральных проблем в этом плане является изучение юридической антикультуры в целом и отдельных ее разновидностей, а именно юридического нигилизма, фетишизма (идеализма), догматизма, демагогии, «теневое право» и других юридических патологий.

В конце книги в качестве приложения приведено несколько формально-юридических источников, в которых отражены некоторые ценностные фрагменты права, юридической практики, правосознания, раскрывающие уровень правовой (общей, профессиональной и т.п.) культуры в отдельных странах и мировом сообществе в целом на определенных исторических этапах их развития.

Для того чтобы сразу ввести читателя в курс дела, уже в данном предисловии мы предлагаем краткую и развернутую дефиниции понятия «правовая культура». Так, ее можно представить в виде *совокупности всех юридических ценностей, образующих продуктивно-позитивный пласт в правовой жизни отдельных людей, их коллективов, классов, слоев, социальных групп и общества в целом.*

Более широким необходимо считать следующее синтетическое (охватывающее и личностный, и общественный ее аспекты) определение правовой культуры. **Правовая культура** – *разновидность духовно-материальной культуры, которая представляет собой совокупность юридических ценностей, отражает*

Правовая культура: понятие, структуры, функции

качественное состояние российской правовой системы (степень совершенства и эффективности права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (ее идеи, убеждений, знаний, установок, умений, навыков, действий и т.п.), обеспечивает юридическую коммуникативность, упорядоченность и управляемость общественных отношений (экономических, политических и др.), законность и правопорядок, прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества, отдельных индивидов, их коллективов, организаций, всего населения.

Мы далеки от мысли, что приведенные здесь определения претендуют на полноту, совершенство и какую-либо завершенность. Однако они позволяют более или менее четко ориентироваться в рассматриваемых в книге вопросах.

Авторы выражают искреннюю признательность докторам юридических наук, профессорам Р.Б. Головкину и В.А. Толстику за полезные советы, пожелания и предложения, высказанные ими в процессе работы над монографией.

Предисловие, глава 1, § 2.1 главы 2 и заключение книги написаны доктором юридических наук, профессором, Заслуженным деятелем науки РФ В.Н. Карташовым; § 2.2 главы 2 и глава 3 – кандидатом юридических наук, доцентом М.Г. Баумовой.

Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений.

Н.К. Рерих

Страшное ослепление: боролись за свободы – век свободы, и получили еще небывалое рабство, рабство Духа; а этого не прощается «ни в сей, ни в будущей жизни».

И.Е. Репин

Глава 1. Правовая культура: сущность и структуры

1.1. Правовая культура: подходы, определения, основные черты

Анализ обширной отечественной и зарубежной литературы показывает, что правовая культура исследована довольно слабо. Большинство сочинений носит умозрительный (описательный, поверхностный и т.п.), а не аналитический и синтетический характер. Между тем культурно-правовые ценности и ценностные ориентации имеют важное значение для отдельных людей, их коллективов и организаций, общества в целом. Именно с коренных преобразований в правовой культуре начинается выход из кризиса, который объективно присущ процессу перехода от одной социальной системы к другой.

подавляющее большинство авторов констатируют то обстоятельство, что понятие «культура» в том ее смысле, в котором оно сегодня существует в науках (философии, социологии, культурологии, юриспруденции и т.д.), характеризуется многозначностью,

неопределенностью, размытостью основных элементов и черт, некорректным использованием в разных сферах познания и жизнедеятельности (см., например, [1. С. 5; 21. С. 73]).

Многие отечественные и зарубежные ученые (философы, социологи и особенно юристы) полагают, что все имеющиеся в науке подходы к культуре сводятся к антропологическому, социологическому и философскому. Эта позиция, сформировавшаяся под влиянием трудов Л.Е. Кертмана в начале 70-х годов прошлого столетия, существует и до сих пор (см., например, [1. С. 5-6; 10. С. 11; 22. С. 39]).

Приведем некоторые определения культуры, характеризующие указанные направления исследований (подробнее см. [4, 21, 23, 24, 25]).

Суть *антропологического* подхода заключается в том, что под культурой понимаются все блага, которые созданы человеком (в отличие от природных явлений); в признании самоценности культуры каждого народа, на каком бы этапе своего развития он ни находился, равноценности всех культур на земле, уникальности и неповторимости любой культуры и т.д.

Культура при данном подходе определяется различными авторами по-разному. Это:

– вся полнота деятельности общественного человека (А. Кребер);

– общий образ жизни, специфический способ приспособления человека к его естественному окружению и экономическим потребностям (К. Даусон);

– все, что создано человеком, будь то реальные предметы, внешнее поведение, символическое поведение или социальная организация (Л. Бернад).

При *социологическом* подходе культура понимается как фактор организации и образования жизни какого-либо общества; культурные ценности создаются некими культуро-творческими «силами» общества, направляющими его жизнь по организованному, а не хаотическому пути развития, определяющие жизнедеятельность людей, их коллективов и организаций, общества в целом.

Культура в соответствии с указанным подходом определяется следующим образом:

– это прочные верования, ценности и нормы поведения, которые организуют социальные связи и делают возможной общую интерпретацию жизненного опыта (У. Бекет);

– наследуемые изобретения, вещи, технические процессы, идеи, обычаи и ценности (В. Малиновский);

– язык, верования, эстетические вкусы, знания, профессиональное мастерство и всякого рода обычаи (А.А. Радклифф-Браун).

Философский подход предполагает проникновение с помощью абстрактного мышления в сущность культуры, ее содержание и формы, причины и закономерности развития, уяснение человеческого способа бытия, его мировоззрения, осмысления отношения к самому себе.

Философское понимание культуры выражается, например, в следующих определениях. Это:

– относительно постоянное, нематериальное содержание, передаваемое в обществе при помощи процесса социализации (Г. Беккер);

– специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе (Философский энциклопедический словарь. М., 1983);

– совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов их создания, умение использовать их для дальнейшего прогресса человечества, передавать от поколения к поколению (А.Г. Спиркин).

Безусловно, что указанные три подхода не должны ограничивать основные направления и весь методологический арсенал, необходимый для познания культуры в целом и правовой культуры в частности. В литературе обращается внимание, например, на важность *лингвистического* подхода при изучении культуры. Так, в современных европейских языках выделяется четыре основных

Правовая культура: понятие, структуры, функции

смысла понятия «культура»: абстрактное обозначение общего процесса интеллектуального, духовного и эстетического развития; указание на состояние общества, основанного на праве, порядке, мягкости нравов и т.д., в этом смысле слово «культура» совпадает с одним из значений слова «цивилизация»; описание особенностей, способов существования или образа жизни, свойственных какому-то обществу в конкретно-исторический период развития; выделение определенных форм и продуктов интеллектуальной и, прежде всего, художественной деятельности (литературы, живописи, театра и т.д.) (подробнее см. [26]).

В словаре русского языка С.И. Ожегова культура понимается в виде достижения человечества в производственном, общественном и умственном отношении; высокого уровня чего-нибудь. Слово «культурный» означает относящийся к культуре, находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий ему (например, культурный человек, культурное общество, культурная обстановка) (см. [27. С. 268]).

Изучение правовой и иных разновидностей культуры невозможно без *психологического (психоаналитического и т.п.)* подхода, поскольку культура создается конкретными людьми, их коллективами и организациями (они же являются ее распространителями и пользователями), включает правовое мышление (осознанные и неосознанные его аспекты), соответствующие взгляды, представления, идеи, эмоции, навыки, установки и т.д. Поэтому не случайно К. Юнг определял культуру как общий и принятый способ мышления, а Д. Реджер в виде символического выражения, коренящегося в подсознательном и привносимом в общественное сознание, где оно сохраняется и остается в истории (см., например, [24. С. 15 – 19]).

Исторический подход относится к числу главных при исследовании мировых культур: древних цивилизаций (например, культуры античного мира, Древней Индии), западноевропейского средневековья, культуры эпохи Возрождения и Реформации, культуры Нового времени и арабо-мусульманской культуры, модернизма и постмодернизма в XX веке. Для современного этапа развития российского общества, которое характеризуется глубо-

чайшим кризисом во всех сферах духовно-материальной жизни, очень важно исследование культуры древнерусского государства, русского Просвещения, Серебряного века, советской культуры.

Правовая культура – это совокупный личный (знания, навыки, умения, мастерство и т.п.) и внешне выраженный юридический опыт социальных групп, классов, наций, человечества (социально-правовая память), направленный на прогрессивное развитие людей, их коллективов, организаций и общества в целом. Юридический опыт минувших эпох является сверхценным для создания современной правовой культуры. Богатство правовых и иных культур, накопленное человечеством за многие века, неисчерпаемо и ждет своего глубочайшего осмысления в современной культурологии и юриспруденции.

В историческом плане важно проследить не только вопросы преемственности, правового наследия, аккультурации и экспансии, основные направления правового прогресса, но и становление и развитие соответствующих учений о правовой культуре. Например, довольно распространенным является положение о том, что понятие «культура» в современном его значении впервые возникло в XVII веке в трудах выдающегося немецкого юриста С. Пуфендорфа (см., например, [10. С. 60; 24. С. 10; 28. С. 10; 35. С. 45]). Однако анализ исторических источников показывает, что термин «культура» появился уже в латинском языке и обозначал деятельность по возделыванию и обработке чего-либо. Им широко пользовались философы, поэты, государственные деятели, юристы. И впервые более или менее четкое понимание правовой культуры формулируют римские юристы.

Еще в 20-е годы прошлого столетия Е.В. Спекторский правильно указывал на то, что сущность правовой культуры «выражена Ульпианом в двух словах: *justiam colimus*. Слово *colimus* при этом употреблено в двояком смысле: *культы* и *культуры*. И по сему формула римского юриста означала и «мы чтим справедливость», и «мы ее возделываем». Справедливость для настоящего юриста действительно является предметом почитания. Он верит в нее, верит в ее объективное существование. Он преклоняется перед нею и требует от других, чтобы они тоже преклонялись.

Применяя ее, он священнодействует, выполняет как бы таинство, обряд. Недаром у римлян не только древнейшими юристами были жрецы, но и юристы третьего века после Р.Х. устами того же Ульпиана все еще называли себя как бы жрецами (sacerdotes). Поскольку право является предметом почитания, постольку у него есть свой миф (учение об источниках права), свой догмат (юридическая догматика) и свой обряд (процессуальные формы). ... Пассивным почитанием справедливости юридическая культура не ограничивается, она еще активно возделывает ее. При этом, как и при всякой культуре, происходит переработка и усовершенствование таких явлений, которые коренятся в самой природе и даны ею.

Таким образом, во время оно юридическая культура уже не только существовала, но и процветала, охватывая не только человеческие, но и божеские дела и вполне оправдывая данное впоследствии Ульпианом определение юриспруденции как познания божеских и человеческих вещей...» [29. С. 203 – 205].

Аксиологический подход, который весьма распространен во всех науках, позволяет относить к культуре в целом и правовой культуре в частности не всю человеческую деятельность и ее результаты, а только то, что является благом, определенной ценностью для индивидов и их общностей. Так, М. Смелзлер считал, что «культурой называется система ценностей, представлений о мире и правил поведения, общих для людей, связанных определенным образом жизни» (см. [10. С. 61]). Причем отечественные философы правильно отмечают, что «ценность – это не любая значимость явления, а его положительная значимость; кроме того, эта значимость своим истоком имеет человека, его коренные цели и идеалы» [52. С. 288]. Не случайно некоторые юристы определяют правовую культуру в виде «меры освоения правовых ценностей, накопленных обществом, и их использования различными субъектами в правовой сфере» [30. С. 13].

Деятельностный подход, по сути дела, проявляется во всех научных направлениях и исследованиях культуры. Его суть заключается в том, что правовая культура рассматривается в виде юридической деятельности и ее результатов, взятых в ценност-

ном отношении. «Статую красит вид, – писал Пифагор, – а человека – деяния его» [57. С. 28].

«Культура человека» с древнейших времен становится предметом *этики*. Некоторые авторы даже рассматривают «социально-культурные процессы как источник этики права» [31]. Особенно важное значение данный подход приобретает при изучении профессиональной культуры. Суть его заключается в том, что, с одной стороны, особенности культуры на том или ином этапе развития общества анализируются при выработке этических взглядов, представлений, знаний и ценностных отношений человека к своей деятельности и ее результатам, а с другой – представления людей и их общностей о добре и зле, чести и справедливости, долге и т.п. являются сущностными критериями оценки поведения людей в разнообразных сферах общественной жизни.

Отдельные авторы правильно обращают внимание на необходимость *семиотического* подхода к данной проблеме, формирования семиотической концепции культуры. Так, по мнению Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, культура представляет собой «*ненаследственную память коллектива*, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний. ... Культура по определению есть социальное явление. Это положение не исключает возможности индивидуальной культуры, в случае, когда единица осмысляет себя в качестве *представителя* коллектива, или же во всех случаях автокоммуникации, при которых одно лицо выполняет – во времени или в пространстве – функции разных членов коллектива и фактически образует группу. Однако в случае индивидуальной культуры неизбежна историческая вторичность. В дальнейшем, поскольку культура есть *память*, или, иначе говоря, запись памяти уже пережитого коллективом, она неизбежно связана с *прошлым* историческим опытом. Следовательно, в момент возникновения культура не может быть констатирована как таковая, она осознается лишь *post factum*.

Вообще определение культуры как памяти коллектива, – продолжают авторы, – ставит вопрос о системе семиотических правил, по которым жизненный опыт человечества претворяется в культуру; эти последние, в свою очередь, и могут трактоваться

как программа. Само существование культуры подразумевает построение системы, правил перевода непосредственного опыта в текст» [32. С. 487 – 489].

Культурологический подход как бы объединяет, интегрирует знания о культуре из различных сфер жизнедеятельности людей, их коллективов, организаций и сообществ, взятых на различных этапах развития цивилизации, формирует методологию исследования, понятийный аппарат, общую теорию культуры. Основное внимание в современной культурологии обращается на духовную культуру (литературу, живопись, музыку и т.п.). Нет ни одной работы, в которой были бы рассмотрены те или иные вопросы правовой культуры.

Все указанные выше и иные подходы в качестве методологически исходных должны использоваться и при изучении правовой культуры. Естественно, что в зависимости от целей исследования акцент может быть сделан на философском или антропологическом, аксиологическом или деятельностном, этическом или других направлениях научного поиска. Однако лишь в комплексе, взаимосвязи и взаимодействии они могут дать целостное представление о таком сложном феномене, как правовая культура, создать научно обоснованную ее общетеоретическую концепцию и сформулировать положения и рекомендации практически-прикладного значения.

В юридической литературе также существуют различные определения правовой культуры, отражающие не только разнообразные подходы авторов к ее природе, пониманию права, юридической практики и других правовых явлений, но и глубину и всесторонность анализа, цели (научные, учебные и т.д.) исследования. Приведем некоторые из них, начиная с простейших и заканчивая наиболее сложными дефинициями.

Под правовой культурой понимается:

– «качественное состояние правовой жизни общества» (Л.А. Морозова [14. С. 370]);

– «совокупность всех ценностей, созданных человеком в правовой сфере» (В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик [33. С. 63]);

– «достигнутый уровень развития в правовой (и государственно-правовой) организации жизни людей» (В.С. Нерсисянц [16. С. 272]);

– «совокупность духовных ценностей в сфере права» (О.И. Цыбулевская [74. С. 15]);

– «совокупность знаний и навыков, умение применять их на деле, обеспечить законность» (П.П. Баранов, А.П. Окусов [20. С. 72]);

– «особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние личности, социальной группы, общества в целом» (В.М. Боев [34. С. 18]);

– «система овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, и их отражение в сознании и поведении людей» (В.И. Каминская, А.Р. Ратинов [36. С. 19]);

– «совокупность правовых ценностей, выработанных человечеством, отражающих прогрессивно-правовое развитие общества» (Н.Н. Вопленко [11. С. 41]);

– «меры освоения правовых ценностей, накопленных обществом, и их использование различными субъектами в правовой сфере» (В.С. Грачев) [30. С. 13]);

– «совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и практики» (В.П. Сальников [23. С. 362]);

– «обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» (А.П. Семитко [15. С. 307; 19. С. 341]);

– «сформировавшаяся в процессе социального развития информационно-коммуникативная, регулятивно-охранительная среда человеческой жизнедеятельности, в основу которой положено право и которая позволяет обеспечить правомерное поведе-

Правовая культура: понятие, структуры, функции

ние абсолютного большинства членов сообщества» (Р.А. Ромашов, А.Г. Тищенко [73. С. 7]);

- «система ценностей и норм, укоренившихся в сознании и мотивации, обуславливающих поведение индивида и выражающихся в традициях, стиле взаимоотношения между личностью и правом» (Д.А. Агапов [75. С. 10]);

– система ценностей, правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов правового поведения, правовых традиций, принятых членами определенной общности (государственной, религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности и отношений (М.Е. Волосов, В.Н. Додонов, Н.Ю. Митюрин [76. С. 75 и след.; 77. С. 201]).

Анализ указанных и некоторых иных определений правовой культуры позволяет выделить основные черты, присущие данному явлению.

1. Правовая культура представляет собой часть (сторону и т.п.) общечеловеческой культуры. Правовая культура тесным образом связана и взаимодействует с экономической и политической, нравственной и другими типами (видами и подвидами) культур. Эти связи бывают настолько тесными, что в отечественной науке нравственно-правовая или политико-правовая культуры рассматриваются как органично целостные компоненты (см., например, [16. С. 272 и след.; 37]).

При всем условном разграничении правовой, нравственной и других разновидностей культур каждая из них, на наш взгляд, имеет относительно самостоятельное место в обществе. Иначе очень сложно проследить прямые и обратные, существенные и несущественные, внутренние и внешние, необходимые и случайные связи между, например, правовой культурой и иными пластами (видами, аспектами) культуры. Дело в том, что на правовую культуру, с одной стороны, активно воздействуют экономические, политические, нравственные, религиозные культурные ценности, а с другой – сама правовая культура достаточно эффективно (позитивно либо негативно) влияет на все разновидности культурных проявлений (экономических и т.п.). «Распространить высокую юридическую культуру на все население, – справедливо

отмечает С.С. Алексеев, – значит в условиях демократического общества, сложившегося или формирующегося, значительно поднять общий культурный уровень граждан, утвердить такой компонент ценностной ориентации людей, который затрагивает важнейшие стороны общественной жизни: реализацию начал демократии, справедливости, свободы, высокую организованность, определенность прав и обязанностей, строгий порядок и ответственность, гарантированность прав личности, упорядоченную активность участников общественных отношений. А все это включается в общую культуру поведения людей, является неотъемлемым элементом современного гражданского общества» [9. С. 270 – 271].

Правовая культура в любом обществе детерминирована, обусловлена конкретными объективными и субъективными, экономическими и политическими, социальными и духовными, юридическими и нравственными, организационными и иными факторами, анализ которых позволит более полно и всесторонне раскрыть ее общесоциальную и юридическую природу, закономерности возникновения, развития и функционирования.

Для современной России (ее политических и государственных деятелей, отдельных граждан и населения) особенно актуальным является вывод о том, что любые изменения в экономической и политической системах общества, социальной и духовной среде начинаются как сдвиг внутри культуры в целом и правовой культуры в частности, как результат появления перспективных целей и нерешенных задач, новых ценностей и ценностных ориентаций, как итог действия разнообразных социокультурных тенденций и закономерностей. Кризис в обществе может быть преодолен за счет крутого позитивно-гуманистического «перелома» в правовом мышлении, индивидуальном и массовом правосознании, резкой переориентации на передовые, прогрессивные, общечеловеческие и нравственные культурные ценности. Это положение является методологически исходным при переустройстве любого общества.

2. Правовая культура – это совокупность всех юридических ценностей, образующих продуктивно-позитивный пласт в право-

вой жизни отдельных людей, их коллективов, классов, слоев, социальных групп и общества в целом. Понятие ценности выражает, таким образом, сущностную сторону правовой культуры. «Приятным каждый называет то, – писал И. Кант, – что доставляет ему наслаждение, прекрасным – то, что ему только нравится, хорошим – то, что он ценит, одобряет, т.е. то, в чем он усматривает объективную ценность» [40. С. 211].

Отношение к праву, юридической практике и другим правовым явлениям всегда носит оценочный характер. Оценки могут быть позитивными, негативными или нейтральными, объективными или субъективными, правильными или ложными, прогрессивными или реакционными и т.д. К правовым ценностям относятся лишь такие позитивные, прогрессивные юридические явления, процессы и состояния, которые можно определить (по Канту) как «хорошие» и «одобряемые», получившие «статус» правовых идеалов, образцов и т.д.

Американский антрополог А. Кребер, на наш взгляд, сформулировал очень важное понятие «культурного образца», которое применимо и при анализе правовой культуры (см. [43. С. 293]). Совокупность ценностных «правовых образцов» и составляет ядро правовой культуры.

Поэтому вряд ли можно согласиться с теми авторами (философами, социологами, юристами и т.п.), которые под ценностью понимают «определение того или иного объекта материальной или духовной реальности, высвечивающее его положительное или отрицательное значение для человека и человечества» [17. С. 764].

3. Ученые-юристы большое внимание уделяют деятельностной характеристике правовой культуры. Потенциал исследований данного аспекта проблемы, на наш взгляд, является неисчерпаемым. Еще П.А. Флоренский писал, что «в основу понимания культуры кладется исторически активная, творческая деятельность человека и, следовательно, развитие самого человека в качестве субъекта деятельности. Развитие культуры при таком подходе совпадает с развитием личности ... в любой области общественной деятельности» (подробнее см. [50]). Свободная,

активная, насыщенная, творческая, социально-преобразующая юридическая деятельность, способы ее осуществления и позитивные результаты считаются в науке фундаментальными, сущностными ее (правовой культуры) свойствами (нередко, правда, эта деятельность не совсем верно ограничивается сферами правотворчества и правоприменения).

Не возражая в целом против данного положения, нам бы хотелось расширить рамки исследования данного аспекта проблемы и вести речь о юридической практике, которая включает юридическую деятельность с конкретными элементами содержания и формы, а также юридический опыт с соответствующими элементами (подробнее «культурные срезы» в юридической практике мы рассмотрим при анализе структур правовой культуры).

4. Подавляющее большинство отечественных авторов (Н.Л. Гранат, А.А. Молчанов, В.В. Сорокин, О.И. Цыбулевская и др.) полагают, что правовая культура представляет собой разновидность духовной культуры (см., например, [10. С. 67; 38. С. 6 и след.; 39. С. 71; 74. С. 15]). Это положение заимствовано из философской, социологической, психологической литературы и культурологии, где оно является аксиоматичным.

На наш взгляд, правовая культура (ПК) представляет собой единство материальных и духовных, идеальных и овеществленных, внутренних и внешних, объективных и субъективных, индивидуальных и надындивидуальных, нормативных и ненормативных ее сторон. Во-первых, сам ее творец (носитель, агент и т.п.) – человек – биологическое создание, обладающее определенным уровнем правового мышления и социальными качествами, живущее в природной и социальной среде, использующее в разнообразных правовых ситуациях не только различные духовные (понятия, идеи, теории и т.п.), но и материальные и технические средства (например, законодатели всех уровней применяют машинописную и компьютерную технику; следователи и оперативные работники – технические средства наблюдения и связи, сигнально-охранные устройства, криминалистическую технику и т.п. с целью обнаружения, изъятия, фиксации и хранения доказательств). Между прочим, и сами эти средства, эффективность и

качество их использования следует рассматривать как соответствующие элементы правовой культуры.

Во-вторых, результаты творчества в различных правовых сферах также можно относить к материальным, овеществленным элементам культуры (например, законы и иные нормативно-правовые, правоприменительные, интерпретационные и т.п. акты и другие официальные юридические документы). В этом плане универсальным материальным элементом правовой культуры является юридический язык (язык права и т.п.), т.е. система знаков, в которой объективируется индивидуальное и общественное правосознание, правовое мышление, служащее специфическим социальным и материальным средством правового общения, выражения, хранения и передачи юридической информации, правового регулирования общественных отношений и управления правовым поведением людей, их коллективов и организаций. Благодаря юридическому языку осуществляется формирование и передача социально-правового опыта (социально-правовой памяти), правовых ценностей (знаний, норм, навыков, умений, традиций и т.д.), осуществляется правовое наследие, юридическая экспансия и аккультурация, преемственность от одного поколения к другому.

В отечественной науке совершенно справедливо подчеркивается тот факт, что «к использованию слова в юридическом языке необходимо относиться с особой осторожностью. Нельзя забывать, что через слово и законодатель, и правоприменитель получают доступ к специфическим механизмам управления мышлением и убеждениями людей, к власти над общественным сознанием. От того, какими способами законодатель конструирует правовые понятия, зависит интенсивность информационного влияния права и эффективность правового регулирования в целом» [41. С. 27].

5. В правовой культуре органично сочетаются нормативная и ненормативная ее стороны. Нормативный характер находит выражение в том, что ее содержание образуют позитивные (ценностные, образцовые и т.п.) нормативно-правовые предписания (нормы и принципы права, легальные юридические дефиниции и

другие нестандартные веления и т.п.), юридические цели и задачи, планы и прогнозы, средства (техника), способы и методы (тактика), закладывающие нормативно-правовые программы действия субъектов в социально-культурном пространстве и соответствующих социально-правовых ситуациях.

Ненормативный характер правовой культуры выражен в совокупности индивидуально-правовых предписаний (правоприменительных, праворазъяснительных, договорных, субъективных правах и обязанностях, конкретных правомочиях и т.п.), природных, технических и общесоциальных (экономических, политических, национальных, экологических, демографических и т.п.) явлениях ненормативного характера, персонифицированных и индивидуально-конкретных интересах и условиях жизнедеятельности субъектов права. Природные, технические и общесоциальные явления, процессы, состояния включаются в содержание правовой культуры в том случае, если они имеют определенную юридическую значимость в соответствующих разновидностях юридической практики и социально-правовых ситуациях (например, в правотворческой практике выступают в качестве *ratio legis*, «данности права», социального ее субстрата, фактических оснований и т.п.).

Нормативные и ненормативные свойства правовой культуры выступают не только в виде позитивных результатов юридической деятельности, но и, в первую очередь, служат социально-правовыми ориентирами в поведении людей, их коллективов и организаций.

6. Правовая культура – это объективно-субъективный феномен. Ее творцами, носителями, агентами выступают отдельные люди, их общности, обладающие определенным уровнем правового мышления (характеризуется единством осознанных и неосознанных элементов), который выражается во внешне наблюдаемой системе действий и объективированных результатах. В процессе любой юридической деятельности происходит осмысление и оценка реальной действительности, принятие самых разнообразных рациональных и эмоциональных решений. Субъекты осознают стоящие перед ними цели и задачи, необходимость

конструктивного соблюдения юридических процедур, предвосхищают ценность осуществляемых ими юридических операций, интуитивно или рационально выбирают и используют средства юридической техники и тактические приемы, осознают меры юридической ответственности за свои действия и принятые решения. Как верно отмечают современные философы, труд, знания, умения, физические, умственные, нравственные и иные (в том числе правовые) силы людей – единственные творцы всякого богатства в обществе (см., например, [17. С. 559]).

Субъективные черты правовой культуры, естественно, отражаются в определенных особенностях социально-преобразующей деятельности людей, ее результатах и создаваемых ими правовых ценностях. Ценностные результаты в определенной степени уже не зависят от сознания и воли своих творцов, носят относительно самостоятельный, объективный характер. Кроме того, объективная сторона правовой культуры выражается в правовой активности людей и их общностей, которая задана уже существующими объективными условиями их жизнедеятельности, накопленным ранее правовым опытом, являющимся кристаллизацией предшествующей юридической практики, юридических знаний, представлений, понятий, умений, навыков и т.п., которые формируются, как известно, в ходе усвоения уже существующих правовых ценностей.

7. В правовой культуре диалектически сочетаются индивидуальные и надындивидуальные ее «пласты» (данное свойство тесным образом связано с предыдущими ее признаками). Эти мысли применительно к русской культуре очень хорошо выражены П.А. Флоренским. Он писал: «Мы нужны миру столько же, сколько и он нам; вселенная от века заинтересована в сохранении, развитии и увековечивании всего положительного и достойного в нашей индивидуальности, и нам остается только принимать возможно более сознательное и деятельное участие в общем историческом процессе – для самих себя и для всех других нераздельно» (цит. по [42. С. 67]).

Современные философы также обращают внимание на это свойство культуры, которое характеризует и правовую культуру.

Так, А.Г. Спиркин отмечает, что «культура реально существует как исторически сложившаяся разноуровневая система, обладающая своими вещными формами, своей символикой, традициями, идеалами, установками, ценностными ориентациями и, наконец, образом мысли и жизни – этой центрирующей силой, живой душой культуры. И в этом смысле бытие культуры обретает сверхиндивидуальный характер, существуя вместе с тем как глубоко личный опыт индивида» [17. С. 769].

Аналогичные положения мы находим и в трудах некоторых ученых-юристов, считающих, что ПК выражается в достигнутом уровне развития правовой деятельности, правосознания и правовой системы в целом, а также уровне правового развития субъектов (индивидов, различных групп, всего населения), степени свободы поведения людей, взаимной ответственности государства и гражданина (см., например, работы В.П. Сальникова, А.П. Семитко, Н.Л. Гранат, Н.Н. Вопленко и др.).

8. ПК занимает особое место в правовой системе общества. В рамках структурно-функционального анализа Т. Парсонс и Р.К. Мертон использовали понятие культуры для обозначения системы ценностей как органической части социальной системы, определяющей степень стабильности, равновесия, устойчивости, упорядоченности и управляемости общественных отношений (см., например, [43. С. 293, 659]). Однако в данном случае нельзя не замечать и другой тенденции, когда культура, в том числе и правовая, является источником «внутренних» и «внешних» конфликтов.

Впервые эта гипотеза была выдвинута проф. Гарвардского университета С. Хантингтоном (подробнее см. [35. С. 94 и след.]). Действительно, люди, представители различных цивилизаций и культур, по-разному оценивают отношения между Богом и человеком, мужчиной и женщиной, личностью и государством, имеют разнообразные представления о правах и обязанностях, равенстве и справедливости, свободе и ответственности, законности и правопорядке, гуманизме и т.д. Эти оценки могут носить локальный и фундаментальный характер, проявляться в семейных, трудовых, религиозных, национальных и иных формах, по-

лучать конкретное выражение в виде споров, ссор, погромов, войн и т.д.

Специфика, универсальность правовой культуры заключается в том, что она не представляет собой относительно самостоятельного компонента правовой системы, а служит лишь одной из фундаментальных ценностных характеристик гармоничного развития и функционирования права, юридической практики и правосознания и правовой системы общества в целом. Как верно подчеркивает подавляющее большинство отечественных ученых-юристов, правовая культура – это особое, качественное состояние правовой системы, отражающее уровень зрелости, ценности и полезности соответствующих юридических явлений и процессов, способствующих «расцвету» личности, прогрессивному развитию социальных групп, слоев, народностей, наций, общества и человечества в целом. Поэтому в правовую культуру не могут быть включены правонарушения и иные негативные юридические явления, процессы и состояния, которые выступают в качестве регрессивных факторов, препятствующих нормальному развитию личности и общества. Это уже элементы юридической антикультуры.

Правовая культура, как никакая иная, призвана обеспечивать стабильность, упорядоченность и управляемость поведения людей, их коллективов и организаций в обществе, направлена на предупреждение, урегулирование и устранение разнообразных конфликтов. «Народ, – отмечает Гераклит, – должен сражаться за попираемый закон, как за стену города» [57. С. 40]. Для него, Сократа, Платона и других мыслителей ценность истинного закона не просто высокая, а абсолютная.

Таким образом, чтобы понять природу культуры в целом и ПК в частности, нужно рассматривать их в развитии, «роковой диалектике» (Н.А. Бердяев), единстве и противоречивости различных тенденций и процессов, происходящих в социокультурном пространстве.

9. Одним из важнейших показателей (свойств) культуры в целом и правовой культуры в частности многие мыслители прошлого и современные авторы (философы, историки, социологи,

культурологи, юристы и др.) считают приоритетное значение прав и свобод человека и гражданина в обществе (указанные положения находят отражение и в законодательстве, например, в ст. 2 Конституции РФ, где записано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»). Так, В.С. Нерсисянц пишет: «По своей сути и основной идее она представляет собой **культуру признания, защиты и осуществления прав и свобод человека и гражданина в качестве высших ценностей**» [16. С. 374].

В далеком прошлом и современных условиях подобные тезисы стали уже аксиоматичными и не подвергаются сомнению, а главное – глубокому осмыслению («Человек – мера всех вещей», «Права и свободы человека и гражданина – превыше всего» и т.п.). Между тем еще Н.Н. Алексеев (1879 – 1964 гг.) в изданной в Праге книге «Основы философии права» (1924 г.) писал по этому поводу следующее: «С тех пор, как римские юристы ввели в обиход понятие *persona*, обозначая им не только человеческую личность, но и другие стоящие под охраной права ценности, идея личности в праве стала настолько привычной, что отказ от нее может казаться своеобразной юридической ересью. Мироззрение правоведения до сих пор, по крайней мере, было персоналистическим, – и в идее лица философия права как бы наталкивалась на последнюю свою ценность.

По существу своему личность, как начало объединения всех возможных актов, может быть носителем и положительных, и отрицательных ценностей – и добра, и зла – так же как и различных ценностных модальностей, чувственных и духовных, нравственных и эстетических. Отсюда видно, с какой осторожностью мы должны отнестись к известному утверждению, что личность сама по себе есть ценность и даже высшая из ценностей. Положение это в такой безусловной форме является просто необоснованным. Не выходя из пределов взгляда на личность, как на носителя возможных актов, мы вправе сказать, что она *не есть*, но только *может быть* носителем высших ценностей» [18. С. 112-114].

Здесь следует также обратить внимание на тот факт, что в международном праве (Всеобщей декларации прав человека 1948 г.,

Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и др.), Конституции Российской Федерации, федеральном и региональном законодательстве, различных разновидностях юридической практики (правотворческой, право-реализующей, правоприменительной, судебной и т.д.), научных и учебных изданиях, средствах массовой информации произошла явная гиперболизация и переоценка места и роли прав и свобод во всех сферах общественной жизни, в индивидуальной и надындивидуальной правовых культурах. Между тем, юридические обязанности относятся к числу базовых ценностей, определяющих эффективность деятельности физических и должностных лиц, их коллективов и организаций, органов государственной и корпоративной власти, местного самоуправления и т.д. Игнорирование юридических обязанностей ведет к хаосу, анархизму, дезорганизации и энтропии экономических и политических, трудовых и управленческих, правовых и иных отношений в любой стране. Поэтому не случайно, что отдельные выдающиеся мыслители (философы, юристы и т.д.) в четком и грамотном исполнении юридических обязанностей видели одно из главных условий формирования демократического общества и государства, укрепление законности и правопорядка. Так, Ш. Монтескье писал: «Если я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране... я счел бы себя счастливейшим из смертных» [89. С. 160].

На взаимодействие прав и обязанностей, их ценностей в социальных группах и слоях, семьях, обществах и государствах обращали внимание Цицерон, Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо, Дж. Локк, русские декабристы (П.И. Пестель, Н.М. Муравьев и др.), И.А. Ильин и др. Так, декабристы полагали, что всякое государство может существовать «лишь на основе равновесия взаимных обязанностей и взаимных прав», что «невозможно согласиться с положением, когда все права находятся на одной стороне, а все обязанности – на другой» ([96. С. 24, 35. См., также 92; 93; 94; 95]).

Таким образом, назрела необходимость создания целостной концепции юридических обязанностей, принятия соответствующих конвенций, пактов и других международных документов и национальных законов, определяющих подлинную природу, базовые и понятийные ряды, структуры и ценностные характеристики данного феномена. В этой связи вполне логичным является внесение в Организацию Объединенных Наций для обсуждения странами – члена ООН специальной «Всеобщей декларации об обязанностях», что, без сомнения, будет способствовать развитию данного института в международной и национальных правовых системах.

10. Правовая культура является необходимым условием и предпосылкой создания цивилизованного гражданского общества (правового государства и т.п.). Они тесным образом связаны и взаимообусловлены, формируются постепенно в ходе преемственности и существенной переработки правового наследия, передачи юридических ценностей от одного поколения к другому путем заимствования, рецепции, правовой аккультурации, вбирая тем самым юридический опыт и ценности всего человечества. Правовая культура служит своеобразной фундаментальной основой перехода от одной цивилизации (этапа ее развития) к другой. Поэтому понятия «культура» и «цивилизация» в отечественной и зарубежной науке нередко воспринимаются как синонимы, т.е. под культурой (цивилизацией) подразумевается все то, что создано человеком, в том числе и в юридической сфере. Но ведь совершенно ясно, что люди, их социальные общности могут творить не только полезные, но и бесполезные, вредные «вещи» (например, совершать убийства, кражи и другие преступления). Все это тоже «плоды» цивилизации, они являются антикультурными, деструктивными, пагубными феноменами для общества в целом, отдельных людей, их коллективов и организаций.

Проблемы соотношения указанных понятий впервые гениально просто разрешил еще И. Кант. Он определял культуру как то и только то, что служит благу людей или что по своей сущности гуманистично: вне гуманизма и духовности нет истинной культуры (см., например, [17. С. 766 – 767]).

В правовую культуру, таким образом, могут быть включены только те юридические явления, процессы и состояния соответствующей цивилизации, которые отражают идеи (идеалы) свободы и ответственности, гуманизма и справедливости, личной и общественной безопасности, законности и правопорядка.

11. Как и любое ценностное образование, правовая культура по своей природе одновременно диалогична (это связано прежде всего с ее преемственностью, процессами наследия, рецепции, правовой аккультурации и т.п.), динамична (постоянно находится в движении, что обусловлено развитием экономической и политической, социальной и правовой систем общества, духовной среды, межкультурными связями и взаимодействиями), статична и консервативна (в правовой сфере, как ни в какой иной, нужны стабильность в праве, законодательстве, правовом регулировании поведения людей, осуществлении правосудия и юридической практики в целом), плюралистична (существуют разнообразные приемы, средства, способы и т.п. ее формирования, выражения и хранения, понимания права, его юридического содержания и форм выражения, функционирования юридической практики, реализации субъективных прав и юридических обязанностей участниками правоотношений исходя из уровня их правового мышления, вариативности принимаемых решений и т.п.).

12. В литературе обращается внимание на коммуникативную и символическую природу правовой культуры. Так, А.В. Поляков понимает в данном случае ее как «правовую среду обитания людей. Это, – пишет он, – совокупность текстов когда-либо легитимированных как правовые, и механизм по их созданию, хранению и трансляции» [45. С. 450].

С одной стороны, с указанными положениями нельзя не согласиться, а с другой – необходимо заметить, что в данном контексте явно преувеличена роль правовых текстов и снижено значение других юридических символов в правовой культуре (подробнее о понятии, видах и ценности правовых символов см., например, [46]).

13. В качестве относительно самостоятельного нужно, видимо, выделить интегративное свойство правовой культуры. Во-

первых, она представляет, как мы уже отмечали, органическое единство личных и общественных, индивидуальных и надиндивидуальных, материальных и духовных, субъективных и объективных, нормативных и ненормативных, внутренних и внешних начал. Во-вторых, она является воплощением накопленного социально-правового опыта, объединяя в единое целое наиболее ценные и полезные стороны прошлых и разнообразных типов современных культур. В-третьих, правовая культура обеспечивает не только общение, коммуникацию, но и солидарность между людьми, их коллективами и организациями, в том числе в обеспечении законности и правопорядка, борьбе с терроризмом (социальной чумой цивилизации), преступностью и другими социально-правовыми отклонениями в обществе. В-четвертых, она в определенной степени объединяет многие иные ценности (экономические, политические, религиозные, нравственные и др.), которые являются юридически значимыми и полезными в определенных социально-правовых ситуациях.

В литературе выделяются и другие черты правовой культуры, которые в своей совокупности позволяют уяснить ее природу, показать место и роль в любом обществе, сформулировать разнообразные ее дефиниции. Не претендуя на полноту, совершенство и какую-либо завершенность, мы считаем целесообразным дать следующее синтетическое (охватывающее и личностный, и общественный аспекты) ее определение. **Правовая культура** – это исторически сложившаяся относительно самостоятельная разновидность духовно-материальной культуры, которая представляет собой совокупность юридических ценностей, отражает качественное состояние правовой системы (степень совершенства и эффективности права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (ее представлений, идей, убеждений, знаний, установок, умений, навыков, действий и т.п.), обеспечивает юридическую коммуникативность, упорядоченность и управляемость общественных отношений, законность и правопорядок, прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества, отдельных индивидов, их коллективов, организаций, всего населения.

1.2. Структуры правовой культуры

1.2.1. Правовая культура как полиструктурное образование

Взгляды на структуру культуры вообще и правовой культуры в частности настолько же многообразны, насколько разнообразны их дефиниции. Рассмотрим наиболее типичные, по нашему мнению, позиции по данному вопросу.

В новейших философских словарях структура культуры рассматривается как совокупность программ деятельности, поведения и общения, которые представлены в форме знаний, навыков, норм, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей статике и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт (см., например, [47. С. 344]).

В философии, социологии и культурологии большинство ученых полагают, что культура имеет два измерения – материальное и нематериальное. Материальная культура включает физические объекты, созданные руками человека (их еще называют артефактами): орудия труда, книги, украшения и т.д. Нематериальную, или духовную, культуру образуют правила, образцы, нормы поведения, законы, ценности, символы, знания, идеи, обычаи, традиции, язык (см., например, [25. С. 14 – 15]).

При анализе основных черт правовой культуры мы уже обращали внимание на духовно-материальную ее природу. Указанный вывод будет методологически исходным и при исследовании ее структуры.

В юриспруденции структура правовой культуры также понимается по-разному. Так, В.И. Каминская, А.Р. Ратинов, В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова и др. к ее структурным элементам относят право, правоотношения, правовые учреждения и правовое поведение (деятельность) (см. [36. С. 19, 43; 97. С. 41]).

В.П. Сальников пишет: «Структурными элементами правовой культуры выступают компоненты юридической действительности в их особом ракурсе эталонов поведения: право, правовые

отношения, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов» ([23. С. 366]; см. также [1, 12, 15]).

С.С. Алексеев полагает, что основными элементами правовой культуры являются состояния: правосознания в обществе; законности; законодательства, совершенство его содержания и формы; практической работы в области права (см. [9. С. 270 – 271]).

А.П. Семитко в качестве элементов правовой культуры выделяет правовые тексты, деятельность, правовое сознание и субъектов, взятых в определенных качественных состояниях и уровнях прогрессивно-правового развития (см. [2, 19. С. 341 – 342]).

Р.А. Ромашов и А.Г. Тищенко структурными элементами правовой культуры называют: правовые ценности, источники права, правосознание, средства и методы правового регулирования, мотивацию и формы правомерного поведения, юридические гарантии обеспечения приоритета права по отношению к другим социальным регуляторам (см. [73. С. 7]).

Д.А. Агапов указывает, что «она включает такие элементы, как: культура правового сознания, культура правовых отношений, культура правовой деятельности, т.е. законность, правопорядок, законотворческую, правоприменительную и другие виды деятельности в сфере функционирования права» [75. С. 10].

Анализ указанных и иных точек зрения позволяет сделать три существенных уточнения по поводу исследования структуры правовой культуры. Во-первых, философские, социологические, культурологические модели структуры носят, как правило, достаточно абстрактный характер и не всегда могут быть использованы при изучении правовой культуры. Во-вторых, многие авторы, выделяя те или иные элементы, свойства и связи, «забывают», какой методологический потенциал заложен в понятии «структура». В-третьих, подавляющее большинство ученых-юристов не обращает внимание на то, что правовая культура – это полиструктурное образование, включающее, в частности, генетическую и функциональную, логическую (логику-философскую) и психическую, временную и пространственную, стохастическую и другие структуры (подробнее о специфике разнообразных струк-

тур применительно к различным юридическим явлениям см., например, [8]).

Итак, в самом общем плане **структура правовой культуры** – это такое ее строение, расположение элементов и связей, которое обеспечивает ее целостность, сохранение основных свойств и функций при воздействии на нее разнообразных внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов реальной действительности.

Рассмотрим некоторые из указанных выше структур правовой культуры. *Генетическая структура* раскрывает связи отдельных элементов и правовой культуры в целом с экономическими и политическими, социальными и духовными, организационными и нравственными, юридическими и иными предпосылками общественной жизнедеятельности. Именно она дает возможность выяснить причины и условия возникновения и развития правовой культуры, механизм ее детерминации и отдельные свойства ее элементов и связей.

Указанная структура позволяет рассматривать происхождение правовой культуры в рамках разнообразных теорий, а именно: теологической, философской, социологической, психологической, социокультурной, семиотической, коммуникативной и др.

Функциональная структура, во-первых, показывает, насколько качественно и эффективно функционирует каждый из элементов правовой культуры (право, правосознание, правовое мышление, юридическая практика и т.д.); во-вторых, раскрывает способы взаимодействия и функциональные связи между различными ее элементами; в-третьих, указывает на функции, которые выполняют она и отдельные ее типы (виды и подвиды). В данном случае уже сама правовая культура выступает в качестве определенной детерминанты по отношению к другим социокультурным феноменам, экономической и политической, социальной и духовной средам, иным сферам жизнедеятельности общества (подробнее о ее функциях см. главы 2 и 3 данной работы).

Логическая (логико-философская) структура дает возможность отразить взаимосвязи частей и целого, элементов и систе-

мы, содержания и формы правовой культуры (подробнее см. п. 1.2.2).

Психическая структура правовой культуры позволяет более обстоятельно и детально раскрыть внутреннюю, субъективную природу правовой культуры, проявление в ней словесно-логических, наглядно-образных и наглядно-действенных сторон, осознанных, предсознательных и бессознательных уровней правового мышления, исследовать соотношение между теоретическими и практическими, аналитическими и интуитивными, продуктивными и репродуктивными, произвольными и непроизвольными, реалистическими и другими элементами мыслительной деятельности.

Мы уже неоднократно писали о том, что в правоведении мало внимания обращается на стохастическую структуру юридических явлений, анализ которой имеет важное учебно-методическое, теоретическое и практическое значение (см., например, [8; 58]).

Стохастическая структура позволяет применительно к каждому типу (виду и подвиду) и правовой культуре в целом на конкретном этапе развития правовой системы общества выяснить объективно необходимые и случайные (нестационарные, переменные и т.п.) ее свойства, стороны, элементы состава и связи между ними.

Изучение процесса возникновения и развития правовой культуры осуществляется в рамках *временной ее структуры*. Этот аспект проблемы рассматривается, как правило, в рамках истории государства и права России и зарубежных стран, истории политических и правовых учений. В общетеоретическом плане он практически не изучен. Актуальность его исследования в настоящее время обусловлена тем, что в изменившихся экономических, политических, юридических и иных условиях происходит становление новой российской правовой культуры, которая должна сыграть роль мощнейшего катализатора преобразований во всех сферах жизнедеятельности при переходе от одной общественной системы к другой.

Пространственная структура отражает соответствующие типы, виды и подвиды правовой культуры, которые характеризуются специфическими чертами, структурами, функциями в национальных и других правовых системах (см. п. 1.3).

Таким образом, полиструктурность правовой культуры позволяет нам более последовательно, детально и всесторонне рассмотреть ее природу, строение, развитие и функционирование в различных сферах жизнедеятельности гражданского общества.

1.2.2. Логическая (логиико-философская) структура правовой культуры

В отечественной юридической литературе этот вопрос рассматривается порой весьма упрощенно. «Нельзя в полной мере представить сущность правовой культуры, – пишет, например, В.П. Сальников, – не выделяя *логическую* ее *структуру*. В данной плоскости правовая культура представляет собой юридические понятия и категории, оценки (оценочные суждения) и деонтические правовые модальности» [1. С. 44; 23. С. 369].

Автор явно смешивает здесь логический подход к правовой культуре с логической ее структурой. Причем речь идет в данном контексте только об индивидуальном типе правовой культуры. В философской литературе правильно подчеркивается, что «*структура* – это не только способ расположения элементов объекта в пространстве, но и *строение определенного процесса во времени, это определенная последовательность и ритм изменения процесса*. Она есть единство содержания и формы» [17. С. 302].

В институциональном аспекте **содержание** правовой культуры составляют конституирующие ее элементы и свойства. Поскольку основные ее свойства мы уже исследовали, перейдем к тем элементам, из которых складывается ее строение.

Рассматривая свойства правовой культуры, мы обращали внимание на то, что она не является самостоятельным компонентом правовой системы общества, а служит лишь одной из фундаментальнейших ценностных ее (правовой системы) характери-

стик. Поэтому в данном контексте важно выяснить, какие компоненты включаются в правовую систему общества.

Анализ разнообразных точек зрения по поводу структуры правовой системы общества привел нас к выводу о том, что она состоит из **права, юридической практики и правосознания**, которые образуют относительно самостоятельные подсистемы (подробнее см. [8. Ч. 1. С. 22 – 28; 58. Т.1. С. 55 – 64]).

Таким образом, к правовой культуре относятся следующие юридические явления, процессы и состояния, отражающие их ценность, зрелость, полезность и прогрессивность в любом обществе (см. пункты А, Б, В).

А. Право берется нами в единстве его содержания и формы, а не в виде законодательства, как полагают некоторые авторы (см., например, [9. С. 270 – 271]). **Юридическое содержание права** – это *система нормативно-правовых предписаний* (о многообразии подходов к понятиям «право», его содержанию, формам, источникам, функциям см., например, [58. Т. 1. Гл. 4 – 11]). В русском языке слово «предписание» трактуется как письменное распоряжение, приказ (см. [27. С. 501]). Понятие «нормативно-правовое предписание» позволяет охватить все элементы юридического содержания права (принципы, нормы, юридические дефиниции и т.п.), весьма удачно соединить психологический и социологический, логический и языковой, юридический и иные его аспекты.

Основными, ведущими элементами в юридическом содержании права являются принципы и нормы права. Относительно самостоятельное место в содержании права занимают другие, так называемые «нестандартные», «нетипичные» нормативно-правовые предписания: юридические формулы, рисунки, предписания-сроки, нормативные справки, легальные дефиниции и т.п. (о ценности легальных и иных дефиниций см., например, [78]).

По своей сущности **нормативно-правовые предписания** – это *логически завершенные и цельные общеобязательные веления (правила, требования, распоряжения и т.п.), которые выражены и непосредственно закреплены в соответствующих единицах*

Правовая культура: понятие, структуры, функции

(статьях, абзацах, параграфах, пунктах, частях и т.п.) текста нормативного акта, нормативного договора и иных форм права.

Таким образом, под **правом** нужно понимать *систему общих, обязательных, ясных и четких нормативно-правовых предписаний, реально обеспеченную мерами государственного, корпоративного и иного воздействия, внешне выраженную в доступных для субъектов нормативных правовых актах, договорах и других формально юридических источниках, отражающую высокий уровень юридической технологии (техники, тактики, стратегии и т.п.), идеи и состояния свободы и ответственности, справедливости и равенства, гуманизма, личной и общественной безопасности, служащую особым (юстициальным и т.п.) и эффективным регулятором поведения людей, их коллективов и организаций.*

Данное определение, на наш взгляд, позволяет «снять» основные спорные моменты (точки зрения и т.п.) по поводу понятия права, достаточно четко выделить его существенные признаки, элементы содержания и формы, научную, учебную, практически-прикладную и социально-культурную его ценность.

Право, как компонент правовой системы общества, представляет собой относительно самостоятельную *полиструктурную подсистему*, под которой необходимо понимать взятые в единстве, органической целостности и тесном взаимодействии нормативно-правовые предписания, институты, субинституты, подотрасли, отрасли и другие нормативно-правовые общности и массивы (содержательные элементы права) и способы внешнего их выражения и закрепления (нормативные акты, нормативно-правовые договоры, юридические прецеденты и другие формы права).

Творчески-преобразующий и конструктивный характер права, его собственная и инструментальная ценность как важнейшего элемента правовой культуры проявляется также в его общесоциальных (экономической, политической, социальной, экологической, идеологической, демографической и др.) и специально-юридических (регулятивной, охранительной, превентивной, правовосстановительной, компенсационной и др.) функциях, когда право выступает важнейшим средством достижения обществен-

ной солидарности, согласия и компромисса, управляемости и упорядоченности общественных отношений.

Дисфункции, влекущие негативные последствия юридического воздействия, «выпадают» из сферы социально-культурного пространства, не входят в комплекс правовых ценностей, характеризуют, как правило, юридическую антикультуру.

Б. Второй существенный компонент правовой системы общества, отражающий соответствующие культурные параметры, – это **юридическая практика** (правотворческая, интерпретационная, правореализующая, правосистематизирующая, их отдельные виды и подвиды), осуществляемая в рамках *юридических связей и правовых отношений*. Практика представляет собой относительно самостоятельную подсистему, включающую в свое содержание юридическую деятельность и социально-правовой опыт (подробнее см. [8. Ч. 1 – 5; 58. Гл. 12 – 16]).

Уровень зрелости **юридической деятельности**, а именно: профессионализм ее субъектов и участников, высокое качество и эффективность их действий и операций, юридической техники (системы средств), тактики (системы способов грамотного использования средств) и стратегии (умения планировать, прогнозировать и т.п.), оптимальность достигнутых позитивных результатов (социальных и юридических) характеризуют в динамике важнейшие параметры социально-культурного пространства.

Юридический опыт, который накапливается в процессе подготовки и издания нормативных правовых актов, их толкования, систематизации, реализации и т.п., представляет собой комплекс образцов, т.е. наиболее целесообразных, грамотных и полезных юридических решений, статику правовой культуры. Этот опыт как важнейший компонент практики и правовой культуры представляет собой коллективную, надындивидуальную, *социально-правовую память*, обеспечивающую накопление, систематизацию, хранение и передачу информации (знаний, умений, оценок, подходов, образцов поведения, использования средств и т.д.), позволяющую фиксировать и в определенной степени воссоздавать весь процесс деятельности или отдельные его фрагменты. «Опыт – вот учитель жизни вечной», – писал Гете [54.

С. 187]. Без социально-правовой памяти невозможно эффективное правотворчество и толкование, конкретизация и правоприменение, восполнение пробелов в праве и эффективное правовое регулирование общественных отношений в целом.

Для определения качества юридической практики особое значение имеет анализ ее внутренней и внешней форм. **Внешней формой**, как известно, выступают разнообразные юридические акты-документы (нормативно-правовые, интерпретационные, правоприменительные, судебные, следственные, нотариальные и т.д.), в которых закрепляются правовые действия и операции, средства и способы их осуществления, вынесенные решения т.д.

К **внутренней форме**, т.е. способу организации, внутренней связи элементов содержания, относится процедурно-процессуальное оформление юридической практики. Она включает определенные процессуальные стадии, производства и режимы.

Логическая (логиико-философская) структура юридической практики – это не только состав определенных элементов содержания и формы. Взаимообусловленность развития всех компонентов практики обеспечивается внутренними и внешними, прямыми и обратными, правовыми и неправовыми связями и отношениями, с помощью которых совершается перенос юридической энергии, информации, свойств и т.д., осуществляется взаимный обмен результатами различных видов юридической деятельности, контроль и взаимопомощь в реализации субъектами права разнообразных полномочий и функций. В этом легко убедиться, если рассмотреть, например, взаимодействие органов следствия, прокуратуры, суда.

Главное место среди этих связей и отношений занимают правовые отношения, которые в силу своей нормативно-правовой заданности, персонифицированности, гарантированности в каждой социально-правовой ситуации определяют индивидуализированные полномочия и обязанности, конкретную направленность юридических действий субъектов и участников практики. Существенное значение в социально-культурном пространстве в данном случае имеют своевременность возникновения субъективных

прав и субъективных юридических обязанностей, качество и эффективность их реализации, степень удовлетворения законных интересов и потребностей участников правоотношений (подробнее см. [58. Гл. 17]).

Применительно к юридической практике в целом, ее содержанию и формам, функциям и т.п. мы имеем огромный социально-культурный пласт «юридической материи», который требует глубочайшего и всестороннего осмысления со стороны значительного числа ученых (юристов, философов, психологов, историков, социологов, лингвистов и т.д.), их коллективов и организаций. Данные исследования позволят более четко выявить пути и основные направления проведения правовых реформ в любом, в том числе и российском обществе.

В. Одним из центральных компонентов правовой системы общества является **правосознание**, которое находит выражение в праве, юридической практике и правоотношениях (подробнее см. [58. Т.1. Гл. 18]).

Анализ соответствующих теоретических источников, а также психического механизма поведения людей позволяет сделать вывод о том, что в правовую культуру могут быть включены как сознательные, так и бессознательные элементы психики. Дадим пояснения данным положениям.

Правосознание – совокупность идей, теорий, представлений, чувств, взглядов, эмоций и т.п., выражающих отношение и оценку людей, их коллективов и общностей к ранее действовавшим, ныне существующим и желаемым юридически значимым явлениям, процессам и состояниям, служащая внутренней детерминантой любой юридической деятельности (поведения).

Оно представляет собой определенную сторону, аспект человеческого сознания, переплетено и взаимосвязано с экономическим, политическим, нравственным, религиозным и другими сферами сознания. В науке вопросы взаимодействия правосознания с другими формами сознания в настоящее время разработаны весьма слабо. Это связано, видимо, с одной стороны, с недостаточно глубоким и обстоятельным исследованием соответствующих форм осознания действительности, а с другой – с весьма тон-

кой и условной гранью между правовым, нравственным, политическим и другими видами сознания.

Содержание правосознания составляют юридические идеи и теории, эмоции и интересы, взгляды и чувства, представления и настроения, иллюзии и иные его компоненты. Их носителями выступают отдельные люди и их общности (социальные группы, коллективы, сословия, классы, нации и т.д.).

В связи с этим нам представляется весьма категоричным вывод Н.Н. Вопленко, который полагает, что «правосознание всегда имеет классово-политический характер, ибо своим содержанием оно выражает и защищает обособившиеся интересы классов, социальных групп в коренных, наиболее значимых публичных сферах жизнедеятельности» [11. С. 6].

Применительно к классово-организованному обществу, классам и их представителям данное положение, безусловно, является верным. Однако, когда речь идет о других классово- и политически-индифферентных носителях определенных взглядов, чувств, знаний и т.п. (например, независимых депутатах, судьях, беспартийных группах и коллективах), то они в своем осознании юридически значимой действительности и в своей деятельности не могут и не должны исходить из определенных классовых либо политических представлений (см., например, Кодекс судейской этики от 02.12. 2004 г.).

При характеристике данного признака необходимо также подчеркнуть органическую взаимосвязь индивидуальной и надындивидуальной форм правосознания. Эта взаимосвязь выражается в том, что индивидуальное сознание представляет собой совокупность правовых взглядов, эмоций, чувств, представлений, знаний и т.п., присущих каждому отдельному человеку. Правосознание обусловлено не только соответствующими общественными отношениями и кругом общения, но и психо-биологическими качествами, типом личности, ее специфическими свойствами (вниманием, восприятием, памятью, волей, воображением, темпераментом и т.д.). «Все великое, произведенное человечеством, – писал Гете, – всегда возникало из индивидуума» [57. С. 358].

Общественное или надындивидуальное правосознание – это уже совокупность правовых представлений, знаний, идей, понятий, которые являются общими для людей, объединенных типичными интересами в коллективы, группы, классы, сословия и т.д. Как верно отмечает А.И. Иванчак, «диалектический характер соотношения общественного и индивидуального правосознания проявляется в том, что общественное правосознание хотя и имеет надличностное состояние, однако оно не может существовать и развиваться вне индивидуального правосознания. У носителей общественного правосознания нет самостоятельной отражательной способности, нет органа, с помощью которого осуществляется чувственное познание и рациональное мышление, поскольку их правосознание хотя и имеет надличностное состояние, но не обладает надындивидуальным мозгом, как материальным органом познания. Индивидуальное же правосознание имеет таковое и обладает способностью отражать, усваивать и быть носителем правосознания любой социальной общности и общества в целом» (см. [58. Т. 2. С. 10]).

Гармония между личными и общественными интересами (взглядами, представлениями и т.п.), по мнению Дж. Локка, достигается благоразумным и благочестивым (т.е. правомерным) поведением (см. [57. С. 264]).

В юридической литературе весьма распространенным является положение, согласно которому правосознание рассматривается как органически целостное образование, *система* взглядов, представлений и знаний (см. работы П.П. Баранова, Н.Н. Вопленко, Л.А. Морозовой, В.М. Сырых и др.).

Возражая против выделения данного признака, С.С. Алексеев пишет, что правосознание «не есть структура целостного органичного явления. Это лишь подразделения более или менее организованной совокупности, и по своей сути они скорее свидетельствуют о разобщенности правосознания, о том, что под термином «правосознание» понимаются различные проявления духовной, интеллектуальной, социально-психологической жизни, связанные со сферой права, но не образующие органичной целостности» [9. С. 265].

Думается, что указанные положения требуют некоторых комментариев. Применительно к правосознанию в целом тезис С.С. Алексеева выглядит вполне логичным и справедливым. Сложнее обстоит дело, когда речь идет о правосознании одного, отдельно взятого индивида (гражданина Иванова, судьи Петрова и т.д.). Данному правосознанию также присущи динамизм, внутренний диалогизм, противоречивость. Идет как бы борьба, соперничество, выбор между различными юридическими взглядами, представлениями, чувствами, которые позитивно (правильно) или негативно (неправильно) отражают, оценивают и детерминируют действия конкретного человека. Причем правосознание одного индивида всегда выступает как непрерывный, изменяющийся под влиянием объективной и субъективной среды процесс чувственных и мыслительных образов, знаний, представлений, эмоций, настроений. Однако в указанном случае можно и нужно говорить о том, что все психологические и идеологические, обыденные и иные элементы индивидуального правосознания образуют органичную целостность. Именно взятые в системе, они в определенное «русло» направляют деятельность конкретного индивида. И именно в данном контексте можно говорить о существовании социально-психологического механизма правового поведения отдельной личности. При всей абстрактности построения его (механизма) модели, она имеет важное методологическое и практически-прикладное значение, поскольку позволяет определять пути, средства и методы формирования высокого уровня правосознания, бороться с негативными его сторонами и проявлениями юридической антикультуры (юридическим нигилизмом, догматизмом, идеализмом и т.п.), персонифицировать направления образовательной, воспитательной, пропагандистской и профилактической работы в разнообразных видах юридической практики.

Правосознание характеризуется интенциональностью, то есть направленностью на определенные объекты (предметы). В отечественной и зарубежной литературе по данному аспекту проблемы сложилось три основных точки зрения. Одни авторы связывают его прежде всего с правом. Например, еще Р. Иеринг отмечал,

что «частное право есть та сфера, в которой, при наличии известной степени постоянства и прочности правового порядка, ранее всего начинает развиваться правосознание и в котором прежде всего представляется случай убедиться в благотворном, выгодном влиянии его...» (см. [58. Т.2. С. 12]).

Другие ученые полагают, что правосознание отражает не только право, но и иные юридические (государственно-правовые) явления. Например, Л.А. Морозова считает, что одним из его особенностей является «отражение в правосознании лишь государственно-правовых явлений, т.е. тех, которые составляют правовую сферу общественной жизни. Это законодательство, другие формы и связи права; юридическая практика в разнообразном ее проявлении и т.д.» [14. С. 63].

Исключая из предмета отражения фактические общественные отношения, требующие правового регулирования, указанные авторы, по сути дела, отрицают такую важнейшую функцию правосознания, как правотворческая, на что вполне справедливо обращают внимание многие ученые-юристы.

На наш взгляд, предметом отражения могут быть: а) правовые явления (например, нормы права), состояния (правопорядок) и процессы (судебный, административный); б) любые иные обстоятельства объективной и субъективной реальности, осознанные в качестве юридически значимых; в) само правосознание, его отдельные стороны и элементы. В данном случае мы присоединяемся к точке зрения авторов, которые достаточно широко трактуют категорию «интенциональность».

Довольно оригинальной в этой группе авторов является точка зрения А.В. Полякова. Понимая под правосознанием непосредственное и опосредованное восприятие правовой действительности в чувственных и мыслительных образах, имеющих коммуникативно-волевою направленность, он пишет, что различные концепции правосознания должны опираться на различные варианты понимания права (см. [45. С. 364 и след.]). Право рассматривается им в рамках феноменолого-коммуникативной концепции как «явление, онтологически связанное прежде всего с жизнью социума, а не государства. Право есть **коммуникативная система**, – указы-

вает он, – которая возникает как результат **интерсубъективного взаимодействия** на основе определенных **текстов**, выработанных культурой общества. Согласно такому подходу, право существует на различных общественных уровнях как право **социальное**, и на уровне государства как **государственное** право» [45. С. 365]. Поэтому А.В. Поляков приходит к выводу о том, что «сознание создается языковой коммуникацией», существует «текст сознания», правосознание имеет «коммуникативно-волевою направленность» и т.д. [Там же].

Безусловно, что все попытки указанного и иных авторов, которые стремятся связать понятие, структуру, содержание, функции и другие стороны правосознания с понятием права, различными концепциями правопонимания, в определенной степени обогащают юридическую науку. Но при таком подходе ученых подстерегают две серьезных опасности. Первая, как правило, заключается в том, что то или иное правопонимание берется в качестве исходного и единственно правильного. Вторая же погрешность большинства отечественных и зарубежных авторов выражается в том, что они не учитывают вполне очевидных фактов – не только право, но и юридическая практика, правоотношение, да и правовая система общества в целом трактуются в юридической науке по-разному. Не учитывать указанного обстоятельства при характеристике правосознания нельзя, неверно и нежелательно.

Правосознание обладает таким свойством, как способность к рефлексии (осознанию самого сознания), самопознанию субъектами внутренних психических актов и состояний. Оно, по мнению Гегеля, "есть, с одной стороны, осознание предмета, а с другой стороны, осознание самого себя; сознание того, что для него есть истинное, и сознание своего знания об этом" (см. [58. Т. 2. С. 14]). Это свойство очень важно потому, что именно здесь происходит диалогизм и избирательность соответствующих чувств, представлений, знаний, которые затем проявляются в практических действиях субъектов права.

Данный процесс происходит не только в сознании отдельных индивидов. Самоанализ идеологических, социально-психологических и иных духовных состояний в определенной

степени характерен и для социальных групп, сословий, классов, наций. Примерами такого самопознания являются попытки осмысления русского менталитета, определения путей духовного (в том числе правового) развития России, выхода из идеологического и психологического кризиса, в котором оказались общество, отдельные нации, социальные группы, граждане. Как тут не вспомнить борьбу славянофилов и западников по проблемам, которые и в настоящее время довольно остро стоят перед Россией.

Правосознание обращено не только к настоящему (действующему законодательству, практике его толкования, систематизации, применения и т.д.), но и к прошлому и будущему. Эта черта весьма существенна для понимания и правильного решения вопросов правового наследия и преемственности. Идеи (теории) о правовом государстве, естественных правах человека, верховенстве закона, справедливости и другие, возникшие в далеком прошлом, не "покидают" наше сознание и в настоящее время и, без сомнения, они будут актуальными до тех пор, пока существует государственно-правовая организация общества и человеческая цивилизация.

В правосознании находит отражение весь спектр объективной и субъективной реальности. Однако его специфика, как верно замечает В.В. Лазарев, состоит в том, что оно воспринимает, а затем и воспроизводит жизненные реалии через призму правового, праведного, справедливого. Ему в отличие от других форм сознания в большей степени присущи определенность, формализованность и другие нормативные начала (см. [58. Т.2. С. 15]). На эти признаки правосознания совершенно справедливо обращали и обращают внимание И.Е. Фарбер, Е.А. Лукашева, Н.Н. Вопленко и многие другие ученые-юристы (см., например, [11. С. 8]).

Хотелось бы специально подчеркнуть, что формирование правосознания всегда связано с двумя типами отношений. Это: а) отношения индивидов (социальных групп и т.п.) к соответствующим предметам отражения (например, праву, юридической практике); б) психические, юридические, экономические, нравственные, политические, трудовые и иные взаимодействия между людьми, их объединениями и организациями.

Формирование правосознания предполагает не только восприятие и познание реалий жизни, но и их оценку. В процессе правового освоения действительности происходит оценка: а) социальных ситуаций, требующих правового опосредования; б) содержания права и форм его выражения; в) юридической (правотворческой, судебной, следственной и т.п.) практики и соответствующей той или иной практики системы правовых отношений; г) самого правосознания (обыденного, профессионального и т.п.).

В качестве критериев оценки (самооценки) могут выступать политические и этические, корпоративные и эстетические, юридические и иные социальные нормы и принципы, определенные идеи и представления, взгляды и чувства, уже сформировавшиеся в правовом и нравственном, политическом и других формах сознания, практические юридические действия и поступки. В результате видоизменяются либо формируются относительно новые взгляды, чувства, идеи, знания, складываются определенные убеждения.

Правосознание не только отражает осознание правовой действительности, но и воздействует на нее, формируя готовность личности к правовому поведению. Совместно с нормативно-правовыми и индивидуально-конкретными, праворазъяснительными и иными предписаниями либо самостоятельно правосознание позволяет более или менее правильно (неправильно) ориентироваться в социально-правовых ситуациях, делать субъектам соответствующий выбор и принимать юридически значимые решения. Как правильно отмечается в литературе (А.И. Иванчак), это «дает основание рассматривать сознание как преобразующую творческую силу, способную к постановке целей, предварительному мыслительному построению действий и предвидению их результатов. Именно на эту важную специфическую особенность сознания должно быть обращено особое внимание» (см. [58. Т. 2. С. 16]).

Весьма значительна регулятивная роль правосознания в случаях неясностей, неточностей, противоречий и пробелов в законодательстве, когда применяется аналогия закона или аналогия права. Последняя по сути своей представляет форму логического

развития нормативно-правового материала на основе определенного уровня правосознания.

Позитивно-ценностные, прогрессивные, положительные стороны правосознания представляют собой важную часть юридической культуры, духовно-правовой жизни индивидов, их объединений и общества в целом. В этом плане оно рассматривается нами также в качестве духовного источника права.

Правосознание является важнейшим компонентом правовой системы общества. Без него немислимы юридическая деятельность, участие всех субъектов, являющихся в той или иной степени носителями юридической идеологии и психологии, индивидуального и массового, обыденного и т.п. правосознания, в разнообразных правовых отношениях. Поэтому трудно согласиться с точкой зрения С.С. Алексеева, который полагает, что «в правовую систему страны» входит «вместе с позитивным правом и судебной (юридической) практикой» только «господствующая правовая идеология» (см. [9. С. 266]).

Применительно к современной России вообще трудно говорить о какой-то «господствующей правовой идеологии», но это не означает, естественно, что отсутствует правосознание в российской правовой системе общества. Хочется также напомнить цитируемому автору и читателям положения ст. 13 Конституции РФ. В п. 1 указанной статьи говорится: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие». В пункте же втором ст. 12 написано: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Юридические идеи, концепции, теории разрабатываются учеными-юристами, государственными и политическими деятелями, политическими партиями и общественными объединениями. Указанные идеологические элементы не могут существовать без своей первоосновы – юридической психологии, т.е. определенных ощущений, чувств, эмоций, взглядов, настроений и переживаний людей. Таким образом, правосознание в целом, а не только юридическая идеология или господствующая юридическая идеология, составляют стержень, сердцевину, внутреннюю детерминанту правовой системы общества.

Отражая те или иные элементы и аспекты правовой системы общества, правосознание диалектически связано с подсознанием, бессознательным.

Подсознание – это *система психических явлений, процессов и состояний, не поддающихся, по крайней мере в данный момент, контролю со стороны сознания* (подробнее см., например, [52. С. 165 и след.; 56.С.9-14]).

Юридическую значимость имеют такие, например, явления, как: а) *инстинкты* (самосохранения и т.п.), порождающие у людей подсознательные желания, эмоции, волевые импульсы и т.п., которые впоследствии могут быть осознаны субъектами права; б) *интуиции*, т.е. знания и способности достигать определенных знаний, результатов и т.п., возникающие без осознания путей и способов их получения (они лежат в основе предчувствий и предвидений); в) *юридические автоматизмы* – достаточно сложные порой действия людей, формирующиеся первоначально под контролем сознания, в результате же многократного их повторения «уходят» в подсознание (стереотипы действий, используемых средств, юридические навыки, привычки и т.п., особенно характерны для профессиональной культуры юристов); г) *правовые установки*, т.е. состояния предрасположенности, готовности субъекта права к определенной активности в соответствующей социально-правовой ситуации (могут быть сознательными и неосознанными).

Юристам необходимо прислушиваться к словам Дж. Мерфи, который писал: «Благородные стремления, внезапные озарения и большие видения выходят всегда из подсознания. Ваши самые глубокие убеждения – это те, которые вы не можете облечь в слова или четко и вразумительно обосновать, так как они исходят не от сознания, а от импульса, предчувствия, инстинктивного порыва и творческих идей. Оно всегда заставляет вас идти вперед, от цели к цели, и достигать новых высот» [65. С. 135].

В зависимости от уровня развития правосознания, степени его зрелости, эффективности воздействия на общественные отношения можно выделить такие его социально-культурные элементы, как юридические взгляды, чувства, эмоции, знания, пере-

живания, настроения и т.п. людей и их общностей, которые складываются у субъектов стихийно в ходе обыденной их жизни, в процессе непосредственного и опосредованного общения (психологический уровень), а также юридические идеи, идеалы, знания, понятия, теории и т.п. (идеологический уровень).

Ценностную характеристику можно дать и отдельным блокам и элементам психологического механизма выраженным в правовом поведении людей и их коллективов (см. [58. Гл. 19]).

1.3. Типы, виды и подвиды правовой культуры

Типология как метод научного познания предполагает расчленение всех существовавших и существующих правовых культур на отдельные единицы и группировку их с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа. В рамках каждого типа, как правило, можно выделять отдельные виды и подвиды. В данном контексте, по существу, речь идет о *пространственной структуре* правовой культуры (подробнее см. [59]).

В отечественной литературе в качестве самостоятельных типов обычно выделяют правовую культуру личности, отдельных социальных групп и общества в целом. В зависимости от уровня и глубины познания правовых явлений, их использования в правовом поведении правовая культура личности в свою очередь подразделяется на обыденную, профессиональную и теоретическую (см., например, [1, 2, 11, 12, 14, 33, 78]).

В.П. Сальников считает также, что можно говорить о «цивилистической, криминалистической, административной и судебнопросессуальной правовой культуре» личности. «Нет необходимости вести речь о самостоятельной структуре правовой культуры личности исходя из всех отраслей права, – пишет он, – однако могут иметь и имеют место в реальной жизни различные ее направления с учетом существенных особенностей деятельности суда, органов внутренних дел (в целом административных органов), следствия или цивилистики. Наблюдаются такие особенности и применительно к деятельности различных служб милиции.

Поэтому и выделяются направления правовой культуры личности, ориентированные на гражданское, административное, уголовное право, на судебный процесс» [23. С. 367].

Нам представляется, что пространственная структура правовой культуры является более богатой и многообразной.

1. Действительно, по ее носителям (творцам, агентам и т.п.) можно выделять правовую культуру *индивидов* (Иванова, Петрова и т.п.), *социальных групп* и *слоев населения* (например, пенсионеров и студентов), *классов* (например, рабочего класса), *наций* (например, французов и немцев) и *общества* в целом (например, российского общества). Особое место в этом ряду занимает правовая культура *должностных лиц*, поскольку степень знания и понимания ими права, грамотные юридические действия существенно влияют на авторитет власти, реализацию прав и законных интересов граждан и организаций, эффективность юридических преобразований во всех сферах общественной жизни.

2. Нельзя не согласиться с наличием *обыденного* и *научного* (теоретического) типов (уровней) правовой культуры (подробнее см. [1, 2, 10, 11, 23, 38]).

Обыденная правовая культура – это все проявления юридических ценностей в обыденной жизнедеятельности людей, о которых они чаще всего не задумываются. Ведущую роль в ее содержании играют традиционные ценности, юридические стереотипы, установки, обычаи, привычки и т.д. Значительное место в регулировании общественных отношений на этом уровне занимают подсознательные и бессознательные элементы в правовом поведении людей и их коллективов. Все возникающие проблемы, ведущие в последующем к изменениям правовой культуры, как правило, незрывают в обыденной культуре и затем осознаются, подвергаются рефлексии, рационализируются в научной, профессиональной и иных специализированных сферах правовой культуры.

Научный (теоретический) тип правовой культуры, как правило, присущ ученым-юристам и включает систему специальных теоретических знаний, умений, навыков, идей, принципов, концепций, моделей правового регулирования общественных отношений и других юридических ценностей, выраженных в их твор-

ческой деятельности, ее результатах, рекомендациях и предложениях по совершенствованию содержания и форм права, юридической практики (правотворческой, правореализующей, правосистематизирующей и т.д.), психологического механизма поведения субъектов правоотношений. Не случайно основоположник современной культурологии Л.А. Уайт (1900 – 1975 гг.) полагал, что наука и техника, а не те или иные разновидности индивидуального и коллективного поведения (деятельности) или идеи, традиции и знания определяют в конечном счете развитие культуры и общества в целом (ср. [61. С. 291 – 292]).

В широком смысле юридическая наука начинается с построения (реконструкции и т.п.) рациональной картины правовой действительности, на основе изучения закономерностей развития и функционирования последней.

Порой складывается впечатление, что вся юридическая наука является относительно самостоятельным типом (компонентом и т.п.) правовой культуры. Однако в правоведении существует и много ложных (действительных или кажущихся) суждений (выводов, идей, теорий и т.п.), которые «выпадают» из системы правовых ценностей, служащих прогрессивному, поступательному движению общества. Поэтому следует достаточно осторожно подходить к роли и оценке юридической науки в формировании правовой культуры на всех этапах развития цивилизации.

3. По уровню наличия (отсутствия) преимущественно профессиональных (непрофессиональных) элементов в содержании ПК и ее формах она подразделяется на *профессиональный* и *непрофессиональный* типы.

Профессиональная правовая культура включает специальные юридические знания, способности, практические умения, навыки, привычки, нормы, стандарты, мастерство и т.п., которые связаны с конкретной юридической профессией (уровень овладения профессиональной правовой культурой выражается обычно в соответствующем «квалификационном разряде»). Так, в отечественной юридической науке немало работ посвящено правовой культуре судей, сотрудников органов внутренних дел (милиции и т.п.), пенитенциарных учреждений и др. (см. [37, 62, 63, 64]).

Причем отдельные авторы порою забывают различать, с одной стороны, формальную квалификацию, которая документально отражена в официальных удостоверениях, дипломах, аттестатах, сертификатах и т.д., а с другой – реальную правовую квалификацию, предполагающую не только наличие определенных теоретических и учебно-прикладных знаний и ценностей, правил и моделей юридической деятельности, но и личного профессионального опыта (умения, привычек, мастерства и т.п.), сформированного в ходе конкретной юридической практики (в суде общей юрисдикции, арбитражном суде и т.п.). Профессиональной правовой культурой становится лишь при гармоничном сочетании указанных двух начал (подробнее см. п. 1.4 данной работы).

4. В зависимости от определенного исторического типа (формационный подход) необходимо разграничивать правовую культуру *рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического и постиндустриального общества.*

5. Как известно, в относительно самостоятельные типы группируются правовые системы, которым присущи некоторые общие черты в содержании права и формах его выражения, юридической практике (правотворческой, правоприменительной, судебной и т.д.) и правоотношениях, правовой психологии и идеологии (подробнее см. [8. Ч. 1]). Поэтому можно говорить о *романо-германской и англосаксонской, традиционно-религиозных (мусульманской, индусской, иудейской и т.п.)* и иных типах правовой культуры.

Если иметь в виду, например, перспективы распространения и освоения исламского юридического наследия, развития мусульманско-правовой культуры в России (да и в мире в целом), то в данном случае мы сталкиваемся с фундаментальными вопросами, которые имеют ключевое теоретическое и практическое значение, от решения которых зависит будущее страны и всего человечества. Дело в том, что в правовые системы других стран привносятся не богатейшие достижения мусульманско-правовой культуры, а скорее антикультурные элементы, которые ведут к усилению национализма, фанатизма, экстремизма, терроризма и

т.д. (о некоторых тенденциях проявления мусульманско-правовой культуры см., например, [53]).

В этом плане очень интересной представляется проблема культурно-правовой экспансии в целом, которая лишь только поставлена в отечественной и зарубежной юридической науке и требует глубочайшего и всестороннего исследования (см., например, [8. Ч. 1; 66]).

Глубочайшие мысли по поводу особенностей русской культуры, в частности нравственной и правовой, в свое время были высказаны Ф.М. Достоевским. Он писал: «Национальная идея русская есть в конце концов лишь всемирное общечеловеческое объединение» (цит. по: [57. С. 457]). В России, по его мнению, «возникает высокий культурный тип, которого нет в мире, – тип всемирного боления за всех» [там же].

Особую роль в настоящее время играет *международная правовая культура*, поскольку разрабатываемые на данном уровне правовые ценности (стандарты, образцы, эталоны, общепризнанные нормы, принципы и т.д.) имеют глобальное и универсальное воздействие на правовые системы многих стран мира. Данный тип можно назвать «культурной суперсистемой».

Нельзя, видимо, забывать и о значимости *региональных международно-правовых культур*. Например, в Европейском Союзе складываются специфические для данного сообщества правовые ценности, которые, с одной стороны, впитывают все позитивное из национальных правовых культур, а с другой – формируют общее для всех стран, входящих в ЕС, культурно-правовое пространство.

6. По доминирующей роли в той или иной правовой системе правовых ценностей следует выделять *господствующую* и *подчиненную* ей правовую культуру. Так, в течение нескольких столетий в большинстве стран Западной Европы господствующей считалась римская, а в арабских и некоторых других странах (регионах) с начала VII века н.э. и по настоящее время – мусульманская правовая культура.

7. Естественно, что следует различать правовую культуру *господствующих* и *эксплуатируемых классов* (слоев, социальных

групп и т.д.). Здесь уже речь идет о другой по своей сущности ее типологии.

8. По уровню зрелости правовая культура может быть *высокая, средне-достаточная* и *низкая*. Последний тип уже граничит с антикультурой.

9. По типу юридической практики, в которой формируются и осуществляются те или иные правовые ценности, можно говорить о правовой культуре *правотворческой* и *интерпретационной, правосистематизирующей* и *правореализующей, судебной* и *следственной, нотариальной* и т.п. практики.

10. В зависимости от сферы общественной жизни, в которой используются правовые ценности, следует выделять правовую культуру в области *образования, здравоохранения, торговли* и т.д.

11. В любом обществе можно выделить *массовую* и *элитарную* правовую культуру. Первая характерна для широких слоев населения и формируется, как правило, средствами массовой информации, примитивными формами и системами юридического образования (в России в данном случае речь идет, прежде всего, о «карликовых» факультетах и частных вузах) и правовой пропаганды. Данное понятие может быть осмыслено как в позитивном, так и в негативном аспектах. Негативный смысл выражения «массовая правовая культура» заключается в том, что населению (отдельным лицам, социальным группам и т.д.) прививаются примитивные юридические знания, представления, действия и т.д., которые приводят порой к «юридическому одичанию».

Позитивный смысл данного понятия можно видеть в том, что некоторые агенты правовой культуры стремятся внедрить правовые ценности высокого уровня и зрелости в многомиллионные массы народа (например, международные стандарты и социально-правовые механизмы защиты прав и свобод человека в практику различных стран) (подробнее см. [55]).

Элитарная правовая культура – это совокупность юридических понятий, идей, идеалов, убеждений, установок, навыков, мастерства, грамотного понимания и осуществления юридических предписаний в практической деятельности разнообразных субъектов права, которыми обладают обычно немногие юристы

(ученые и практики), государственные, политические и общественные деятели. Носителями элитарной правовой культуры, например, были римские юристы Ульпиан, Гай, Павел, Модестиан и др. Не случайно в Дигестах Юстиниана кодифицированы сочинения тридцати девяти виднейших римских юристов (больше всего заимствований – около 2500 фрагментов – было из трудов Ульпиана).

В культурологии практически все авторы обращают внимание на существование в любом обществе разнообразных субкультур, их соотношение с массовой и элитарной культурой, контркультурой и т.д. Безусловно, что существуют и соответствующие юридические субкультуры. Многие отечественные авторы (Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Е.Г. Багреева, А.И. Гуров и др.) основной акцент в данном случае делают на преступной субкультуре. Однако понятие «юридическая субкультура» следует рассматривать более широко. Оно не всегда предполагает антагонистические, неразрешимые противоречия и противостояния между базовыми правовыми ценностями и специфическими правовыми взглядами, представлениями, идеями, юридическими поступками, например, отдельных социальных групп и слоев населения (молодежи, этносов и т.п.), общественных и религиозных объединений. Правовая субкультура в этом аспекте раскрывается как часть общей правовой культуры, в некоторых свойствах (элементах, сторонах и т.п.) отличающаяся и/или противостоящая целому, но в главных чертах согласующаяся и продолжающая развивать правовую культуру данного общества. Она не противостоит господствующей правовой культуре, а включает ряд юридических ценностей доминирующей правовой культуры и добавляет к ним новые ценности, характерные только для данной субкультуры, отражая тем самым пеструю юридическую картину любого общества (см.[59. С. 10 – 11]).

П.А. Сорокин, а вслед за ним и ряд современных авторов (А.В. Поляков, Е.В. Тимошина и др.), в качестве самостоятельных типов рассматривают идеальную, чувственную и идеологическую правовые культуры (подробнее см. [98; 99]).

В рамках определенных **типов** можно рассматривать и отдельные **виды** и **подвиды** правовой культуры. Например, в романо-германском типе правовой культуры относительно самостоятельное место занимают романская и германская ПК (виды). В культуре правореализующей практики (тип) можно выделить правовую культуру судебной и следственной практики (виды), правовую культуру конституционных судов и судов общей юрисдикции (подвиды) и т.д.

Можно рассматривать, видимо, и другие типы, виды и подвиды правовой культуры: западную и восточную, африканскую и латиноамериканскую, общенациональную и этническую, городскую и сельскую, молодежную и разнообразные смешанные правовые культуры, которые занимают свое особое место в культурно-правовом пространстве.

Многообразие культурных типов (видов и подвидов), несмотря на их своеобразие и относительную самостоятельность, позволяет достаточно широко и глубоко уяснить природу правовой культуры в целом, показать ее место и фундаментальное значение в преобразовании всех сторон общественной и личной жизнедеятельности. В определенной степени этот аспект проблемы мы затронем и при характеристике отдельных функций ПК.

1.4. Профессиональная правовая культура (некоторые аспекты понимания и структурирования)

При исследовании особенностей профессиональной правовой культуры необходимо сделать несколько существенных уточнений. Во-первых, все указанные выше типы, виды и подвиды правовых культур в реальной жизни тесно переплетены и взаимосвязаны. Так, правовая культура общества не существует вне правовых культур отдельных людей, их коллективов, общностей и организаций, в том числе и вне профессиональной культуры юристов. Во-вторых, природу последней можно изучать в разных аспектах: например, в организационно-структурном (в плане

профессиональной деятельности юридических учреждений и организаций, в рамках отдельных профессиональных коллективов или групп, а также на личностном уровне. Признавая относительную условность данного подхода, главное внимание в работе мы уделим позитивным (ценностным, прогрессивным и т.п.) личностным качествам юристов в их деятельности.

В-третьих, нужно иметь в виду, что специфические черты правовой культуры присущи каждой юридической профессии, специальности и соответствующим их представителям (судьям, нотариусам, юрисконсультам и т.д.). Причем различия характерны и для профессиональной культуры отдельных работников «внутри» конкретного учреждения (например, сотрудников криминальной милиции и ГИБДД, рядового, младшего, старшего и высшего начальствующего состава органов внутренних дел, судей арбитражных и конституционных судов).

Отечественными авторами опубликовано немало трудов, посвященных правовой культуре судей, следователей, сотрудников милиции, пенитенциарных учреждений и др. (см. [37, 63; 64; 100 – 103]). Общая же теория профессиональной правовой культуры остается пока в «тени». Попробуем хоть в малой степени исправить этот недостаток. Однако, прежде чем перейти к конструированию общей модели профессиональной юридической культуры, рассмотрим некоторые свойства, элементы, дефиниции и т.п., которые присущи специальным правовым культурам.

Так, В.П. Сальников понимает под правовой культурой личности сотрудника милиции непосредственно обусловленную правовой культурой общества степень и характер прогрессивно-правового развития этой личности, обеспечивающие ее правомерную деятельность (см. [100. С. 12]).

Как видим, указанная дефиниция является весьма абстрактной и не отражает специфику определяемого феномена.

О.Ф. Павлов полагает, что профессиональная правовая культура сотрудника милиции – это «сбалансированное состояние правосознания, нравственности и интеллектуального развития, которое позволяет активно, осознанно, на высоком уровне выполнять в публичных интересах конституционно значимые

функции по обеспечению общественной безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина» [63. С. 22].

В данном случае не совсем ясно, почему сотрудник милиции выполняет: а) только конституционно значимые функции и б) только в «публичных интересах». Кроме того, защите, на наш взгляд, подлежат не только права и свободы, но и юридические обязанности человека и гражданина.

Достаточно сложной и несколько тавтологичной является дефиниция правовой культуры сотрудника пенитенциарной системы, предложенная Е.Б. Кониченко. Данная правовая культура, по ее мнению, – «представляет собой *разновидность правовой культуры, выделенную по критерию принадлежности ее носителей к определенной профессии, выступающую как сложно детерминированное социокультурное образование, проявляющееся на мировоззренческом, поведенческом уровнях в качестве совокупности ценностей, норм, профессионально значимых качеств, мировоззренческих установок, а также степени их освоения сотрудником пенитенциарной системы, позволяющую эффективно выполнять задачи в процессе их профессиональной деятельности*» [103. С. 18].

Конкретизировать понимание отдельных разновидностей профессиональных правовых культур должен был, видимо, анализ, существенных признаков, свойств, элементов, структур и т.д. Однако указанные и иные авторы, как и при характеристике правовой культуры в целом, акцентируют внимание лишь на логической структуре, а еще точнее – на ее составе и отдельных элементах. Например, Е.В. Аграновская вслед за П.А. Лупинской считает, что об уровне правовой культуры судьи свидетельствуют его юридические знания, навыки, правовые установки, ценностные ориентации, которые проявляются: а) в правильном понимании судьей своих функций; б) в точном исполнении им предписаний закона; в) в обеспечении прав и законных интересов участников процесса; г) в оценке с позиции закона использованных в процессе тактических и технических средств; д) в правильном выборе варианта решения и т.д. (см. [78. С. 116 и след; 107. С. 58]).

Как показывает анализ соответствующих источников (нормативно-правовых, теоретических и эмпирических), профессиональная правовая культура судей представляется более зрелой, насыщенной и богатой.

Е.Б. Кониченко рассматривает структуру профессиональной правовой культуры в виде двух блоков. В первом она выделяет праксиологическую и ментальную стороны. Праксиологическая характеризует способ взаимодействия сотрудников с орудиями, средствами и предметами их труда, а также степень готовности субъектов к осуществлению конкретного вида юридической деятельности. В ее рамках раскрываются следующие элементы: «профессионально-правовые знания, профессиональные умения, профессионально-правовой опыт, профессиональная этика и т.п.». Ментальная сторона представлена профессионально-правовой направленностью, профессионально-правовым мышлением, профессиональными интересами, профессиональными идеалами, профессионально-правовыми ценностями и т.д.

«Во второй блок, по мнению Е.Б. Кониченко, входят элементы, составляющие совокупность субкультур, т.е. конкретное содержание определенных культур, отвечающих требованиям данной профессии», а именно: нравственная культура, культура общения, культура умственного труда, штабная культура, правовая культура, криминальная культура, педагогическая культура и т.д. [103. С. 18 – 19]. Данная модель структуры профессиональной культуры нам представляется весьма запутанной и противоречивой. Не совсем ясно, например, почему: а) профессиональные знания составляют праксиологическую, а профессиональное мышление – ментальную сторону, б) профессиональная этика и нравственная культура «разведены» по разным блокам, в) «криминальная культура» включена в профессиональную культуру, а не юридическую антикультуру и т.д.

При характеристике любой профессиональной правовой культуры следует, видимо, исходить из того, что она представляет собой одну из разновидностей правовой культуры, которая свойственна отдельным людям, их коллективам, общностям и т.п., профессионально занимающимся какой-либо юридической

практикой, и базируется на специальном юридическом образовании и практической подготовке (см., например, [104. С. 153 – 161]).

Профессиональная ПК, как и иные разновидности правовой культуры – это полиструктурное образование, включающее генетическую, функциональную, логическую, стохастическую, горизонтальную, вертикальную, временную, пространственную и иные структуры.

Важнейшим элементом в любой ее структуре является *правосознание юристов*. Последнее в литературе определяется в виде одной из форм правового сознания, выступающего как система правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций и других структурных образований сознания людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной и практической подготовки (см. [109. С. 112]).

В качестве же элементов содержания правосознания юристов Н.Я. Соколов выделяет систему присущих данной профессиональной группе правовых знаний, оценок, представлений, стереотипов, традиций, привычек, ценностных ориентаций и т.д. (см. [109. С. 19]). Причем автор подчеркивает, что «профессиональное сознание юристов отличается от правосознания других граждан не столько входящими в него элементами, сколько их содержанием, глубиной, качеством и направлением связей между ними. От правосознания других социальных групп профессиональное юридическое сознание отличается прежде всего высоко развитым когнитивным компонентом. Знания юристов в области права значительно полнее и детальнее, чем у других граждан и достигают экспертного уровня. Кроме того, юридическое сознание обладает значительно большим объемом памяти: у него выше способность к приему, переработке, хранению и использованию правовой информации» [109. С. 21 – 22].

Спорить с указанными выводами автора трудно в силу их очевидности. Однако некоторые ученые-юристы (В.В. Лазарев, Е.А. Белканов и др.) предлагают систему правосознания, в том числе и профессионального, рассматривать в качестве опреде-

ленного психологического (психического) механизма (подробнее см. [58. Т. 2. Гл. 19]).

Анализ взглядов представителей философских, социологических, психологических, юридических и иных наук привел нас к выводу о том, что в психологическом механизме профессиональной юридической деятельности юристов необходимо выделять следующие блоки: а) сбора и обработки фактической и правовой информации (дистантные ощущения, восприятия, представления, понятия, суждения, умозаключения, память и т.п.); б) мотивационный (интересы, мотивы, установки и т.п.); в) программно-целевой (цели, программы, планы, прогнозы и т.п.); г) энергетический (внимание, воля, эмоции и т.п.); д) блок личного практического опыта (способности, знания, навыки, умения, мастерство); е) оценочный (мыслительные оценки, которые проявляются в понятиях, суждениях, умозаключениях и т.п.); ж) блок принятия рационального решения и его реализации (анализ информации и построение идеальных образов, формирование и сопоставление эталонных и текущих образов, их коррекция, выработка социально-правовых и ценностных ориентиров, выбор или построение гипотез и т.п.).

Кратко рассмотрим лишь отдельные, базовые элементы указанного механизма, их место и роль в профессиональной культуре юриста. Но прежде всего нам бы хотелось обратить внимание на такой феномен, как *профессиональная пригодность* юриста. Ее можно определить в виде системы свойств, элементов и структур, характеризующих психофизиологические и социально-психические особенности человека, необходимые для достижения качественных и эффективных результатов в той или иной сфере профессиональной юридической деятельности (подробнее см. [110. С.15 – 17]). Она формируется всей жизнью человека в детском и взрослом возрасте, развитием его индивидуальных и общесоциальных качеств, в процессе его профессиональной деятельности при наличии положительной мотивации, возникновению и упрочению которой способствует осознание субъектом общественной и личной ценности своего труда, реализации в нем своих возможностей, общественное признание достигнутых им

целей и результатов, система моральных и материальных стимулов, чувств удовлетворенности от выполняемых функций и решаемых задач.

Требования к профессиональной пригодности юриста постоянно меняются. Это обусловлено изменением конкретно-исторических ситуаций, определенными переменами в экономической и политической, социальной и духовной жизни общества, обновлением национального и международного законодательства, задач и функций, целей и ценностей применительно к той или иной профессиональной юридической деятельности.

Профессиональная пригодность определяется в ходе профориентационной работы, в процессе тщательного профотбора, во время обучения и освоения той или иной юридической профессии, квалификационных экзаменов и т.д.

Профессиональная пригодность является одновременно **предпосылкой, условием** эффективного овладения и осуществления определенной юридической деятельности и **необходимым элементом профессиональной правовой культуры** субъектов этой деятельности. Поэтому не случайно такие качества, например, юристов-профессионалов, как забота о своем здоровье, развитые аналитические и синтетические способности мышления, целеустремленность, решительность, выдержка и самообладание, инициативность и беспристрастность, уравновешенность и другие рассматриваются некоторыми авторами не только в качестве определенных профессиональных ценностей, но и закрепляются в различных правовых актах. Так, требование к сотрудникам полицейской службы проявлять самоконтроль, терпимость, заботиться о своем здоровье и т.п. прямо закреплены в «Положении об этических принципах полицейской службы Великобритании» и «Этике полицейского ФРГ» (см. [108. С. 370, 377]).

В статье 4.1. («Медицинское освидетельствование претендента на должность судьи») закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. №3132 – 1 (в ред. от 24 июля 2007 г., с изм. от 31 января 2008 г.) записано: «Для подтверждения отсутствия у претендента на должность судьи заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, про-

водится его предварительное медицинское освидетельствование. Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, утверждается решением Совета судей Российской Федерации на основании представления федерального органа исполнительной власти в области здравоохранения».

Важным компонентом профессионального правосознания и культуры является *достоверная юридическая информация*. Как известно, профессиональное правосознание формируется с помощью дистантных ощущений, восприятий, представлений, суждений, умозаключений и т.п. на обыденном, теоретическом и практическом уровнях. При отсутствии эффективной системы правового воспитания и пропаганды будущие юристы информацию о соответствующих профессиях и специальностях, праве и юридической практике (правотворческой, интерпретационной, правоприменительной, судебной, следственной и т.п.), правомерном и правонарушительном поведении получают в рамках традиционных способов: изучения основ юриспруденции в школах и других учебных заведениях, чтения популярных книг, энциклопедий, брошюр и т.д.

Главными же источниками юридической информации в настоящее время становятся электронные СМИ, справочные правовые системы, официальные сайты государственных и негосударственных учреждений и организаций, специализированные юридические порталы, базы и банки данных, отдельные юридически ориентированные веб-страницы в системе Интернет и т.д.

Фундаментальные и специализированные основы профессиональной правовой культуры закладываются в ходе юридического обучения, теоретического осмысления правовой системы общества и отдельных ее сторон. В данном случае речь идет, прежде всего, о юридическом образовании, качество которого в нашей стране оставляет желать лучшего. По данным Минобрнауки сегодня в более тысячи вузах, факультетах и филиалах обучается около 700 тыс. студентов-юристов (количество юридических учебных заведений увеличилось в 10 раз по сравнению с тем, что было 20 лет назад). По мнению министра А. Фурсенко, в России к настоящему времени подготовлено в 3 – 4 раза больше юристов,

чем требуется. Но лишь 30% из них получили действительно качественное образование (см. [51. 2008. 29 марта]).

О качестве юридического образования могут свидетельствовать такие примеры. В 2006 – 2007 гг. в Москве в службу трудоустройства обратилось более 5 тыс. человек с высшим юридическим образованием. Но только половина из них нашла работу. В различные московские учреждения и компании требовалось почти две сотни юрисконсультов. Однако квалификация почти 2,5 тыс. дипломированных юристов оказалась ниже той, что требовалась (см. [51. 2008. 29 марта]).

Профессиональная правовая культура обязательно включает научно-теоретический компонент. Например, студенты-юристы в рамках изучения фундаментальных, отраслевых, практически-прикладных и иных наук должны получать глубокие и всесторонние знания о современных юридических технологиях, поскольку любую профессиональную деятельность следует рассматривать в качестве особой разновидности материально-духовного производства. А эти аспекты проблемы комплексно рассматриваются пока только в юридической науке.

Анализ исторических, теоретических и эмпирических источников по данному вопросу привел нас к выводу о том, что в самом общем плане дефиницию юридической технологии можно сформулировать следующим образом. *Юридическая технология – это основанная на определенных принципах, прогнозах и планах (стратегии) система мыслительных и внешне актуализированных действий и операций компетентных физических и должностных лиц (органов), связанная с изданием (толкованием, реализацией, систематизацией и т.п.) юридических решений (актов), в ходе которой оптимально используются необходимые ресурсы (материальные, трудовые, финансовые, организационные и т.п.), общесоциальные, технические и специально – юридические средства (техника), приемы, способы, методы и правила (тактика), процессуальные формы (стадии, производства и т.п.) и соответствующие типы, виды и подвиды контроля за профессиональной деятельностью ее субъектов и участников.*

Таким образом, основными элементами современной юридической технологии являются:

- компетентные субъекты и участники («производители»);
- объекты (предметы), т.е. «продукты обработки»;
- активные интеллектуальные и внешне актуализированные действия и операции субъектов и участников технологического процесса;
- совокупность общесоциальных, технических и специально-юридических средств (юридическая техника);
- система приемов, способов, методов и правил оптимального использования указанных средств (тактика);
- стратегический компонент – принципы, долгосрочные планы и прогнозы;
- процессуальные формы (стадии, производства, режимы и т.п.);
- показатели, характеризующие качество соответствующего духовно-материального производства и его «продуктов» (результатов);
- критерии и параметры эффективности отдельных элементов и технологии в целом, в том числе выносимых юридических решений (предписаний, актов и т.п.);
- механизм вступления в юридическую силу (отмены, изменения и т.п.) юридических предписаний, решений и актов;
- ресурсообеспеченность технологического цикла в полном объеме и/или отдельной его части, т.е. научные, организационные, временные, материальные, финансовые, трудовые, юридические и иные затраты;
- соответствующие виды, методы и т.п. контроля и надзора за законностью и справедливостью, качеством и эффективностью юридических действий и операций, принимаемых решений и актов, их оформлением и обнародованием, соблюдением процессуальной формы и т.д. (подробнее см. [111. С. 16 – 24; 112. Гл. 2.]).

Блок *практического юридического опыта* является существенным и конструктивным элементом профессиональной правовой культуры. Для понимания его места и роли в профессиональной деятельности и культуре важно иметь в виду два значения

термина «практический опыт». Во-первых, мы выделяем личный профессиональный опыт, выражающийся в соответствующих знаниях, навыках, умениях, привычках, накапливаемых уже в ходе обучения (работа с официальными юридическими документами и т.п.) и производственной практики студентов, который продолжает формироваться в процессе самостоятельной деятельности юристов на тех или иных должностях, разнообразных форм повышения правовой квалификации и т.д.

Во-вторых следует выделять объективированный вовне юридический опыт, который формируется в ходе той или иной профессионально-практической деятельности, в процессе выделения (отбора) в юридических действиях и операциях, юридической технике, тактике и стратегии, принятых решениях и актах-документах наиболее рациональных, прогрессивных, целесообразных, передовых, грамотных и «полезных культурных образцов» (стандартов, правоположений и т.п.) с целью дальнейшего совершенствования, повышения эффективности и качества конкретной профессиональной юридической деятельности. Он представляет собой коллективную, надындивидуальную, социально-правовую память, обеспечивающую накопление, систематизацию, хранение и передачу (трансляцию) правовой информации, позволяющую фиксировать и в определенной степени воссоздавать процесс той или иной юридической деятельности или отдельные его фрагменты. Без социально-правовой памяти невозможно эффективное правотворчество и толкование, конкретизация и правоприменение, восполнение пробелов в праве, судебная и другие разновидности юридической практики.

Для успешного осуществления профессиональной юридической деятельности любое должностное лицо должно обладать глубокими теоретическими и практическими знаниями и иметь богатый личный, практический юридический опыт. Советник Президента РФ В. Яковлев по этому поводу пишет: «Я не понимаю, как у нас совершенно не подготовленный человек может занимать государственный пост. Он представления не имеет о том законодательстве, с которым ему придется столкнуться. Почему плохо исполняются законы о земельных правах граждан? Пото-

му, что механизм защиты этих прав не выстроен, а госслужащие не умеют это делать. Прежде чем занять какую-либо должность, кандидат в чиновники должен сначала сдать экзамен» [51. 2008. 4 марта].

Предложение ввести вообще для всех выпускников юридических факультетов квалификационный экзамен наподобие того, какой сдают кандидаты в судьи, прозвучало 28 марта 2008 г. на совместной коллегии Генеральной прокуратуры РФ и Министерства образования и науки РФ (см. [51. С. 2008. 29 марта]). Лишь после сдачи такого экзамена, по замыслу членов коллегии, человек получит право называться юристом.

В связи с этим любопытно посмотреть на статистику, связанную с результатами сдачи экзаменов претендентов на должность судей. Так, в феврале 2007 г. ректор Российской академии правосудия профессор В.В. Ершов озвучил следующие цифры. Оказывается, в некоторых субъектах РФ до 50 – 70% претендентов на должность судей получают неудовлетворительные оценки. Результаты квалификационного экзамена на должность судьи Высшей квалификационной коллегии судей РФ также, по его мнению, вызывают тревогу. Например, из 522 претендентов в период с 2002 по 2005 гг. не сдали экзамен 11%, а с оценкой «удовлетворительно» 20%, т.е. треть претендентов не готова работать в качестве федеральных судей. Аналогичные показатели по 2006 г.: 6% – не сдали, а 13% – сдали с оценкой «удовлетворительно» (см. [113. С. 93 и след.]).

Профессиональный отбор должен осуществляться в процессе всей деятельности юристов, при переходе их с одного места работы на другое и т.д. Здесь имеется в виду не только введение специальных конкурсов и экзаменов на ту или иную должность, но и проведение периодических аттестаций работников, в том числе при прохождении ими стажировок и других форм повышения квалификации.

Проблема профессиональной правовой культуры, какие бы ее аспекты ни затрагивались, кажется неисчерпаемой. В данном параграфе работы в самой общей форме мы кратко рассмотрели лишь некоторые из них. Однако в заключение нам бы хотелось

обратить внимание еще на один вопрос, связанный с природой актов, которые устанавливают определенные этические принципы и требования для отдельных категорий юристов-профессионалов.

Эти требования (правила, предписания, нормы и т.п.), по мнению подавляющего большинства авторов, являются существенными элементами профессиональной правовой культуры, устанавливаются самыми разнообразными международными и национальными организациями в различных документах. К ним можно, например, отнести: все международные конвенции и пакты о правах человека и гражданина, Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1975 г.; Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, утвержденный резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г. и Приложение к нему; Основные принципы этики полицейской службы (Полицейская декларация), утвержденные 9 мая 1979 г. резолюцией Парламентской Ассамблеи Совета Европы; Закон РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2007 г.; с изм. от 31 января 2008 г.); Кодекс судейской этики, утвержденный 6 Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г.; Профессиональный кодекс судьи США (с изм. и доп. на март 1996 г.); Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом министра внутренних дел России 19 ноября 1993 г.; и др. (подробнее см. [108. С. 332 и след.; 114. С. 386 и след.]).

В «Положении об этических принципах полицейской службы Великобритании» записано, что каждый сотрудник полиции должен действовать справедливо, выполнять свои служебные обязанности честно и беспристрастно, с усердием и должной осторожностью; проявлять самоконтроль, терпимость, понимание и вежливость в обращении с людьми как находящимися на службе в полиции, так и вне ее; способствовать соблюдению прав человека, согласно которым каждая личность является единственной

и неповторимой, и проявлять уважение и сочувствие по отношению к ним; и др. (см. [108. С. 377 – 378]).

Демоскопические (т.е. социологические + демографические) исследования показывают следующие системы ценностей полицейской службы, по мнению граждан ФРГ:

- а) корректность – 50%;
- б) готовность оказать помощь – 50%;
- в) дружелюбие – 38%;
- г) внимательность – 37%;
- д) способность вызывать доверие – 32%;
- е) справедливость – 28%;
- ж) внешний вид – 26%;
- з) творческая способность (сообразительность) – 17%;
- и) терпимость – 15%.

В качестве же антиценностей, то есть элементов юридической антикультуры сотрудников немецкой полиции, называются такие:

- а) строгость, жестокость – 37%;
- б) бюрократичность – 34%;
- в) крючкотворство – 27%;
- г) отсутствие чувства юмора – 25%;
- д) высокомерие – 24%;
- е) предвзятость – 20%;
- ж) невнимательность – 12%;
- з) прибегание к насилию – 11%;
- и) коррумпированность – 7% (см. [108. С. 369 – 370]).

Любопытное положение закреплено в «Кодексе деонтологии национальной полиции Франции» (Декрет № 86 592 от 18 марта 1986 г.). Сотрудник национальной полиции Франции обязан, даже в тех случаях, когда он не исполняет служебные обязанности, по собственной инициативе оказывать помощь любому гражданину, находящемуся в опасности, для того чтобы предотвратить или пресечь всякое деяние, нарушающее общественный порядок, и защищать гражданина или коллектив людей от посягательств на личность или их имущество (см. [108. С.373]).

Практически во всех нормативных правовых актах закрепляются предписания, согласно которым юристам-профессионалам запрещается разглашать информацию, полученную при исполнении ими своих полномочий, обязанностей и т.д. В статье 4 Приложения к «Кодексу поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» (Резолюция № 169 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года) говорится: «сведения конфиденциального характера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, сохраняются в тайне, если исполнение обязанностей или требование правосудия не требует иного».

В комментарии к этой статье отмечается, что по характеру своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка получают самую разнообразную информацию, которая может относиться к личной жизни других лиц или потенциально повредить интересам таких лиц и особенно их репутации. Поэтому следует проявлять большую осторожность при сохранении и использовании такой информации, которая разглашается только при исполнении обязанности или в целях правосудия. Любое разглашение такой информации в других целях является полностью неправомерным (см. [108. С. 344]).

В «Кодексе судейской этики» от 2 декабря 2004 г. указано, что российский судья должен быть терпимым, вежливым, тактичным и уважительным в отношении участников судебного разбирательства (п.4 ст. 4), а внеслужебная деятельность судьи не должна вызывать сомнений в его порядочности и честности (п. 1 ст. 8).

Указанные выше правовые акты носят, как правило, смешанный характер: в них одновременно закрепляются нормативно-правовые и этические предписания, причем за нарушение тех и других следуют меры дисциплинарной и иной юридической ответственности.

Существенным компонентом профессиональной правовой культуры является **социально-правовая активность** ее субъектов. Именно в ней находят проявления все профессиональные, социально-психологические, этические, юридические и иные

свойства работников. Человек может на «отлично» закончить юридический вуз, иметь развитые аналитические и синтетические способности мышления, глубокие юридические знания, обладать высоким профессиональным мастерством, но быть пассивным, формально относиться к выполнению должностных обязанностей и служебных поручений, и все предыдущие его качества обесцениваются. Поэтому мы считаем правовую активность не только важнейшим, но и интегрирующим, систематизирующим фактором профессиональной правовой культуры. Высоким уровень данной культуры будет лишь в тех случаях, когда юрист все свои профессиональные знания, умения, навыки, мастерство, весь свой личный практический опыт, всю энергию и волю, энтузиазм, высокие интеллектуальные способности, гражданские помыслы и иные качества реализует в практических действиях, эффективном и производительном труде.

В заключение данной главы можно отметить, что почти все вопросы, на которые мы обращали внимание, являются в настоящее время для отечественной юриспруденции сверхактуальными, перспективными, имеющими важное теоретическое, практическое и дидактическое значение, требующими глубокого и всестороннего исследования представителями философских, социологических, психологических, юридических и иных наук.

Список литературы

1. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. Саратов, 1989.
2. Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск, 1990.
3. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996.
4. Право и культура / В.С. Нерсисянц, Г.И. Муромцев, Г.В. Мальцев и др. М., 2002.
5. Кейзеров М.М. Политическая и правовая культура. М., 1983.
6. Зорченко А.Е. Формирование правовой культуры молодежи. Минск, 1989.
7. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Отв. ред. А.Д. Бойков. М., 1974.
8. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 1995 – 2004. Ч. 1 – 10.
9. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
10. Правовая культура в России на рубеже столетий: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции / Под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2001.
11. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000.
12. Теория государства и права (схемы и комментарии): Учебное пособие / Под ред. Р.А. Ромашева. СПб., 2000.
13. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994.
14. Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2002.
15. Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. М., 1999.

16. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999.
17. Спиркин А.Г. Философия. М., 2001.
18. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999.
19. Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 2000.
20. Баранов П.П., Окусов А.П. Аксиология юридической деятельности. Ростов-на-Дону, 2003.
21. Культурология / Под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д., 1998.
22. Кертман Е.Л. К методологии изучения культуры и критике ее идеологических концепций // Новая и новейшая история. 1973. № 3.
23. Общая теория государства и права: Академический курс в 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 3.
24. Полищук В.И. Культурология. М., 1998.
25. Кравченко А.И. Культурология. СПб., 2000.
26. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.
27. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
28. Гуткин О.В. Философские основания исследования развития культуры. Методологический аспект. Саратов, 1997.
29. Спекторский Е.В. Христианство и культура. Прага, 1925.
30. Грачев В.С. Правовая культура как субъективный фактор реализации права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.
31. Букриев В.И., Римская И.Н. Этика права: От исходов этики и права к мировоззрению. М., 1998.
32. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2000.
33. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях. М., 1998.
34. Бюер В.М. Правовая информированность и формирование правовой культуры личности (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993.
35. Гуревич П.С. Культурология. М., 2003.
36. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974.

37. Арсентьева А.Г. Нравственно-правовая культура и ее формирование у сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.

38. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11 – 12.

39. Молчанов А.А. Правовая культура в социальной жизни: вопросы методологии // Правоведение. 1991. № 1.

40. Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. 5.

41. Губаева Т.В. Язык и право. М., 2003.

42. Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.

43. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

44. Гуревич П.С. Культурология: Элементарный курс. М., 2003.

45. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003.

46. Никитин А.В. Правовые символы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.

47. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998.

48. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону, 2002.

49. Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. Ростов н/Д., 2003.

50. Флоренский П.А. Культ, религия, культура // Богословские труды. М., 1977.

51. Российская газета.

52. Алексеев П.В., Панов А.В. Философия. М., 1997.

53. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.

54. Слово о науке. М., 1986. Кн. 2.

55. Российская и европейская правовозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003.

56. Белканов Е.А. Структура и функции правосознания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1996.

57. Мусский И.А. Сто великих мыслителей. М., 2002.

58. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: В 2 т. Ярославль, 2005-2006. Т. 1-2.

59. Карташов В.Н. Пространственная структура правовой культуры // Акт. пробл. теории и истории правовой системы общества: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Карташов. Ярославль. 2006. Вып. 6.

60. Карташов В.Н., Баумова М.Г. Структурно-функциональный анализ правовой культуры // Акт. пробл. теории и истории правовой системы общества: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Карташов. Ярославль, 2005. Вып. 5.

61. Энциклопедический словарь по культурологии / Под ред. А.А. Радугина. М., 1997.

62. Ликас А.Л. Культура правосудия. М., 1990.

63. Павлов О.Ф. Профессиональная правовая культура в сфере правоохранительной службы (на примере сотрудников милиции): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2005.

64. Спицнадель В.Б. Правовая культура руководителя пенитенциарного учреждения: сущность, структура и влияние на профессиональную деятельность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.

65. Мерфи Дж. Сила вашего подсознания. Ростов н/Д., 2004.

66. Тверякова Е.А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2002.

67. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.

68. Малиновский Б. Научная теория культуры (фрагменты) // Вопросы философии. 1983. № 2.

69. Социология сегодня: проблемы и перспективы // Р.К. Мертон и др. М., 1965.

70. Покровский Н.Е. Одиннадцать заповедей функционализма Р. Мертона // Социологические исследования. 1992. № 2.

71. Посконин В.В. Социально-политическая теория Т. Парсонса. Ижевск, 1994.

72. Баумова М.Г. Функции правовой культуры: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005.

73. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. 2006. №1.
74. Цыбулевская О.И. Правовая культура субъектов власти: нравственный аспект // Правовая культура. 2006. №1.
75. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. 2007. №1 (2).
76. Митюрин Н.Ю. Правовая культура как интегральный показатель профессионализма сотрудников ОВД // Правовая культура. 2007. №1 (2).
77. Краткий юридический словарь / М.Е. Волосов, В.Н. Додонов. М., 2004.
78. Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1998.
79. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007.
80. Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005.
81. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.
82. Семенко Б.М. Юридические обязанности граждан СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1978.
83. Хачатуров К.Е. Юридические обязанности гражданина Российской Федерации. Проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
84. Коршунова И.В. Обязанность как правовая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
85. Барзилова Ю.В. Юридические обязанности как элемент правового статуса личности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
86. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
87. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007.
88. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.
89. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
90. Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999. Т. 1: Античный мир и восточная цивилизация.

91. Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1934. Т. 3.
92. Цицерон. Об обязанностях. СПб., 1903.
93. Гоббс Т. Избранные произведения. М., 1960.
94. Герваген Л.Л. Обязанность как основание права. СПб., 1908.
95. Барканов А.А. Культурно-воспитательная функция современного российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
96. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951.
97. Правовая система Нидерландов / Отв. ред. В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова. М., 1998.
98. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
99. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: Учебник. СПб., 2005.
100. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. Л., 1983.
101. Левченко А.А. Мотивация правового поведения сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
102. Зотов А.П. Правовая культура органов власти в Российской Федерации (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
103. Кониченко Е.Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (общеправовой анализ): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.
104. Баранов П.П. Проблемы правовой культуры и психологии. Часть 2. Избранное. Т. 4. Ростов н/Д., 2005.
105. Радутная Н.В. Народный судья: Профессиональное мастерство. М., 1977.
106. Алексеев С.С. Введение в юридическую специальность. М., 1976.
107. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976.

108. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов: Учебное пособие / Под ред. Г.В. Дубова и А.В. Опалева. М., 1999.

109. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юриста. М., 1988.

110. Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики): учебное пособие. Ярославль, 1992.

111. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1.

112. Карташов В.Н., Бахвалов С.В. Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии). Ярославль, 2007.

113. Архипова Л.Б., Лопаева В.В. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации судей и работников аппаратов судов // Российское правосудие. 2007. № 4 (12).

114. Колоколов Н.А. Судебная власть: О сущем феномена в логосе. М., 2005.

Глава 2. Понятие и классификация функций правовой культуры

2.1. Понятие функции правовой культуры

Функциональный подход представляет собой один из приемов (методов и т.п.) системного исследования, сущность которого состоит, во-первых, в определении места, роли и значения правовой культуры в целом; во-вторых, в выделении элементов правовой культуры и их взаимодействия; в-третьих, в установлении функционирования отдельных ее типов, видов и подвидов. В данном контексте структурная дифференциация правовой культуры сопровождается дифференциацией ее функций.

Э. Дюркгейм писал: «слово функция употребляется в двух довольно различных значениях. То оно означает систему жизненных движений, – отвлекаясь от их последствий, – то выражает отношение соответствия, существующее между этими движениями и известными потребностями организма» [1. С. 37]. То есть функции культуры он связывал с удовлетворением каких-либо потребностей и установлением их «общей гармонии» (там же).

Б. Малиновский, развивая идеи Э. Дюркгейма, функциональный анализ культуры дополняет институциональным, выделяя определенные единицы человеческой организации для удовлетворения соответствующих потребностей и интересов, т.е. выделяются носители (агенты и т.п.) культуры (см. [2. С. 116-124]).

Р.К. Мертон сформулировал собственную парадигму и выделил три главных постулата: во-первых, функционального единства общества (согласованность функционирования всех частей); во-вторых, универсальности всех социальных явлений; в-третьих, функциональной необходимости.

Сосредоточившись на теории среднего уровня, он не отождествляет функциональное с полезным (культурным) и необходимым, а приходит к выводу, что одно явление может иметь раз-

личные функции, точно так же, как одна и та же функция может выполняться различными явлениями.

Он ввел также различие между явными и латентными функциями культуры. Явные функции – это результат действия, которое вызвано намеренно и признано в качестве такового. К латентной же функции относятся все результаты следствия, появление которых не входило в намерение действующего субъекта (см. [3; 4. С. 116 – 117]).

По мнению Т. Парсонса, значение культуры для общественных отношений огромно. Он рассматривает ее через «теорию действия» в рамках функционального подхода. На первом плане у него оказывается категория «роль», которая раскрывается через ролевые ожидания, образцы оценок субъектов взаимодействия, ожидания и ответы на эти ожидания, в соответствующих отношениях. Причем образцы оценок являются элементами именно культуры. Особенно в позднейших работах Т. Парсонса культура становится тем механизмом, через который общественная система функционирует и приобретает стабильность (подробнее см. [5. С. 31 и след.]).

В современной философской литературе совершенно справедливо подчеркивается тот момент, что функциональный подход особенно ценен и важен тогда, когда в качестве предметов изучения выступают явления и процессы, внутренний причинный механизм и природа которых не всегда известны и представляют собой «черный ящик» (см. [6. С. 311]).

Правовая культура выступает в качестве силы, преобразующей объективную и субъективную реальность: общественные отношения и институты, а также соответствующие им представления и установки, мотивы и интересы, весь образ жизни и мысли людей и их коллективов. Как верно отмечает А.Г. Спиркин, вне культуры (в том числе правовой) невозможна жизнь человека и общества в целом. Каждое новое поколение начинает свою жизнь в мире материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями. Способности, умения, навыки, человеческие чувства не передаются новому поколению по наследству – они формируются в ходе усвоения уже созданной культуры. Если

человек создает культуру, то культура создает человека: «культура не пассивное хранение материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями, – пишет он, – а активное творческое их использование человечеством для социального прогресса. Общество осуществляет воспроизводство и совершенствует себя, только наследуя и творчески перерабатывая накопленные богатства культуры... Культура – это не только результат человеческой деятельности, но и исторически сложившиеся способы и приемы проявления своих чувств, а также уровень мышления» [6. С. 763-764].

В отечественной и зарубежной юридической литературе, к сожалению, отсутствуют работы, посвященные исследованию понятия и содержания функций правовой культуры. Поэтому в первую очередь кратко выделим основные признаки, позволяющие раскрыть функциональную характеристику правовой культуры и сформулировать соответствующую дефиницию.

В функциях выражается активная, динамичная и социально-преобразующая роль правовой культуры в разнообразных сферах (экономической, социальной, политической, экологической и т.п.) жизнедеятельности общества.

С.С. Алексеев, например, рассматривая право как нормативно-ценностную регулирующую систему, указывает, что оно обеспечивает такую непрерывную динамику функционирования общества, при которой в соответствии с потребностью в реализации начал нормативности достигается постоянное и стабильное воспроизводство и, следовательно, сохранение и утверждение (своего рода «увековечивание») выраженных в праве социальных ценностей, условий и механизмов развития общественной жизни (см. [7. С. 314]).

Однако функционирование права и правовой культуры в целом возможно только через юридическую деятельность (практику) и ее носителей, конкретных людей и коллективов, обладающих определенным уровнем правосознания. То есть при характеристике функций правовой культуры методологически и методически существенным является положение о том, что она сама по себе не познает, не оценивает, не моделирует, не регули-

рует и т.п., посредством правовой культуры (права, правосознания, юридической практики) регулирование, охрану, оценку, прогнозирование, преобразование тех или иных сфер общественной, корпоративной и личной жизни осуществляют сами индивиды, сами субъекты, включенные в систему многообразных общественных, в том числе юридических связей и отношений.

Функции представляют собой относительно обособленное направление более или менее однородного воздействия правовой культуры (регулятивного, охранительного, компенсационного, правосоциализаторского и т.п.) на объективную и субъективную реальность.

Функции – это всегда целенаправленное воздействие правовой культуры, поскольку последняя непосредственно связана с задачами (целями, программами, планами, прогнозами, национальными проектами и т.п.), стоящими перед индивидуальными и коллективными субъектами, государственными и негосударственными учреждениями и организациями. Задачи (цели, проекты и т.п.) обуславливают наличие и существование тех или иных функций, конкретное их содержание, средства и способы юридического воздействия на реальную действительность. Причем несколько функций (охранительная, регулятивная, коммуникативная и др.) могут быть нацелены на выполнение какой-то конкретной задачи (например, обеспечение безопасности личности), а с помощью одной функции (например, аксиологической) могут одновременно решаться несколько задач (проведение экономических и социальных преобразований, юридическая квалификация деяний, разрешение конфликтов и т.д.).

Каждая из функций предполагает не любое, а лишь позитивное, прогрессивное, творчески-преобразующее воздействие правовой культуры на общественные отношения. Она вносит в любую общественную систему не только рациональное, эффективное и качественное, идеологическое и нормативное начало, но и через активную юридическую деятельность (поведение) людей, их коллективов и организаций реализует эти начала в разнообразных сферах жизнедеятельности общества.

В функциях правовой культуры предметно конкретизируется ее сущность (система правовых ценностей) применительно к отдельным социально-правовым ситуациям, субъектам и участникам юридической практики, частной и публичной жизни людей, их коллективов и организаций.

Функции правовой культуры обладают определенной устойчивостью и стабильностью, что в первую очередь обусловлено органической ценностью и взаимозависимостью составляющих ее элементов. Здесь важно подчеркнуть, что не только правовая культура в целом или отдельные ее элементы (право, правосознание, юридическая практика и т.п.), но и сами функции на различных уровнях и с различной степенью детерминированы конкретными факторами (способами и т.п.) объективной и субъективной реальности.

В процессе функционирования правовой культуры отражается ее социальное и специально-юридическое назначение, место и роль в жизни любого общества.

Можно выделять и другие признаки, характеризующие функции правовой культуры: непрерывность, постоянство, длительность и др. Однако все отмеченные выше черты уже позволяют раскрыть понятие функции правовой культуры, более или менее четко сформулировать его определение.

Таким образом, под *функциями правовой культуры* следует понимать *относительно обособленные направления позитивного ее воздействия на сознание и поведение (деятельность) людей, их коллективов и организаций, все сферы общественной и личной жизни, в которых проявляется система юридических ценностей, определяющая степень устойчивости и гарантированности, упорядоченности и управляемости общественных отношений.*

2.2. Классификация функций правовой культуры

Функционирование любой системы представляет собой многоплановое и многоуровневое явление. Сложность самой право-

вой культуры порождает особые трудности в определении «набора» ее функций.

В философии, социологии, культурологии, юриспруденции и других науках выделяются самые разнообразные функции культуры. Так, М.С. Каган полагает, что культуре присущи две основные функции: а) обеспечение прогрессивного развития общества, повышение уровня его организованности и упорядоченности; б) безостановочное самосовершенствование общества, которое должно выражаться в его мобильности, динамичности, продуктивности, эффективности всех его механизмов, постоянном повышении коэффициента их полезного действия (см. [8. С. 233-235]).

С.П. Мамонтов предлагает следующий перечень функций культуры: приспособление к среде, познавательная, информативная, коммуникативная, регулятивная, оценочная, разграничения и интеграции человеческих групп, социализации (см. [9. С. 124-132]).

С.В. Соколов указывает, что для культуры характерны такие функции:

а) *институциональная* (поддержание деятельности социальных общностей, институтов, организаций как основы развития общества);

б) *познавательная* (накопление и трансляция накопленного опыта);

в) *цивилизационная* (формирование у членов общества определенных свойств: характера, ментальности, образа жизни);

г) *коммуникативная* (общение людей друг с другом, между разными народами и цивилизациями);

д) *нормативная* (способность управлять деятельностью людей, социальных групп и общностей);

е) *гуманистическая* (поддержание в обществе идеалов нравственного отношения) (см. [10. С. 296 и след.]).

Ученые-юристы, как правило, полагают, что вести речь о видах функций правовой культуры необходимо, опираясь на общие представления о функциях культуры. Так, Е.В. Аграновская, считает, что функции правовой культуры осуществляются в единстве

идеологического и социально-психологического компонентов. Она выделяет две функции 1) отражение правовой действительности; 2) выработка ценностно-нормативной ориентации личности в правовой сфере, регулирование её поведения и деятельности.

Первая функция, по ее мнению, выражается в познании явлений правовой жизни, в их осознании и оценке личностью. Однако нельзя сводить к этому процессу всё функционирование правовой культуры, точно так же как нельзя сводить правовую культуру личности только к сумме накопленных правовых знаний. Отражательная функция, считает автор, предшествует регулятивной функции, так как правовая культура выступает опосредующим звеном между правовой реальностью и поведением личности (см. [11. С. 24-28]).

Вряд ли можно согласиться с приведенным доводом, так как правовая культура не только может связывать правовую реальность и поведение личности, она очень часто включает в себя и то и другое.

Г.И. Балюк выделяет общественно-преобразующую, познавательную, аксиологическую, семиотическую (информационную) и коммуникативную функции правовой культуры, подчеркивая при этом, что среди них основной является функция формирования и развития личности (см. [12. С. 5-6]).

Сходную позицию занимает Л.К. Суворов, считающий, что правовая культура выступает позитивным фактором жизнедеятельности общества, поскольку обеспечивает всестороннее развитие индивида, включение его в общественно-правовую деятельность и повышение его правовой активности. Диалектика правовой культуры заключается в том, что она, с одной стороны, является источником развития индивида, а с другой – сама уже отражает определенный уровень развития и результат воспитания. Именно поэтому исследование функций правовой культуры личности включает ее мотивационно-практическую роль применительно к формированию личности.

Л.К. Суворов, в частности, выделяет функции правовой культуры, обеспечивающие:

Правовая культура: понятие, структуры, функции

- а) расширение источников в получении правовых знаний;
- б) развитие способности познания правовых явлений на научно-теоретическом уровне;
- в) стимулирование, интенсификацию процесса познания правовой действительности, упрочение правовых знаний и восполнение в них пробелов;
- г) свободу выбора наиболее рациональных для граждан и целесообразных для общества вариантов поведения в правовой сфере;
- д) наиболее полное удовлетворение и правильное развитие правовых интересов и эффективное выполнение социальных ролей, установленных правовыми нормами.

Правовая культура не только источник удовлетворения правовых интересов личности, но и способ совершенствования общественных интересов. Именно это, по мнению автора, предполагает необходимость выявления функций правовой культуры применительно к развитию как личности, так и общества. В связи с этим Л.К. Суворов выделяет ее внутреннюю и внешнюю функции (см. [13. С. 34-37]).

А.А. Подмарев отмечает, что правовая культура любого общества выполняет определенные функции, обусловленные её сущностью, а именно:

- накопление и передачу от поколения к поколению юридических ценностей;
- сохранение национальных правовых традиций и разумное заимствование ценностей мировой правовой культуры;
- воспитание чувства права, уважения права, понимания его значения как основы социального порядка (см. [14. С. 37]).

З.Н. Каландаришвили выделяет четыре основные функции правосознания, «связанные с аналогичными функциями правовой культуры: познавательную, оценочную, регулятивную и функцию правовой социализации». Все остальные функции правовой культуры, по его мнению, являются производными (см. [15. С. 10]).

О.Ф. Павлов рассматривает познавательную, преобразовательную, прогностическую, регулятивную, оценочную, коммуни-

кативную и воспитательную функции правовой культуры (см. [16. С.62]).

С. В. Навальный, исследовавший функции электорально-правовой культуры, полагает, что для данной подсистемы характерны познавательная-преобразовательная, оценочная, регулятивная, воспитательная, коммуникативная, публичная и функция моделирования (см. [17. С.17-19]).

Характеризуя функции правовой культуры, прежде всего, подчеркнем наличие самостоятельной системы функций у права, юридической практики и правосознания. Правовая культура как сложное конструктивное образование не просто объединяет эти элементы, она устанавливает между ними многообразные и взаимообусловленные связи. Следовательно, функции правовой культуры нельзя отождествлять с функциями ее элементов; они не могут быть простой суммой функций отдельных элементов правовой системы общества. Поэтому вряд ли правы авторы, которые отождествляют функции правовой культуры с функциями правосознания и т.д. (см. [15. С.10; 18. С.48])

Построение системы функций правовой культуры должно наглядно раскрывать, с одной стороны, место, роль и назначение правовой культуры в любом обществе в целом, а с другой – выявлять особенности, специфические направления ее воздействия на определенные сферы (стороны и т.п.) объективной и субъективной реальности. Для этого необходимо все функции классифицировать по соответствующим критериям (основаниям).

Как мы уже отмечали, в литературе выделяются самые разнообразные функции правовой культуры. Анализируя различные точки зрения по данному аспекту проблемы, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, авторы, которые специально занимались данной темой, не выделяют, к сожалению, некоторые виды функций правовой культуры. Во-вторых, мы согласны с мнением известного русского логика, философа и психолога Г.И. Челпанова (1862 –1936 гг.), что **«задачи классификации заключаются в том, чтобы распределить вещи на группы так, чтобы эти группы мыслились в порядке, который наиболее полезен для припоминания вещей и для определения свойств**

их» [19. С. 168]. И «первое требование хорошей классификации заключается в том, чтобы **«пункты сходства, на основании которых мы составляем классы, были важны в практическом отношении»** [там же].

«Второе требование хорошей классификации состоит в том, – пишет Г.И. Челпанов, – **чтобы она давала нам возможность сделать наибольшее число утверждений.** Та классификация наилучшая, в которой предметы сходны друг с другом в возможно большем числе признаков» [там же].

Классификация функций правовой культуры с логической точки зрения может быть правильной (грамотной) и неправильной (ошибочной и т.п.). По мнению современных ученых, логически состоятельная классификация должна отвечать следующим правилам: основанием деления должен быть не произвольно взятый, а существенный признак явления; классификация должна быть адекватной (соразмерной), производиться в каждом конкретном случае по одному основанию и непрерывной, то есть переходящей постепенно от отдельных видов к подвидам и т.д. (см. [20. С. 138 и след; 21. С. 141 и след.]).

Назначение классификации функций заключается прежде всего в том, чтобы быть важнейшим приемом (методом) наиболее глубокого, всестороннего и обстоятельного познания правовой культуры.

На наш взгляд, можно выделить следующие функции правовой культуры.

1. По времени действия все функции правовой культуры можно подразделить на *постоянные* (например, аксиологическая, коммуникативная) и *временные* (экологическая, демографическая и др.).

2. Определенное значение имеет их классификация на *основные* и *неосновные*. По нашему мнению, такое разграничение приемлемо в силу ряда причин. Во-первых, оно имеет значение для выделения в рамках функций как общих, ведущих направлений влияния, выражающих сущность данного явления, так и особых, специфических сторон воздействия – подфункций. Во-вторых, в различные исторические этапы развития общества может быть

сделан акцент на одной или нескольких наиважнейших сторонах правовой культуры. В-третьих, в силу самой природы правовой культуры, одни направления выступают в качестве главных (например, оценочная), а другие оказываются производными, сопутствующими (развитие способностей людей к научно-теоретическим исследованиям).

А.В. Сим считает, что отнесение той или иной юридической функции к категории основных связывается с наличием определенных признаков, главными из которых являются:

- а) обусловленность функции важностью соответствующей задачи, стоящей перед обществом (личностью и т.п.);
- б) постоянство, стабильность и перспективность функции;
- в) осуществление функции не отдельными частями юридического явления (например, правотворческой практикой), а всем механизмом правовой системы общества в целом;
- г) собирательность функции в смысле охвата её отдельных направлений деятельности (подфункций).

Отсутствие данных признаков, по ее мнению, относит ту или иную юридическую функцию к разряду неосновных (см. [22. С. 11]).

Г.В. Драч выделяет всего две главные функции культуры, а именно: «трансляции социального опыта» и «социализации личности», считая остальные неосновными (см. [23. С. 99 и след.]).

3. Необходимо рассматривать не только *явные*, но и *латентные* (скрытые) направления воздействия правовой культуры на все сферы жизнедеятельности людей. Явными, например, являются аксиологическая, коммуникативная, правопреобразующая функции. К латентным могут быть отнесены, в частности, функции трансляции правового опыта, прогностическая и др.

4. Наиболее предпочтительным в научном, учебно-методическом и практически-прикладном плане представляется выделение двух больших групп функций правовой культуры: *общесоциальных* и *специально-юридических*. Отметим, что понятие «общесоциальная функция» отражает взаимосвязь, определяющую порядок включения одной системы (правовой культуры) в другую, более широкую систему (например, общественное производство).

Общесоциальные функции правовой культуры включают: экономическую, политическую, социальную, идеологическую, экологическую, демографическую и др.

К специально-юридическим функциям правовой культуры относятся, по нашему мнению, правообразующая, регулятивная, охраны прав и свобод граждан, аксиологическая, коммуникативная, прогностическая, правосоциализаторская, функция трансляции социально-правового опыта др.

5. В зависимости от того, нацелена правовая культура на решение задач внутри, либо вне конкретной страны, можно говорить о *внутренней* и *внешней* ее функциях. Защита прав, свобод и законных интересов своих граждан (подданных) в различных зарубежных странах – одна из центральных задач, которая должна быть характерна для всех носителей ПК и агентов (отдельных индивидов, их коллективов и организаций, государства и т.п.) в различных сферах жизнедеятельности людей.

Таким образом, эти и иные функции показывают относительно обособленные направления воздействия правовой культуры на реальную действительность. Взятые в системе, они дают более или менее цельное представление о динамичной ее природе, правовом прогрессе, «юридических качествах» отдельных людей и их общностей.

В связи с тем, что общесоциальным функциям правовой культуры будет посвящена отдельная работа, в которой мы раскроем роль юридических ценностей в решении национальных проектов и иных актуальных задач современной России, в следующей главе этой книги кратко рассмотрим лишь некоторые особенности специально-юридических функций.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.
2. Малиновский Б. Научная теория культуры (фрагменты) // Вопросы философии. 1983. № 2.
3. Социология сегодня: проблемы и перспективы // Р.К. Мертон и др. М., 1965.
4. Покровский Н.Е. Одиннадцать заповедей функционализма Р. Мертона // Социологические исследования. 1992. № 2.
5. Посконин В.В. Социально-политическая теория Т. Парсонса. Ижевск, 1994.
6. Спиркин А.Г. Философия. М., 2001.
7. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. М., 1999.
8. Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974.
9. Мамонтов С.П. Основы культурологии. М., 2001.
10. Соколов С.В. Социальная философия. М., 2003.
11. Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1988.
12. Балюк Г.И. Взаимосвязь правовой культуры и социалистической демократии. Киев, 1984.
13. Суворов Л.К. Повышение роли человеческого фактора и правовая культура // Пути повышения эффективности политической работы в органах внутренних дел в свете решений 27 съезда КПСС. М., 1987.
14. Подмарев А.А. Правовая культура (общетеоретические аспекты, перспективы России) // Теория государства и права, философия права: материалы конференции. Йошкар-Ола, 1999.
15. Каландаришвили З.Н. Деформация правосознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
16. Павлов О.Ф. Профессиональная правовая культура в сфере правоохранительной службы (на примере сотрудников милиции): Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

Правовая культура: понятие, структуры, функции

17. Навальный С.В. Электорально-правовая культура. Вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1999.

18. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура: учебное пособие. Волгоград, 2000.

19. Челпанов Г.И. Учебник логики. М., 1994.

20. Формальная логика. Л., 1977.

21. Ивлев Ю.В. Логика. М., 2005.

22. Сим А.В. Функция охраны прав и свобод личности в современном российском государстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004.

23. Культурология / Под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д., 1998.

24. Барканов А.А. Культурно-воспитательная функция современного Российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Глава 3. Специально-юридические функции правовой культуры

3.1. Правопреобразующая функция правовой культуры

Правопреобразующая функция направлена на проведение судебной, административной и прочих государственно-правовых реформ, совершенствование содержания и форм выражения права, формирование новой юридической политики и идеологии, повышение качества всех видов и подвидов юридической практики, создание достаточно развитой правовой системы общества в целом.

Именно через данную функцию правовой культуры проявляются активные созидательные начала трех ее составляющих: права, юридической практики и правосознания. По мнению некоторых авторов (В.П. Сальникова, Д.А. Агапова и др.), рассматриваемая функция связана с теоретической и организаторской деятельностью по формированию и становлению в России правового государства и гражданского общества, по согласованию общественных, групповых и личных интересов. Ее задача заключается в том, чтобы поставить человека в центр общественного развития, создать ему достойные условия жизни, обеспечить социальную справедливость и возможности всестороннего развития. Эта функция связана с созданием правовых и нравственных гарантий таких общечеловеческих ценностей, как честность, порядочность, доброта и милосердие, моральный самоконтроль, человеческое достоинство и свобода выбора (см. [1. С. 10 и след.; 59. С. 371]).

Построение правового государства и гражданского общества – важнейшая цель, стоящая перед правопреобразующей функцией правовой культуры. Во все времена идея правового государства противопоставлялась деспотизму и произволу государственной

власти, авторитарному и тоталитарному режимам. В настоящее время реализация этой идеи (учения и т.п.) представляет наиболее значимую систему общечеловеческих ценностей, призванных утвердить гуманистическое начало и справедливость в стране, обеспечить защиту прав и свобод людей, их коллективов и организаций, создать эффективные средства и способы борьбы с бюрократизмом, коррупцией, местничеством, сепаратизмом, ведомственностью и т.д. Как отмечал в одном из своих посланий Федеральному Собранию РФ Президент В.В. Путин, главной политико-идеологической задачей следует считать развитие России как свободного, демократического государства. «Глубинный смысл ценностей свободы и демократии, справедливости и законности, – говорил он, – усматривается в их практическом преломлении в нашей жизни» [2. 2007. 26 апр.].

Курс на формирование правового государства в условиях посттоталитарной эпохи есть реальное движение к новому уровню правовой культуры. Формирование открытого, свободного, демократического гражданского общества, опирающегося на право, закон, информированность и предприимчивость граждан требует качественного изменения правовой культуры всего общества и отдельной личности. Важнейшим направлением правовой культуры должно стать утверждение принципов господства права, приоритета свобод и законных интересов человека.

Современное понимание правового государства включает в себя такие принципы, как связанность власти правом и законом; ограничение «голового» администрирования; юридическое равенство во всех сферах жизнедеятельности; эффективная судебная защита гражданина от незаконных юридических актов; четкость и объективность судебного процесса; ответственность государства за действия своих органов и должностных лиц; компенсация государством ущерба, причиненного людям, их коллективам и организациям незаконным вмешательством в их деятельность (см., например, [3. С. 11-12]).

Современная правовая система России страдает от избыточности, несогласованности нормативного материала, что в известной мере объясняется несовершенством правотворческого про-

цесса, низкой правовой культурой лиц, занимающихся законотворческой деятельностью (в данном контексте речь идет об уровне их профессионализма, осознании ими значимости своей работы и т.д.) (см. [4. С. 390; 5. С. 30]).

Правопреобразующая функция правовой культуры заключается не столько в активизации правотворческого процесса, сколько в повышении качества принимаемых законов. Недопустимо принятие законов, страдающих излишней декларативностью и неопределенностью. В них зачастую отсутствует механизм реализации закрепленных норм, имеет место нечеткость нормативных предписаний. Примером могут служить нормы Земельного кодекса РФ, закрепляющие порядок предоставления земельных участков под строительство, но не раскрывающие механизм осуществления этой процедуры.

Существенным фактором, негативно влияющим на качество законодательства, является доминирование политической целесообразности скорейшего принятия законов над необходимостью соблюдения всех законодательных режимов, стадий и процедур. Так называемый закон «о монетизации льгот» был рассмотрен на всех стадиях законодательного процесса менее чем за три месяца. Допущенные при разработке просчеты в значительной степени снизили его позитивную направленность, спровоцировали негативные социально-политические и экономические последствия.

На эффективность и качество принимаемых законов и иных нормативных правовых актов существенно влияет профессионализм и уровень правовой культуры конкретных сотрудников, осуществляющих их подготовку. На этом этапе должна быть определена концепция нормативного правового акта, установлен предмет его регулирования, структура, форма подачи нормативного материала. Предлагаемый для принятия нормативный правовой акт должен четко «вписываться» в систему уже существующего законодательства. Недопустимо, на наш взгляд, принятие новых законодательных актов, противоречащих уже действующим фундаментальным законам. Примером может служить принятие ЗК РФ, в котором правовое регулирование вещных прав на землю кардинально отличается от главы 17 ГК РФ

«Право собственности и иные вещные права на землю». При этом ЗК РФ содержит нормы, ухудшающие положение обладателей иных вещных прав на земельные участки в сфере распоряжения ими, что противоречит основным идеям проводимой земельной реформы.

При подготовке законопроекта необходимо оценивать общее состояние правового регулирования соответствующих общественных отношений, учитывать пробелы и противоречия в действующем законодательстве, наличие устаревших норм, а также неэффективных положений, не имеющих должного механизма реализации. Законопроект необходимо основывать на анализе соответствующей российской и зарубежной практики, результатах статистических, социологических и политологических исследований, возможных социальных и юридических последствий реализации будущего закона.

Законопроект должен быть ресурсообеспечен, то есть соответствовать социальным условиям, финансовым возможностям страны, уровню правовой культуры должностных лиц и граждан. Только полный анализ системы детерминирующих факторов, их содержания и направленности позволит нейтрализовать возможные негативные последствия принимаемого нормативного правового акта или повысить его эффективность.

Законодатель часто не учитывает существующие системные связи в праве. Системность правового регулирования предполагает целый комплекс мер, важнейшими из которых являются: определение точного места будущего закона в системе нормативных правовых актов; соответствие его положений установленному в Конституции РФ разграничению предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов; адекватность формы будущего нормативного правового акта и предмета его правового регулирования; правильное соотношение при выборе формы нормативного правового акта, недопустимость придания формы закона актам управленческого содержания.

Правопреобразующая функция правовой культуры в первую очередь нацелена на качественные характеристики законов, от которых зависит эффективность их реализации. Несовершенство

закона и иного акта ведет к их неправильному толкованию, неэффективному применению, исполнению и т.д. (подробнее см., например [5; 6; 8]).

По мнению многих авторов, качество закона – это совокупность содержательных и формальных характеристик закона, где содержательные критерии имеют первичный, основной характер, а формальные – производный, вторичный (см. [5; 7; 8]). Так, В.И. Гойман считает, что качество закона – это внутренне присущая его содержанию и форме совокупность социальных и юридических свойств, отражающих правовой характер (сущность), то есть социальную адекватность его установлений, совершенство их юридической формы и вследствие этого способность при соответствующих условиях обеспечить правомерный характер деятельности граждан и организаций для конструктивного достижения фактических результатов, вытекающих из целей закона (см. [7]).

Е.В. Сырых делит признаки, образующие качество закона, на два вида. Первую группу составляют признаки, характеризующие закон как форму (источник) права. К ним относятся: регулирование законом наиболее значимых общественных отношений; принятие закона представительными органами власти; особый порядок принятия закона; высшая юридическая сила закона; вступление закона в силу только после официального опубликования. Во вторую группу входят признаки, характеризующие закон как регулятор общественных отношений: собственно юридические (нормативность, общеобязательность), а также языковые и логические (см. [6. С. 128]).

О.И. Цыбулевская и Т.В. Милушева считают, что качество закона характеризуется двумя взаимосвязанными аспектами: а) социальным, характеризующим фактическое содержание закона (содержательный аспект), и б) специально-юридическим, отражающим качество юридической формы закона (формальный аспект) (см. [9. С. 96-97]).

Содержательный аспект качества закона включает следующие его характеристики: а) актуальность и социальную обусловленность закона; б) научную обоснованность; в) нравственность,

то есть соответствие моральным ценностям общества; г) ресурсообеспеченность, то есть наличие в обществе достаточных политических, экономических, денежных и иных ресурсов для его реализации.

Актуальность закона выражается в своевременности его принятия. Закон должен соответствовать потребностям конкретного исторического периода. С одной стороны, он не должен отставать от развития предмета правового регулирования, а с другой – не должен пытаться разрешить еще не назревшие проблемы. Например, принятие в 1995 году главы 17 ГК РФ «Право собственности и другие вещные права на землю» не было вызвано потребностями практики, и как следствие, ее введение, обусловленное принятием ЗК РФ, затянулось на годы. Правильно отмечает В.Н. Синюков, что законы не должны забегать вперед, их прогрессивность будет работать против них, если принятому закону не корреспондируют наличные социально-экономические отношения; материальный источник реализации закона должен быть, прежде всего, в нем самом, а по характеру реализации он будет приближен к действию естественных законов (см. [7. С. 11]).

Вместе с тем, современные социальные условия настолько динамичны, что законодательство (особенно регулирующее экономические отношения) быстро устаревает. Закон должен иметь упреждающий характер, предвидеть то, что вскоре появится на практике. Именно здесь и важна правообразующая функция правовой культуры, задача которой выявить основные тенденции правореализующей (правоприменительной и т.п.) практики. Прав Д.А. Керимов, утверждающий, что «некомпетентность и легкомыслие, с которым иные должностные лица берутся за сложное, тонкое и ответственное дело – законотворчество, оборачивается в итоге не только несовершенством законодательства, но и нередко трагическими последствиями для общества, его формирований и отдельных членов. Между тем создание содержательного, правильно оформленного и эффективно работающего закона равнозначно иному открытию в науке» [10. С. 2.]

Формальный аспект качества закона включает ясность и доступность языка; отсутствие многочисленности специальных тер-

минов; компактность нормативного материала; логичность, последовательность и системность изложения; отсутствие внутренних противоречий и др.

Важнейшей предпосылкой эффективности является и язык изложения закона. Именно от этого зависит понимание и усвоение содержащейся в законе информации. Закон не должен содержать «размытых» формулировок (например, «с учетом того», «как правило», «соответствующий» и другие), позволяющих субъективно толковать его содержание.

Показателем уровня культуры законодателя является соблюдение единства легальных дефиниций (подробнее см. [12]). Недопустимо, чтобы одно и то же явление по-разному определялось в различных законах. Например, понятия земель лесного фонда существенно различаются по содержанию в Земельном кодексе РФ и Лесном кодексе РФ.

Анализ теоретических и эмпирических источников, свойств и элементов юридического содержания и форм нормативных правовых актов позволил нам выделить следующие параметры их качества.

Нормативные правовые акты должны:

а) адекватно отражать реальную действительность, существующие экономические, политические, социальные и иные условия жизнедеятельности общества и перспективы их развития;

б) быть общеобязательными, стабильными, четкими, беспроblemными, непротиворечивыми и т.д.;

в) обеспечиваться разнообразными материальными и духовными, поощрительными и принудительными, организационными и иными мерами, в том числе средствами и способами государственного воздействия, обладать юстициабельностью;

г) содержать достоверную правовую информацию;

д) достаточно полно регулировать определенный тип, вид и подвид общественных отношений;

е) излагаться ясно, точно, предельно кратко и доступно;

ж) базироваться на принципах законности и справедливости, свободы и ответственности, юридического равенства и гуманизма, общественной и личной безопасности;

з) соответствовать естественно-правовым и нравственным началам, международным стандартам, общепризнанным принципам и нормам международного права;

и) способствовать социально-правовой активности, повышению правосознания и правовой культуры субъектов и минимизации проявлений юридической антикультуры в обществе;

к) обладать «общепольностью» (Г.Ф. Шершеневич) и ценностью, выражать волю и интересы подавляющего большинства лиц (физических, должностных, юридических и т.п.), которым они адресуются;

л) носить открытый, как правило, характер, быть официально обнародованными;

м) иметь прямое и непосредственное юридическое действие (идет ли речь о конституционных или обычных законах либо других нормативных правовых актах);

н) быть достаточно длительными по времени действия в отношении соответствующего круга адресатов и определенного правового пространства.

В отечественной и зарубежной юридической науке существуют и иные показатели качества законов и других нормативных правовых актов (см. [11. С. 16-24.]).

Таким образом, одним из результатов правообразующей функции ПК должен стать высокий уровень культуры правотворчества, выражающийся в высокопрофессиональной, грамотной работе парламентариев, в использовании достижений правовой науки и практики, совершенствовании языка и стиля нормативных актов и их соответствия актуальным потребностям общественного развития, идеалам общественного прогресса.

Другим направлением реализации рассматриваемой функции правовой культуры является реорганизация системы государственного управления, выбор оптимальной формы проведения административной реформы. В свое время П.И. Флоренский писал: «Устройство разумного государственного строя зависит, прежде всего, от ясного понимания основных положений, к которым и должна приспособляться машина управления» [13. С. 647].

Значение правовой культуры в этой области состоит в том, что, с одной стороны, ее уровень и состояние в значительной мере зависят от функционирования самой государственной власти, а с другой – сама правовая культура активно воздействует на процесс функционирования системы государственного управления, способствует повышению эффективности его действия. В силу сложившихся традиций именно государству, его органам, должностным лицам принадлежит существенная роль в формировании высокого уровня правосознания и правовой культуры.

Актуальнейшей на сегодняшний день задачей является повышение уровня общей правовой культуры представителей государственных и негосударственных учреждений и организаций, государственных и муниципальных служащих, должностных лиц, судей и сотрудников правоохранительных органов, всего населения страны.

Правовая культура государственного и негосударственного аппарата формируется, прежде всего, в процессе осуществления ими своих должностных обязанностей и должна включать: а) высокий уровень знания права, юридического мышления, профессиональной подготовки и активной деятельности; б) широкий кругозор в сфере экономического, политического, социального и т.п. видения реальности; в) оптимальные для выполнения своих полномочий этические качества, т.е. добросовестность, честность, порядочность, справедливость, объективность, ответственность за результаты своего труда и т.д. (подробнее см. [14. С. 73 и след.]).

Таким образом, правообразующая функция правовой культуры – это созидательное, активное и творческое ее направление, охватывающее и юридическое образование, и воспитание, и качество, и эффективность принимаемых решений, используемых средств, способов, и любой практической деятельности (правотворческой, судебной и т.д.).

3.2. Регулятивная функция правовой культуры

Под регулятивной функцией правовой культуры традиционно понимается, с одной стороны, процесс создания соответствующих юридических идеалов, правовых принципов и норм, стандартов эталонов деятельности разнообразных субъектов права, а с другой – привнесение этих явлений в общественную жизнь с целью упорядочения общественных отношений, удовлетворения личных и общественных потребностей и интересов.

Значение данной функции правовой культуры заключается в том, что созданные наиболее юридически грамотными членами общества идеи, отражающие прогресс в развитии общественных отношений, овладевают сознанием большинства и воплощаются в реальных поступках. Ее задача – превращение правовых предписаний в привычку, во внутреннее убеждение личности, повышение индивидуального и надындивидуального правосознания.

Важнейшее место в осуществлении данной функции правовой культуры принадлежит праву и юридической практике (деятельности). Именно они являются теми важнейшими структурными элементами, которые приводят в действие всю правовую систему. Сформированные в обществе модели поведения отражаются в праве, конкретизируются в субъективных правах и обязанностях участников общественных отношений, мерах правовой защиты и юридической ответственности.

Нормы права и иные юридические предписания направляют разнообразную юридическую деятельность, в процессе которой формируются чувства, взгляды и представления о действующем и желаемом праве. Зафиксированные в нормах и правосознании модели (образы) усваиваются индивидом и превращаются в его ценностные ориентиры.

Нельзя забывать, что в качестве регуляторов поведения (деятельности) людей, их коллективов и организаций выступают также и другие социальные нормы, среди которых традиционно выделяют нормы нравственности, обычаи, традиции, корпоративные и религиозные нормы, которые также отражают практику

и осознают ее, участвуют в преобразовании общественных отношений.

Стереотипы действий субъектов и участников этих отношений чаще всего основываются не на конкретных социальных и правовых нормах, а на общих представлениях о возможном и должном, необходимом, правильном и т.д. В процессе социализации и регуляции общественных отношений происходит «сращивание», взаимопроникновение элементов общей правовой культуры, постоянное усовершенствование оценочно-мотивационного социального и юридического механизмов поведенческих актов. Отдельные ситуационные мотивы у формирующейся личности перерастают в устойчивые и доминирующие психологические, социальные и юридические установки. В юридической сфере субъекты общественных отношений, таким образом, ориентируются не только на право и правосознание, но и на нравственные, политические, религиозные и др. формы сознания и нормы.

Цель регулятивной функции правовой культуры заключается в том, чтобы указать на наиболее приемлемый вариант поведения, «наставить» индивида (гражданина, должностное лицо и т.п.) на правильный и законный путь, а в конкретных случаях склонить к предлагаемому варианту и способу действия как оптимальному в данных политических, социальных и экономических условиях.

Важнейшей задачей регулятивной функции правовой культуры на современном этапе является также повышение нравственных начал в качестве регулятора и ограничителя поведения субъектов права. Современная Россия по-прежнему живет в условиях преимущественно внешней детерминации поведения людей, их коллективов и организаций (см. [15. С. 22-23]). Традиция приказного, административного управления выступает как исторически привычное ограничение свободы человека, суверенность личности воспринимается как нечто второстепенное. Следствием подобной исторической «привычки» является отсутствие у многих членов российского общества навыков принятия осознанного решения, возможности обоснования своего выбора. При ослаблении внешнего контроля индивид становится неуправляемым, так как у него

отсутствует внутренняя культура поведения, чувство ответственности, нет внутренних «тормозов», способных сдерживать его от неоправданных спонтанных действий. Предшествовавшая эпоха тоталитаризма и авторитаризма породила тип личности с преимущественно внешней детерминацией. Поэтому регулятивная функция правовой культуры состоит в воспитании не просто законопослушного, а социально активного индивида, уважающего правовые предписания, осознающего их необходимость.

Роль правовой культуры в этом процессе недооценивается не только в обществе, но и в юридической науке. Так, Г.И. Молев, рассуждая о путях и средствах обеспечения дисциплины, выделяет: необходимость кодификации действующего законодательства, совершенствование правовых норм, повышение качества реализации субъективных прав и юридических обязанностей, проблемы нравственного воспитания и патриотизма, необходимость совершенствования мер поощрения и наказания. Особое место он уделяет государственному контролю как средству повышения дисциплины (см. [16. С. 24-25]). Однако в приведенном перечне вовсе не упоминается необходимость повышения уровня правовой культуры в обществе. Вновь акцент обращен на внешнее воздействие на субъектов (совершенствование права, государственный контроль и т.п.). Остается без внимания процесс формирования внутреннего положительного отношения к правовым предписаниям, понимания и соблюдения юридических запретов, воспитание самодисциплины. Все это возможно только в рамках реализации регулятивной функции правовой культуры.

В свое время еще Л.И. Петражицкий писал, что действие права «состоит, во-первых, в возбуждении и подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное и импульсивное действие права). Во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще, в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм направлении (педагогическое действие права)» [17. С. 3].

Осуществление регулятивной функции правовой культуры осложняется изменениями общественного строя, мировоззрения и менталитета людей. Существующий идеологический вакуум также является одной из причин низкой эффективности правовой культуры. Огромная часть населения России потеряла жизненные ориентиры, многие моральные ценности перестали действовать, а новые взамен не появились. У значительной части общества искажено представление о праве, законности, долге, нравственности, чести и т.д. Опасным является то, что мировоззренческая «размытость» общества может привести к дезорганизации нации, ее расщеплению на противоборствующие этнические, расовые, классовые и т.п. группировки. В связи с этим для современного российского общества актуальной проблемой является поиск и возрождение истинных, нравственно и исторически обусловленных правовых ценностей.

Правовая культура способствует формированию социально-правовой активности субъектов. Социально-правовая активность – это объективно обусловленная, инициативная, созидательная, общественно полезная, правомерная, творческая деятельность людей и их общностей, характеризующаяся социальной ценностью, внутренней осознанностью, безусловным уважением к праву и проявляющаяся в правомерном поведении (см. [18. С. 18-19]).

В обществе должно быть распространено осознание необходимости соблюдения правовых предписаний, понимание и признание общей цели права, правовых идеалов, активное участие во всех сферах жизнедеятельности и взаимодействие с другими индивидами, ощущение себя самостоятельной личностью. Все перечисленное – проявление положительного правового менталитета, выраженное И.А. Ильиным в так называемых аксиомах здорового правосознания, а именно: чувстве собственного достоинства и уважения к себе и своему духу; способности управлять собою и свободно строить свою жизнь – как внутреннюю (духовная личность), так и внешнюю (субъект права с хозяйственной и иной инициативой); взаимном уважении и доверии к правительству. Чем строже и полнее, по мнению автора, соблюдаются эти ак-

сиомы в жизни, тем выше и благороднее государственность в стране (см. [19. С. 56]).

Эффективность регулятивной функции тем выше, чем больше, как говорили римляне, люди почитают те законы, которые охраняют народные святыни, т.е. самобытность и культуру. Можно пытаться навязать чуждое народу мировоззрение (в том числе и юридическое), но попытка искоренить исконное естественное его мироощущение обречена на неудачу по той важнейшей причине, что в нем обобщен многовековой социальный и правовой опыт с его достоинствами и недостатками, находками и ошибками.

Почему советская правовая система не оказалась социально-устойчивой? Ответов на данный вопрос можно найти множество. В.Н. Синюков, например, пишет: «Кроме прочих политических причин, не в последнюю очередь потому, что право, правовая культура были рафинированы классовыми, а затем общечеловеческими шаблонами, искусственно очищались от национального, специфического. "Воспарив" над русской культурой, как Антей, оторванный от земли, наше право потеряло жизненную силу, колорит, собственный стиль, юридическую прелесть, перестало питаться соками действительно национального юридического творчества, сделавшись прибежищем бюрократии и политической бонзы, – пишет автор. – Право лишилось красоты и духовного смысла. Оно сведено к "инструментам" экономического курса, "формам" социального общежития, "методам" реализации принципа разделения властей, "механизмам" формального "гарантирования" прав человека и многому другому, несомненно, необходимому, но в такой разъединенной, выхолощенной технике, отчужденной духовной форме, отдаляющей культуру от участия в формировании национального правосознания» [20. С. 16-17].

В процессе реализации регулятивной функции правовой культуры происходит синтез, специфическое «слияние» таких ее элементов, как право, правосознание и юридическая практика. Во взаимодействии с правом на психологическом уровне правосознание, объективируясь в юридической деятельности, конкретизируется в механизме саморегуляции субъектами своего поведения.

Этот процесс осуществляется через правовые установки, ценностно-правовые ориентации и т.п., синтезирующие в себе все иные источники правовой активности. Результатом этой регуляции выступает поведенческая реакция в виде правомерной или противоправной деятельности (см. [21. С. 57]).

Регулятивная функция способствует формированию у людей позитивных правовых чувств (законности, справедливости, ответственности перед обществом за свое поведение и др.), направленных на обеспечение юридической безопасности и стабильности правопорядка.

Таким образом, правовая культура является показателем уровня и особенностей правового развития, как отдельной личности, так и общества в целом, выступает при этом связующим звеном между индивидуальными и надындивидуальными социальными, экономическими и т.п. интересами и потребностями, находящими свое отражение и закрепление в правовых актах, а также формах (видах и т.п.) их реализации в конкретных социально-правовых ситуациях.

3.3. Функция охраны (обеспечения) прав, свобод и обязанностей людей, их коллективов и организаций

Статья 18 Конституции РФ гласит: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Необходимость выделения данной функции правовой культуры тесно связана с определением места и роли индивида в российском обществе, возможностью реализации им основных (конституционных) прав и свобод, а также с необходимостью совершенствования правовых механизмов по обеспечению достойного положения человека в современном мире.

Проблема определения взаимных прав и обязанностей личности и государства особенно обостряется в периоды реформирования общества. Н.И. Матузов отмечает: «В условиях продолжающегося в стране глубокого кризиса сам институт прав и свобод человека подвергается серьёзным испытаниям, проверке на жизненность, реальность, эффективность. С одной стороны, общество осознало важность, ценность и необходимость естественных (неотчуждаемых) прав человека, присущих ему от рождения, с другой – оно объективно не в состоянии их обеспечить, гарантировать» [22. С. 22-23].

Принцип наиболее полного обеспечения прав и свобод человека нашел закрепление и в ст. 2 Конституции РФ, смысл которой заключается в том, что высшим ценностным ориентиром политики государства становится человек, его права и свободы. Следовательно, вся деятельность государства должна исходить из гарантированности прав и свобод человека, эффективности их реализации и защиты. Реальность конституционных прав и свобод обеспечивается, с одной стороны, через индивидуальные возможности самого человека, который вправе защищать их любыми, не запрещенными законом способами, а с другой – через деятельность государства и его органов, корпоративных организаций и объединений, органы местного самоуправления и т.д.

Между тем, в России права и свободы человека пока не стали высшей ценностью. Это обусловлено как предшествующей историей развития нашего общества и государства, так и современными проблемами экономического, политического, юридического и т.п. характера. Мы согласны с А.Н. Ариным в том, что у власти, как и у общества, недостаточно внутренних нравственных и юридических ориентиров для признания и соблюдения прав и свобод личности (см. [23. С. 69]). Для этого необходимы «ресурсы», некоторое время, накопление опыта в этой сфере жизнедеятельности, когда права и свободы станут определять смысл, содержание и реализацию законов, а также эффективную практику законодательной, исполнительной и судебной властей, органов местного самоуправления и иных организаций и объединений. Более того, в условиях интеграции и сближения государств обес-

печение прав и свобод человека может стать важнейшим стимулом и высшей гуманитарной целью демократической и правовой интеграции различных стран (см. [48. С. 13]).

Права и свободы личности возникают не на пустом месте, они формируются в условиях достигнутой социумом культуры. В этом отношении культура в целом и правовая культура в частности становятся факторами, обеспечивающими реализацию правового статуса человека.

Правовая культура отражает различные стороны правовой системы, являясь, по сути, слепком с существующих достижений людей и их сообщества. Зрелость правовой культуры, без сомнения, отражает уровень гарантированности прав и свобод, обязанностей и ответственности личности.

В правовой культуре личности необходимо выделять: а) чувство уважения к правовому закону, правам и обязанностям других лиц; б) правовую информированность, знание и понимание фундаментальных юридических идей и принципов права; в) привычку соблюдать правовые предписания; г) гражданскую активность, направленную против любых проявлений юридической антикультуры (см. [25. С. 20]).

За последние пятнадцать лет, как верно отмечает М.В. Немытина, мы преуспели только в одном – в количестве норм о правах и свободах человека, закрепленных в правовых актах различного уровня и юридической силы. Права человека в законодательстве упоминаются постоянно. Однако все эти нормы не выстроены концептуально, не подкреплены механизмом реализации и потому носят скорее декларативный характер, если не сказать хуже, – декоративный характер. Создается впечатление, что категорический отказ от социальных ценностей советского прошлого оказался преждевременным и необоснованным. Присутствовавший там механизм обеспечения социальных прав имеет право на существование, если его критически осмыслить, соотносить с новыми условиями (см. [26. С. 5-15]).

Насущной потребностью стала необходимость утверждения общенациональной доктрины в области прав и свобод человека, т.е. комплекса идей, концепций, ориентиров, прогнозов и т.п.

правового бытия личности и их выражение в виде программы конкретных действий.

Разрабатывая национальную доктрину в области реализации прав человека, необходимо опираться на достигнутый мировой опыт. Однако это не означает слепое копирование правовых актов и юридической практики других стран. Подобное заимствование не всегда оправданно, юридические институты и традиции являются субстанциями национальных культур, их нельзя искусственно перенести на российскую почву. Правовая культура сохраняет определенную преемственность, даже при смене социального строя, государственного режима и т.д.

Другое важное направление в реализации рассматриваемой функции – необходимость изменения места личности и её роли в формировании и развитии правовой культуры. «Правовая система и правовая культура – это сложно-структурные, многоуровневые образования, состоящие из совокупности элементов и подсистем (субъекта права, правового сознания, правовой деятельности и правовых текстов – нормативно-правовой системы, а для правовой культуры – уровней их развития), имеющие свою историю, социально-экономические, политические, национальные и культурные основания и предпосылки развития, – пишет А.П. Семитко. – Главным компонентом (подсистемой) и одновременно центром, ядром персоноцентристской правовой системы (правовой культуры) является субъект права или шире – субъект правовой системы (правовой культуры). Прежде всего – это человек в его юридическом качестве носителя субъективных юридических прав и обязанностей и участника правовых отношений, то есть субъект, обладающий способностью иметь права и обязанности, реально имеющий и своими собственными действиями осуществляющий эти права и обязанности» [27. С. 281].

Значение функции охраны прав и свобод граждан как направления реализации правовой культуры заключается в создании такой системы отношений, при которой права и свободы личности реализуются наиболее полно и эффективно. Этого можно достигнуть путем решения триединой задачи: 1) создания совершенного законодательства, адекватно отражающего воз-

возможности государства и общества по защите прав и свобод личности; 2) совершенствования практики его реализации, применения, соблюдения и т.д.; 3) повышения уровня правосознания граждан, при котором каждый индивид активно реализует свои права и защищает их в случае нарушения.

Центральное место в осуществлении данной функции занимает вопрос о взаимоотношении личности и государства. По мнению Н.И. Матузова, «старая концепция взаимоотношений государства и личности сегодня не годится. Её основной порок был, прежде всего, в том, что приоритет она отдавала государству, а не личности; последняя вопреки широковысказанным заявлениям, выступала не целью, а средством. Даже само понятие личности длительное время было не самым ходовым в научном и общественно-политическом лексиконе» [22. С. 475].

Наиболее важным в современной концепции взаимоотношений личности и государства является принципиальное изменение положения человека в системе государственных, политических, правовых и иных отношений. Необходимо усиление антропоцентристской позиции личности (подробнее см. [28. С. 34-51]. Независимо от конкретно-исторических форм государства и степени развития в нем демократии, личность обладает самостоятельными ценностями: индивидуальным осознанием своего предназначения, которое не осуществимо вне коллективных форм организации человеческих сообществ (см. [29. С. 179]). Все функции государства, права и правовой культуры должны быть направлены на достойное и свободное существование человека в системе общественных отношений.

Закономерен вопрос: выполняет ли современное Российское государство эту задачу? Увы, нет. С одной стороны, государство реально не обеспечивает защиту личности, ее прав и свобод, а с другой – необоснованно вмешивается в сферу личностных отношений. Прав Н.И. Матузов, когда пишет: «Зачем власть, если она не «опекает» и не защищает гражданина, то есть не выполняет своей первейшей функции? Плохо, когда власть дистанцируется от личности, снимая с себя всякую ответственность за её существование и выживание. Но еще хуже, когда «забота» власти о сво-

их «подданных» простирается так далеко, что это «кураторство» превращается в тотальный контроль над ними. В этом случае суверенитет индивида – тем более фикция. Выход – в поисках разумных форм сочетания указанных подходов в пользу личности» [22. С. 476-477].

Другой важнейший вопрос: насколько возможен приоритет прав личности перед государством? И.И. Лукашук отмечает: «Значение признания прав человека высшей ценностью особенно очевидно с учетом общей закономерности: интересы государства в той мере, в какой они представляют интересы общества в целом, всегда будут приоритетными. Без этого невозможно ни общество, ни государство. Признание приоритета прав и интересов отдельного человека перед правами общества нарушило бы один из основных принципов демократии, согласно которому осуществление человеком своих прав не должно нарушать права и законные интересы других» [30. С.11-12].

Иного мнения придерживается А.И. Ковлер, считающий, что утверждение приоритета прав и свобод человека перед правами коллективными, будь то нация, государство, международное сообщество, – явление универсальное и необратимое (см. [31. С. 465]). Это мнение разделяет и О.Ю. Рыбаков, полагающий, что вряд ли можно придумать что-то более эффективное для сдерживания государства, чем приоритет прав и свобод человека перед всеми остальными правами (см. [29. С. 180]). Однако такого состояния ещё необходимо достигнуть.

По нашему мнению, современные взаимоотношения личности и государства должны строиться на идее социального партнерства, взаимных прав и обязанностей. Подобный тип отношений позволит избежать гиперболизации роли государства, с одной стороны, и крайнего проявления индивидуализма – с другой, максимально усилит гуманистическую направленность права. Пример подобного подхода к проблеме уже намечен в новом трудовом законодательстве РФ, где многие вопросы локального регулирования разрешаются в рамках социально-партнерских отношений путем заключения коллективных договоров и соглаше-

ний. В этом случае одна из задач социального партнерства – достичь компромисса между интересами работников и работодателя.

Только ограниченное и содержащее определённые пределы свободы право отвечает своему первоначальному предназначению. И если право – инструмент защиты личности от произвола государственной власти, то ограничение прав и свобод предназначено для защиты общества и государства от произвола правопользователя (подробнее см. [32]). Ограничение прав и свобод является необходимым элементом правового регулирования. Данная мера может либо прямо предусматриваться в законе, либо выражаться в форме запрета осуществлять свои права во вред другим лицам и государству.

В рамках формирования новой концепции правовой культуры в современных условиях требует серьёзного осмысления проблема соотношения индивидуальных и коллективных интересов. Н.С. Бондарь, например, считает, что в Конституции РФ и других законодательных актах содержатся положения, основанные на безусловном приоритете публичных интересов над личными, поэтому необходимо уточнение подходов к критериям правомерности ограничения прав и свобод граждан, как в текущем законодательстве, так и на конституционном уровне, их приведение в соответствие с международно-правовыми нормами и высшими правовыми ценностями, получившими признание в России (см. [32. С. 40-41]).

Нам более близка позиция Б.С. Эбзеева, который утверждает, что «юриспруденция окажется в выигрыше, если она откажется от весьма удобного монизма, неизбежно ведущего к односторонности. Всякое преувеличение коллективного начала ведет к тоталитарным формам организации общества, подавлению инакомыслия, игнорированию прав и интересов меньшинства, основных прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, гиперболизация всякой роли индивидуального начала в организации общественной жизни инициирует анархическое своеволие, чреватое разрушением государственности и принятых в обществе норм человеческого общежития» [33. С. 115].

Действительно, в демократическом обществе должно присутствовать два встречных движения: инициатива самого индивида в осуществлении своих прав и свобод и регулятивная сила, сдерживающая свободную активность субъекта в определенных границах. Указанные движения должны находиться в определённом равновесии. В глобальном социальном смысле их можно охарактеризовать как взаимодействующие тенденции свободы и порядка (см. [35. С. 99]).

Конституция не должна превращаться в форму «энциклопедии» прав человека и гражданина. Такие «сочинения» в виде деклараций уже давно изобретены. Важно юридически выразить главные ценности российского общества, достигнутые на основе национального согласия. Необходимо создать конституционный режим, отражающий уровень экономического, политического, социального и духовного развития, закрепляющий систему мер, направленную на реализацию и защиту прав личности. Первостепенное место среди подобных мер должны занять, во-первых, конституционная ответственность государства за обеспечение прав и свобод; во-вторых, ответственность властных структур перед обществом за те полномочия, которые народ, как единственный носитель власти, им передал; в-третьих, ответственность конкретной личности за невыполнение своих обязанностей или злоупотребление своими правами, закреплёнными в Конституции РФ и текущем законодательстве (см. [29. С. 74-75]).

Закрепление только в Конституции системы прав, свобод и обязанностей личности явно недостаточно, они должны конкретизироваться в правотворческой практике как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации и муниципальных образований. Причем любые противоречия между региональным и федеральным законодательством в области прав человека недопустимы. Они приводят к отсутствию единой юридической практики и нарушениям прав и свобод личности (см., например, [35]).

Безусловно, юридические основания функции охраны прав и свобод граждан как направления реализации правовой культуры важны постольку, поскольку именно они закрепляют нормативную базу, определяют её направленность, стратегические основы

развития правового статуса личности. В то же время очевидно, что даже самые выверенные и справедливые правовые предписания останутся фикцией, если не будут реализованными в полной мере. Именно в сфере осуществления (применения и исполнения и т.п.) правовых требований наиболее ярко обнаруживается уровень правовой активности граждан, профессионализма судей, работников правоохранительных органов, иных государственных и негосударственных органов по обеспечению и защите прав и законных интересов людей, их коллективов и организаций.

К сожалению, российская действительность такова, что права и свободы не стали для государства, соответствующих органов и должностных лиц высшей ценностью, и, грубо нарушая их, эти субъекты практически не несут за свою правонарушительную деятельность никакой ответственности. Общественность со своей стороны никак не реагирует на подобные факты, тем самым усугубляя и культивируя произвол власти в будущем. Все это, с одной стороны, разрушает и без того слабую правовую культуру общества, а с другой – подрывает веру в устойчивость правовых и демократических институтов государства (см. [36. С. 41; 37. С. 15-16]).

Между личностью и властью редко складываются гармоничные формы взаимодействия. Далеко не всегда граждане доверяют деятельности представительных, исполнительных, судебных, правоохранительных и иных органов власти в сфере защиты своих интересов.

Особое место в реализации функции охраны прав и свобод личности должно принадлежать судебным органам. Активная роль, например, Конституционного Суда РФ проявляется с помощью различных способов: путем выявления природы конституционных прав и свобод, придания им качества естественных и неотчуждаемых; толкования самой Конституции, с помощью которого обеспечивается конституционная оценка и обоснование отраслевого законодательства; развития содержания самих конституционных предписаний без изменения текста соответствующих статей; официальной интерпретации нормативных актов от-

дельных отраслей, институтов и т.п. российского, зарубежного и международного права.

Следует при этом отметить, что средства массовой информации и многие отечественные ученые-юристы явно переоценивают роль международных учреждений и институтов в защите прав и свобод российских граждан. Например, с 1998 г. по 2005 г. в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) против Российской Федерации было подано примерно 22 тысячи жалоб. В 2002 году ЕСПЧ по существу рассмотрел лишь 2 дела, в 2003 г. всего 5, в 2004 г. – 15, на начало 2005 г. признаны приемлемыми и ожидают рассмотрения 64 жалобы; около 80% вынесенных ЕСПЧ решений в отношении различных стран не исполняются (см. [2. 2005. 7 марта]).

Низкий уровень защиты прав и свобод личности в настоящее время обусловлен ещё и тем, что, во-первых, не все граждане знакомы с многочисленными нормативными правовыми актами, во-вторых, даже владея определенными знаниями, не каждый в состоянии «пройти» установленную законом процедуру защиты своего нарушенного права и добиться принятия адекватного решения. Необходимо констатировать особую сложность механизма самозащиты и юридической защиты прав и свобод людей и их общностей.

Необходимо выделить следующие приоритеты в осуществлении данной функции правовой культуры, позволяющие личности более эффективно осуществлять защиту своих прав:

- а) повышение уровня правовой культуры у нового поколения граждан;
- б) становление и развитие правовых качеств активной личности как условия её правовой социализации;
- в) формирование правомерного поведения в процессе взаимодействия между различными субъектами правоотношений;
- г) преодоление деформаций правового сознания в целях повышения уровня юридической защиты личности.

3.4. Аксиологическая функция правовой культуры

Аксиологическая функция правовой культуры проявляется в том, что существующие правовые ценности выступают в качестве критериев оценки реально существующих юридических явлений, процессов и состояний.

Аксиология немислима вне отдельных наук, рассматривающих ценностные проблемы, однако она выходит за пределы их предмета, поскольку выявляет общие принципы оценок и ценностей, отражает и изучает ценностные аспекты в разнообразных явлениях, процессах и состояниях.

В современной аксиологии понятие «ценность» трактуется как: а) способность вещей и явлений окружающего мира воздействовать на субъекта таким образом, что они воспринимаются в виде блага, побуждают стремиться к ним и добиваться обладания ими; б) общие принципы целесообразной деятельности, отправляясь от которых человек приписывает тем или иным объектам практическую значимость, побуждающую его действовать определенным образом (см. [38. С. 308]).

Ценность вещей и явлений обусловлена их связью с человеком, их способностью удовлетворять его потребности и реализовать развитие его сущности. Ценность не следует отождествлять с оценкой – другим важнейшим понятием аксиологии. Ценность – это объективное явление, в то время как оценка – субъективный акт человеческого сознания, отражение объективно существующей ценности. Ценности выражают значимость предмета для человека, но только ту значимость, которая имеет положительный характер. Н. Неновски, например, выделяет в качестве собственно аксиологических ценностей только духовные – идеи, образы, цели, нормы и идеалы, которые характеризуют высшие устремления людей и, в отличие от материальных ценностей, не имеют количественных показателей. Их называют ценностями духовной культуры, они отражают стремление человека к совершенствованию действительности, что позволит ему еще более полно реализовать свою сущность (см. [39. С. 25-26]).

Данная позиция разделяется далеко не всеми авторами. Так, А.В. Поляков, выделяя как положительные, так и отрицательные ценности, в качестве последних называет ненависть, измену, нужду (см. [38. С. 310]).

В философских системах Демокрита, Сократа, Платона, правовой мысли эпохи Возрождения и Нового времени вместо понятия «ценность» использовалась очень часто категория «благо» (см. [40. С. 155-160]).

Замена понятия «благо» на понятие «ценность» и, наоборот, по мнению Г.Д. Левина, приводит к терминологическим трудностям. «Контрарная противоположность благу – зло. А как назвать контрарную противоположность ценности? Ответ на этот вопрос в современной литературе – ниже всякой критики: синоним «блага» здесь «положительная ценность», синоним «зла» – «отрицательная ценность». Но «положительная ценность» – явный плеоназм, а «отрицательная ценность» – столь же явный оксюморон: называть теракт в Нью-Йорке ценностью – значит издеваться над языком». Согласимся, что «положительная ценность» – это просто ценность, контрарная противоположность ценности – неценность, а контрадикторная – антиценность. Родовым для этих понятий следует признать термин «значимость»: зло – не ценно, оно – значимо для человечества (см. [41. С. 50]).

Существует деление ценностей на материальные (деньги, жилье, одежда) и духовные (честь, вера), личные (значимые для одного субъекта) и сверхличные (присущие группе, народу, классу, государству).

Особое место занимают базовые ценности общества, имеющие общесоциальное значение. Именно они делают возможным само существование общества, составляя ядро его культуры (см. [38. С. 310-312]). К подобным ценностям относятся и правовые ценности.

Правовая культура включает в себя разнообразные ценности, оценки, нормы, оценочные критерии и социальные институты. Правовые ценности имеют регулирующее значение. И здесь, как уже отмечалось, мы видим тесное взаимодействие аксиологической функции правовой культуры с регулятивной.

Правовым принципам, нормам и другим предписаниям нельзя дать полного объяснения, не прибегая к понятийным рядам ценностной теории. Аксиологический характер приобретают и охваченные правом человеческие поступки, правовое поведение людей. Правотворчество и реализация права (правоприменение, исполнение, использование, соблюдение) представляют собой области человеческой деятельности, основанной на определенной системе ценностей. «"Мир ценностей" в праве состоит из оценок, ценностей, ценностных критериев и соответствующих им иерархий» [39. С. 41]. В связи с этим важнейшая задача аксиологической функции правовой культуры заключается в интеграции всех этих явлений. Вне ценностей культура существовать не может. Ценность не просто атрибут культуры – это то, что заложено в ее основе.

Для того чтобы вывести юриспруденцию на уровень науки XXI века, пишет С.С. Алексеев, необходимо, во-первых, взять на вооружение правоведения достижения человеческого духа – высшие ценности философского постижения мира, духовной культуры, морали, высокие гуманитарные идеи, другие завоевания философии, социологии, всего комплекса гуманитарных наук; во-вторых, с учетом новых материалов попытаться выйти через анализ самой правовой материи на новый уровень науки. И тогда окажется, что «секреты» права на таком уровне – это и есть высшие человеческие ценности, которые как раз и отвечают глубоким потребностям сообщества людей в нынешнюю эпоху существования и развития человеческого рода (см.[42. С. 24-25]).

Для того, чтобы осознать, какие из существующих ценностей являются высшими, необходимо разобраться в сложившейся многоуровневой системе ценностей. Они существуют объективно, осознаются и переживаются субъектами общества и, в свою очередь, через сознание и духовно-эмоциональное состояние людей оказывают обратное воздействие на все сферы человеческой жизни. Однако проблема заключается в том, что в обществе признаются не только ценности (положительные явления), но и антиценности, которые являются элементами юридической антикультуры. Аксиологическая функция правовой культуры заклю-

чается в построении иерархии ценностей, в выявлении тех границ их функционирования, за пределами которых ценность превращается в антиценность.

Г.П. Выжлецов выделяет три подхода к проблеме ценностей. Первый и наиболее распространенный заключается в понимании ценности как значимости предметов и явлений действительности для человека, их способности удовлетворять его материальные и духовные потребности (см. [43]).

Главный недостаток этой позиции заключается в сведении ценности к средству удовлетворения потребностей, то есть, по сути дела, к полезности как положительной значимости (в этом случае ценность как значимость явления и ее объект-носитель становятся неразличимыми).

Второй подход, по мнению автора, – относить к ценностям лишь высшие общественные идеалы. С этой точки зрения ценность становится уже не средством, а целью, не сущим, а должным. Данная концепция стала наиболее популярна в этике, однако и здесь ценности имеют субъектно-объектную основу. Третий подход объединяет исходные начала первых двух, определяя ценность как значимость и идеал одновременно.

Однако, как отмечает сам автор, специфика ценностей, их состав, проявление и функционирование в обществе определяется не субъектно-объектными отношениями, а межсубъектными связями (см. [43. С. 96]). Это позволяет более четко разграничить понятие оценки как субъектно-объектного отношения (т.е. отношения субъекта к объекту с точки зрения его значимости) и ценности как явления, фиксирующего наиболее общие типы отношений между субъектами любого уровня, от личности до общества в целом.

Данной позиции придерживаются и другие ученые. Так, Ю.В. Александров считает, что трактовка ценности как значимости объекта для субъекта с точки зрения полезности и возможности удовлетворения его потребностей ограничивает ее применение в юридической аксиологии, поскольку справедливость и право в целом регулируют именно межлические, межсубъектные

отношения. Реализация ценностей культуры в сфере права и составляет содержание правовой культуры (см. [44. С. 22]).

В обществе, в котором сложилась и существует система ценностей, неизбежно возникает вопрос о критериях значимости и иерархии ценностей.

Представляется, что назначение исследуемой функции правовой культуры состоит именно в том, чтобы выработать эти критерии и построить их систему, отграничить истинные ценности от ценностей мнимых, искоренить антиценности, присутствующие в юридической действительности.

Одним из таких критериев, по мнению В.В. Лапаевой, может быть общезначимость ценности. При этом она отмечает, что никто не гарантирован от ошибочных попыток воспринять устаревшие ценности либо те, которые навязываются обществу извне. Опыт, накопленный различными цивилизациями, настолько многообразен, интересы противоречивы, что, говоря об общезначимости чего-либо как ценности, необходимо учитывать временной и пространственный факторы (см. [45. С. 56]).

Проблема поиска критериев ценности нашла свое отражение и в зарубежной науке, в частности социологии. Отметим две наиболее диаметрально противоположные позиции. Так, М. Вебер считал, что ценности суть конкретно-исторические образования, установки данной исторической эпохи, обусловленные «направлением ее интереса». Согласно М. Веберу «интерес эпохи» – нечто более устойчивое и объективное, чем просто частный интерес того или иного исследователя, но в то же время это нечто гораздо более субъективное, чем надысторический интерес, получивший у неокантианцев название «ценностей». Тем самым ценности у Вебера из области надысторической «переносятся» в историю. Поскольку ценности лишь выражения общих установок своего времени, постольку у каждого времени есть и свои абсолюты (см. [46. С. 43; 47. С. 186-187]).

Современник М. Вебера, работавший над ценностной проблематикой, Г. Риккерт, высказывал противоположную точку зрения. Он считал, что настоящие ценности имеют вневременное значение, они трансцендентны и вечны. Ценности воплощаются в

жизнь благодаря доброй воле человека, его свободному признанию их не ради получения конкретной выгоды, а бескорыстно, ради их самих. Человек принимает долженствование ради долженствования и ценность ради ценности. Наш мир действительности (сфера имманентного бытия) и мир ценностей (сфера «чистых ценностей») встречаются друг с другом с помощью человека. Только человек способен придать смысл явлениям этого мира (см. [48. С. 70-71]).

Очевидно, что разные культуры в различные исторические эпохи отличаются различной системой ценностей. Выделяются базовые ценности, определяющие содержание конкретной культуры. Их задача – сохранение и защита целостности определенной социальной группы, являющейся носителем данной культуры. В то же время в эту систему входят и общечеловеческие ценности, значимые для всех культур, народов и социальных групп. Именно благодаря им возможно взаимодействие различных культур, они составляют культурное наследие и транслируются через поколения. Как отмечает А.Н. Бабенко, в условиях неизбежных разногласий между субъектами об ориентирах жизни, общезначимые ценности необходимы для реальной возможности всем субъектам жить в соответствии со своими ориентациями. Это ценности, нарушение которых прямо ущемляет права индивидов и сообществ жить и действовать в соответствии со своими ориентирами (см. [49. С. 93 и след.]).

Конец XX века породил так называемый феномен двойного конфликта ценностей: внутри каждой культуры и между цивилизациями (см. [50. С. 53]). Появление данного феномена связано с тремя парадоксами, сформулированными К. Манхеймом и Э. Фроммом.

Первый парадокс заключается в том, что цивилизации используют метод перевода ценностей из одной системы в другую при переходе от более простых ценностей к более сложным, чтобы заставить систему ценностей функционировать ещё раз. Этот приём приводит к парадоксальной ситуации: ценности неожиданно превращаются из инструмента социальной справедливости в инструмент эксплуатации (см. [51. С. 430; 52. С. 58]). Подобная

ситуация складывается сейчас, когда под предлогом распространения общечеловеческих ценностей ряд западных государств реализует политику завоевания других народов и насаждения своих юридических ценностей и политических институтов.

Второй парадокс связан с принципиальным изменением всей процедуры оценки в современной культуре. Если в традиционных обществах люди принимали систему ценностей благодаря вере в то, что это воля божья, то в настоящее время усвоение накопленных ценностей и создание новых основаны на сознательной и разумной их оценке. И хотя сам по себе этот процесс прогрессивен, в культуре он привел парадоксальным образом к немыслимому прежде смятению в области оценок и ценностей.

И, наконец, третий парадокс заключается в возникновении значительного разрыва между тем, что человек считает своими ценностями, и действительными ценностями, которые им зачастую даже не осознаются, но которыми он руководствуется. Официально признанными ценностями демократии являются гуманистические и религиозные идеалы: индивидуальность, сострадание, милосердие, любовь, ответственность, патриотизм. Но многие люди считают их проявлением идеологии, и потому эти ценности не оказывают реального воздействия на мотивацию человеческого поведения. Вместе с тем, бессознательные ценности – собственность, потребление, общественное положение, развлечения – служат непосредственными мотивами поведения большинства людей. Разрыв между осознанными и неэффективными ценностями, с одной стороны, и неосознанными и действительными – с другой, приводит к девальвации ценностей, опустошает человека и общество (см. [50. С. 59; 52. С. 287]).

Между тем, отмеченные потребительские ценности зачастую представляют собой не что иное, как навязываемый вариант «западных культурных ценностей», в котором привлекательная внешняя оболочка лишена нравственного и религиозного содержания. Подобный «утилитарный» образец легко потребляется, и именно отсюда то нравственное опустошение, которое он приносит. Человек обесценивается, зато мир вещей, влияющий на него, оценивается все выше. Подобное отношение проникает и в пра-

вовую систему общества. Правовые ценности представляются индивиду ненужными абстракциями, навязанными обществом и государством, не связанными с личностью. Такие ценности начинают восприниматься как ограничения, сковывающие самобытность и инициативу личности, как оковы ее свободы. Индивид становится равнодушным к социальным потребностям всего общества и других людей. Его индивидуальные интересы и потребности воспринимаются как ценности, в то время как правовые ценности вызывают отчуждение.

Ценностные конфликты существуют не только между системами и цивилизациями, но и внутри самой системы. Ценности, как верно отметил А.И. Экимов, могут вступать в противоречие между собой, если не выявлены механизмы их совмещения. В современной России, где сосуществуют, конкурируют различные ценностные системы, сегодня наблюдается их разбалансированность (см. [53. С. 26]).

В последнее время в нашей стране в силу различных причин пренебрегали правовыми ценностями. Назначение аксиологической функции правовой культуры заключается в том, чтобы скорректировать правовую систему так, чтобы содержащиеся в ней ценности были востребованы гражданским обществом, дополняли друг друга, получали обоснование друг в друге и взаимно поддерживались. Но это лишь первый этап, дальнейшей задачей является внесение соответствующих ценностей в законодательство. Ценности, выраженные в праве, перейдут из должного в сущее, если они внедряются в правовое сознание субъектов и воплощаются в юридической практике.

Особенность ценностей, и прежде всего правовых, заключается в том, что они, выступая в качестве норм и идеалов в системе реально действующих общественных отношений, в отличие от других научных категорий обладают не только познавательным, но и регулятивно-целевым значением (см. [9. С. 20]).

«Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром», – было отмечено в одном из посланий

Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ (см. [2. 2005. 26 апр.])

В иерархии ценностей правовой культуры ведущее место занимает свобода как фундаментальная ценность. Вся история человечества есть не что иное, как история его свободы и культуры. По мнению Ф. Энгельса, «каждый шаг вперед по пути культуры был шагом к свободе» (см. [54. С. 107]). Свобода как ценность занимает особое место, поскольку без нее человек не может достигать каких-либо намеченных целей, развиваться как личность. Не останавливаясь на длительной эволюции осознания категории «свобода», отметим, что современная философия выделяет следующие аспекты понимания свободы. Во-первых, свобода – это познанная необходимость, поскольку причинная необходимость не только не противоречит свободе, но и является условием ее реализации. Во-вторых, свобода – это свобода как выбор. В-третьих, свобода предполагает ответственность.

Понятие свободы универсально по своему содержанию, поэтому в рамках данного исследования следует акцентировать внимание на характеристиках свободы как ценности права и правовой культуры. Свобода не абсолютна, она не вседозволенность и произвол. Быть абсолютно свободным невозможно, но через установленные социальные нормы человек расширяет границы своей свободы. И ведущее место в обретении свободы принадлежит правовым институтам.

Как подчеркивает С.С. Алексеев, «если учитывать «глубокие корни» и права, и морали, то наиболее важным представляется то, что именно право гарантирует такую реализацию свободы людей в практической жизни, которая способна обогатить ее достоинством разума и отсесть произвол, своеволие, безумие неконтролируемой стихии субъективного» [55. С. 96].

Традиционное абстрактно-философское представление о праве, как о мере свободы, пишет М.И. Байтин, если перевести его на язык юридической науки и практики, совпадает с характеристикой правомерного и неправомерного, законного и незаконного поведения. Индивид, ведущий себя соответственно предписаниям права, действует свободно. Правовое пространство в пре-

делах правомерного поведения участников общественных отношений – это сфера юридической свободы как опосредованной правом личной свободы человека. И, напротив, если индивид сознательно выходит за пределы правомерного поведения, нарушает правовые ограничения и запреты, он действует несвободно, для него наступают неблагоприятные последствия личного, имущественного, организационного характера, предусмотренные соответствующей нормой права (см. [56. С. 80-82]).

Прогрессивный характер положения «право как мера свободы» имеет теоретическое и практическое значение, если определены границы данной меры. Свобода не безгранична, и в качестве таких объективных критериев выступают субъективные права и юридические обязанности, принципы, дозволения, ограничения и запреты в праве (см. [56. С. 79]). Права и свободы одного индивида кончаются там, где начинаются права и свободы другого. Особое место среди указанных критериев занимает принцип «разрешено все, что не запрещено». В современных российских условиях проблема характеристики права как меры свободы приобретает особое значение. Для того, чтобы индивид мог поступать соответственно указанному принципу, необходимо не только знание своих прав и обязанностей, но и наличие навыков их реализации, умение сориентироваться в достаточно сложном законодательстве, реализовать возможности, предоставленные правом.

Аксиологическая функция правовой культуры призвана решать триединую задачу: во-первых, развить понимание свободы индивида как важнейшей ценности; во-вторых, внедрить это понимание в сознание законодателя, правоприменителя и каждого гражданина; в-третьих, сделать эту идею важнейшим мерилом любой юридической практики.

В силу нечеткости границ между дозволенным и запрещенным индивид зачастую сталкивается с трудностями в выборе вариантов поведения, в выборе целей и средств их достижения, что не только ограничивает свободу, но и нередко приводит к произволу. Поэтому необходима корректировка в законе, устанавливающая в дополнение к правовым и моральные ограничители в поведении граждан (см. [9. С. 43; 22. С. 27]).

Считается общепризнанной точка зрения, что права и свободы представляют своего рода каналы, через которые происходит реализация правового статуса личности. В демократическом обществе права и свободы человека и гражданина приоритетны, но не абсолютны и безграничны. Для нормального функционирования и дальнейшего развития общества, обеспечения развития каждой личности должна быть создана адекватная система ограничения прав и свобод. В то же время необходимо установить определенные рамки ограничений, за которые переходить недопустимо.

В Конституции РФ закреплено: «Права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (п. 3 ст. 55). Согласимся с А.В. Малько, что «эти ограничения, которые можно назвать конституционными, выступают специфическим индикатором, позволяющим определить степень свободы и защищенности личности. Именно комплекс конкретно установленных в Конституции ограничений в наибольшей мере характеризует собой взаимоотношение между государством и человеком, представляет специфическое «лезвие бритвы» между законностью и произволом» [57. С. 89].

В этом контексте еще раз хотелось бы обратить внимание на ценность и особое место в правовой культуре юридических обязанностей отдельных людей, их коллективов и организаций, должностных лиц, государственных и корпоративных органов власти. Мы согласны с Н.И. Матузовым в том, что демократическое общество предполагает не только права, но и обязанности; эта аксиома является вечно актуальной и практически значимой, и, когда она предается забвению, возникает серьезная проблема в обществе. «Ясно, – продолжает автор, – что если бы все имели только права, но никто не нес никаких обязанностей, демократия была бы взаимно уничтожена, воцарился бы хаос. Юридические обязанности скрепляют, цементируют демократию, делают ее бо-

лее прочной, устойчивой и жизнеспособной. Без обязанностей невозможна сколько-нибудь упорядоченная жизнь» [22. С. 281].

Гегель сформулировал весьма важное, на наш взгляд, методологическое положение о необходимости многоуровневого подхода к значимости юридических обязанностей, согласно которому он различает обязанности человека перед самим собой, перед семьей, государством, другими людьми, и наоборот. Подчеркивая неразрывную связь юридических прав и обязанностей, он писал, что они «соединены в одном и том же отношении, коррелятивны прежде всего в том смысле, что некоторому праву с моей стороны соответствует в другом некоторая обязанность. Если бы у одной стороны были все права, а у другой все обязанности, то целое распалось бы. Обязанности по отношению к другим – это в первую очередь правовые обязанности, которые нужно соединять со стремлением поступать справедливо» [99. С. 328].

Ценность юридических обязанностей как элементов правовой культуры очень четко сформулировал И.А. Ильин. Он писал: «Люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии и блюсти их; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не желающие признавать запретности, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую невменяемость» [19. С. 24].

В статье 2 Конституции РФ записано: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Это положение, на наш взгляд, во-первых, носит весьма абстрактный и декларативный характер. В этом плане нам больше импонирует ст. 28 Конституции Итальянской республики от 22 декабря 1947 г., где отмечается: «Должностные лица и служащие государства и публичных учреждений в соответствии с уголовными, гражданскими и административными законами непосредственно отвечают за действия, совершенные в нарушение чьих-либо прав. В этих случаях гражданская ответственность распространяется также на государство и публичные учреждения».

Во-вторых, признание, соблюдение и защита прав и свобод людей, их коллективов и организаций – это не только обязан-

ность государства, но и неотъемлемые обязанности других людей, их коллективов и организаций. Лишь на основе гармоничного единства прав и обязанностей, «равновесия взаимных обязанностей и взаимных прав» (П.И. Пестель) можно достичь эффективного правового регулирования общественных отношений, удовлетворения личных и общественных потребностей и интересов в соответствии с принципами справедливости, разумности и взаимной ответственности.

Важнейшей социальной и правовой ценностью является справедливость. Понятие права и справедливости имеют один этимологический корень: «правое», «праведное». С этих позиций правовое регулирование – это регулирование общественных отношений на основе справедливости. Этимологический анализ понятия «справедливость» показывает, что различные его значения в разных языках и определенные смысловые оттенки в рамках одного языка выражают содержание этого термина, характерное для культуры того или иного народа, поскольку в языке откладывается исторически наиболее устойчивое значение слов (см. [9. С. 107]).

Справедливость – это одна из вечных ценностей. Помимо справедливости к ним можно отнести, по мнению О.В. Мартышина, разве что общее благо и соблюдение законов. Справедливость – это не только вечная, но и высшая правовая ценность. Все остальные ценности соизмеряются с ней и действительно являются таковыми, если не противоречат справедливости (см. [58. С. 4]).

Справедливость как многогранная категория проявляется во всех сферах жизни общества. Она, с одной стороны, интегрирует экономические, политические, правовые, нравственные аспекты, а с другой – является тем связующим началом, которое пронизывает и согласует эти различные сферы. Общее понятие высшей справедливости как ценности реализуется в конкретных сферах в виде соответствия прав и обязанностей, труда и его оплаты, преступления и наказания.

Задача аксиологической функции правовой культуры не только в том, чтобы обеспечить осознание значения и места дан-

ного явления всеми субъектами права, но и реализацию ее во всех сферах правового регулирования. Особенность юридической справедливости заключается в том, что она носит наиболее четкий, формально определенный характер, зачастую ее реализация обеспечивается государственным принуждением. Вся правовая система стоит на страже справедливости, служит средством ее закрепления, охраны и защиты (см. [9. С. 108]).

Аксиологическая функция правовой культуры приобретает все большее значение в связи с тем, что правовые ценности перемещаются на высшие уровни общемировых ценностных иерархий. Однако единого понимания системы правовых ценностей не сложилось, поскольку ее границы во многом зависят от мировоззренческих и методологических установок исследователей.

Представители современной европейской цивилизации в качестве основного выбирают персоналистский подход, согласно которому основной правовой ценностью выступает развивающаяся личность, ее права и свободы. В то же время сторонники теории позитивного права, используя в аксиологии гносеологические или рациональные критерии, рассматривают в качестве высшей ценности закон. Представители естественно-правового направления, напротив, выдвигают этические критерии ценности права и считают ценным лишь то право, которое отвечает этическим ценностям. Согласимся с мнением А.Н. Бабенко, что критерии правовых ценностей в развитии человеческой цивилизации претерпевают изменения в диапазоне от приоритета общественного блага до значимости свободы личности. Изменение этих критериев приобретает колебательный характер, перемещаясь от высшей ценности личности до приоритета целостности общества и роли государства (см. [49. С. 97]).

На наш взгляд, необходимо признать множественность ценностей правовой культуры, и основная цель ее аксиологической функции заключается в гармонизации основных правовых ценностей, сочетании интересов отдельной личности и общества в целом. Крайний коллективизм, так же как и крайний индивидуализм, в своем правовом выражении одинаково губительны для общества, поскольку в первом случае правовые ценности пере-

стают быть должными для каждого, а во втором – права и свободы каждого перестают быть должными для всех. Индивид подчиняется интересам всех настолько, насколько общество связывает себя приоритетом интереса каждого. В подобных условиях высшей ценностью становится справедливость как забота каждого об общем благе, отказ от чрезмерного эгоизма и признание каждым необходимости того, что его права и свободы ограничиваются там, где начинаются права и свободы другого.

3.5. Прогностическая функция правовой культуры

В литературе правильно обращается внимание на то, что истинная функция правовой культуры заключается не только в определении наиболее подходящих способов и средств для достижения культурных целей, но и в предсказании возможных последствий, объяснении необходимости возникновения новых юридических ценностей (см. [59. С. 375]).

Действительно, прогностическая функция правовой культуры заключается в анализе эффективности и качества, закономерностей и тенденций, путей развития правовых явлений, процессов и состояний, в выборе наиболее подходящих средств, приемов, способов, методов и т.п. для достижения культурно-правовых целей, в предсказании возможных юридических и иных последствий для людей, их коллективов и организаций.

Прогностическая функция правовой культуры охватывает развитие права, правосознания и юридической практики (правотворчество, реализацию, систематизацию, толкование и т.д.), тенденции гражданской активности членов общества на всех его исторических этапах. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Н.Л. Гранат, что правовая культура преимущественно обращена к прошлому (свершившемуся позитивному правовому явлению) и настоящему (см. [60. С. 11-12]).

Действительно, правовая культура, отражая в себе качественные характеристики права, юридической практики и правосознания, по отдельным параметрам оказывается впереди по от-

ношению к нормам, принципам и даже некоторым идеям, отраженным в законах. Это объясняется тем, что экономические, политические и социальные изменения в обществе, прежде всего, становятся очевидными и объективно требующими адекватного регулирования в процессе юридической практики. В этом случае обнаружившееся несоответствие закона и жизненных реалий находит своё отражение в правосознании ученых и правоприменителей и через призму правовой идеологии фокусируется в определённую правовую концепцию, привлекающую внимание законодателя.

В связи с этим интересно прогностическое влияние индивидуальной правовой культуры, которая способствует совершенствованию правовой системы, является предпосылкой любой юридической деятельности. На определенном этапе своего развития правовая культура отдельных личностей может существовать как бы обособленно, она опережает общий культурный уровень, существующий в обществе и выраженный в праве. Правовая культура отдельных «творцов права», интерпретаторов, правоприменителей и т.п. вызывает к жизни новую прогрессивную юридическую практику, стимулирует совершенствование законодательства, единообразное и правильное его понимание и применение. Именно на этом уровне правовой культуры формируются отдельные элементы, которым предстоит стать составными частями новой прогрессивной правовой культуры общества.

По мнению И.А. Иванникова, обыденный уровень правовой культуры прогнозирует социальные изменения, хотя он и характеризуется отсутствием глубоких обобщений, но ему более чем какому-либо другому уровню присущ здравый смысл (см. [61. С. 15]).

Результаты прогностической функции правовой культуры не поддаются абсолютно точной оценке. Невозможно полностью предвидеть все общественно-правовые последствия той или иной юридической деятельности. Так, законодатель не всегда точно знает, как отреагирует общество на принятые законы: сложными являются социальные отношения, слишком разнообразна «данность» любого закона. Однако это не означает, что правотворче-

ские органы не должны прогнозировать свою деятельность и ее последствия. Правовая культура должностных и иных лиц этих органов заключается в том, чтобы осознать, выявить настроения, взгляды и идеи в общественном сознании и соотнести их с теми насущными потребностями, которые сложились в обществе. Прогностическая функция правовой культуры призвана помочь найти в правотворческом процессе ту «золотую середину», которая бы позволила выработать социальный компромисс.

Ю.А. Тихомиров еще в конце 90-х годов прошлого века писал: «Нужна современная научная концепция, позволяющая предвидеть динамику развития российского законодательства, соотношение его отраслей и подотраслей, определить приоритетные законы на ближайшую перспективу и последовательность принятия новых законов, исходя из интересов граждан и государства, потребностей экономики, социальной и политической сфер» [62. С. 5]. К сожалению, до сих пор такая концепция отсутствует.

По мнению Р.С. Байниязова, важное место в прогностической функции юридической культуры занимает правовая интуиция и правовой инсайт. Под первой понимаются правовые догадки, предположения и прозрения, а под вторым – внезапное целостное, системное «схватывание», понимание сущности вопроса, когда из разрозненных, фрагментарных гносеологических единиц, идеальных моделей реального объекта складывается комплексное видение проблемы. По его убеждению, без работы подсознательного уровня психики, ее интуитивных структур невозможно сформировать целостную системно единую, культурно развитую иерархию нормативных правовых актов (см. [63. С. 18-20]).

Важное место в осуществлении прогностической функции правовой культуры занимает юридическое воображение. Без соответствующей доли прогрессивного воображения в истории развития правовых систем не был создан ни один более или менее существенный юридический институт и документ. Любая юридическая деятельность – это творческий, интеллектуальный процесс. В сознании разработчиков правовых предписаний формируются идеальные образцы должного, которые еще не обрели качеств сущего. Данные эталоны поведения, как правило, в природе

не существуют, их необходимо мысленно смоделировать, оценить и т.д. Именно здесь необходимо юридическое воображение для создания идеального образца правового акта. Качество принимаемых актов напрямую зависит от богатства, оригинальности, многоплановости или, наоборот, узости, однобокости юридического воображения законодателя или правоприменителя. Обладая богатым воображением, творец, например, позитивного права неизбежно соединяет свою правовую культуру с судьбой социума, ибо без соизмерения интересов законодателя и правовых чаяний конкретных субъектов права невозможна эффективная правовая система общества.

3.6. Правосоциализаторская функция правовой культуры

Основы теории социализации, описывающей процессы интеграции индивида в социальную систему, в её современном виде заложены Т. Парсонсом. В работе «Экономика и общество» он заметил, что, право, не ограничиваясь ролью нормативного регулятора, активно вторгается в социальную сферу, склоняя социальные группы, общество в целом к определенным формам поведения и к взаимодействию друг с другом, вызывая у них определенные связи с обществом. Тем самым обеспечивается включенность индивидов и групп в единую систему социальной организации. Этот процесс включения индивида в социальную жизнь, в ходе и в результате которой человек (как существо изначально во многом биологическое) учится быть частью общества, называется социализация (см. [93]).

Социализация – это не просто восприятие индивидом социально значимой информации, социальных и культурных ценностей того общества, к которому он принадлежит, но и их внутреннее усвоение в качестве собственного ценностного и поведенческого императива.

Она имеет две цели: а) способствовать интеракции личности на основе социальных ролей, б) обеспечить сохранение общества

благодаря усвоению его новыми членами сложившихся в нем убеждений и образцов поведения.

Люди почти не имеют врожденных моделей поведения, но они наделены способностью усваивать сложные навыки и культурные ценности – от правовых актов до правил хорошего тона и других социальных норм, которые регулируют их поступки и стремления. Некоторые социологи считают, что процесс социализации продолжается в течение всей жизни человека (подробнее см. [64. С. 346-349]).

Правовая социализация связана с формированием и модификацией системы свойств и качеств, а также механизмов саморегуляции поведения личности, необходимых для ее адаптации к специфике социально-правовых ситуаций и взаимоотношений в сфере действия права и для обеспечения активного правового поведения субъектов. Она предполагает включение индивида в ценностно-нормативную систему, обеспечиваемую правом и юридической практикой. Эта задача достигается в процессе реализации правосоциализаторской функции правовой культуры.

Социализация в данной сфере включает усвоение личностью: социальных ценностей, одобряемых и охраняемых той или иной правовой системой, совокупностью действующих правовых актов – регуляторов поведения и критериев социально-правовой оценки фактов и явлений; знаний, умений, навыков и привычек, необходимых для ориентации в правовой сфере и взаимодействия субъектов в рамках существующих правовых отношений; элементов правовой культуры; статусов, функций и ролей, присущих человеку в связи с местом, занимаемым им в механизме правового регулирования.

Успешная социализация предполагает не просто усвоение индивидом каких-либо образцов социального и правового поведения, но и умение противопоставить им свои собственные ценности, явившиеся результатом творческого осмысления более высоких по отношению к массовой культуре моделей юридической деятельности. В процессе такой социализации происходит творческое развитие правовых ценностей.

Правовая культура: понятие, структуры, функции

Таким образом, с одной стороны, приобретенные личностью в процессе правовой социализации убеждения, ценностные ориентации, установки и т.п. являются важнейшими предпосылками эффективного правового воздействия, а с другой – весь механизм правового регулирования оказывает влияние на формирование личности и ее общностей, способствует их правовой социализации.

Сознание и воля выступают в качестве объектов юридического воздействия, а соответствующее поведение – социального и юридического результата, требуемого от субъектов права. Однако здесь недостаточно исследовать вектор «цель – воля – мотив», а требуется учитывать все блоки психологического механизма правового поведения, с учетом специфики, социальной ситуации и ее нормативно-правовой регуляции (подробнее см. [65. Т. 2. Гл. 19]).

Правомерное и противоправное поведение представляют собой различные по структуре и содержанию, направленности и психологическим элементам виды юридического поведения. Как правило, они рассматриваются изолированно друг от друга, подчеркивается их несовместимость и несоответствие, однако и то и другое имеет место в особой сфере человеческих отношений, урегулированных правом, в которой они как бы являют своеобразное единство противоположностей. Их следует изучать в тесной взаимосвязи. Это положение должно стать методологически отправным при осуществлении правосоциализаторской функции правовой культуры и анализа структуры юридической антикультуры.

Если правомерное поведение в большинстве случаев является результатом успешного воздействия правовой культуры, то противоправное должно указывать либо на отсутствие необходимой юридической информированности, либо на то, что такое позитивное воздействие было заблокировано именно на уровне опосредующих его элементов психологического механизма. В подобном случае возникает необходимость более эффективного распространения правовых знаний (умений и т.п.), а также выявления тех элементов, из-за которых произошел «сбой» в юридической деятельности субъектов права.

Активное осуществление правовых предписаний возможно лишь при условии освоения субъектами определенной совокуп-

ности правовых знаний, умений, навыков и т.д. Влияние правовых знаний на сознательную правовую деятельность человека очень велико. Основу поведения индивида составляет понимание предъявляемых к нему правовых требований и признаваемых за ним и гарантируемых государством юридических возможностей. Наличие у человека определенных знаний для осуществления осознанной, целенаправленной деятельности существенно повышает качество действий и предопределяет их эффективность (см. [66. С. 57]).

Однако правовая информированность отдельных граждан, да и всего российского общества, невысока, низким остается уровень правовой культуры, что ведет к правовому инфантилизму и пассивности. Зачастую граждане не готовы защищать свои права. Отсутствие убежденности в том, что государство стоит на страже их интересов, что смысл и содержание деятельности государственных органов действительно определяют права и свободы человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ), также не способствует заинтересованности граждан в овладении правовыми знаниями.

Таким образом, задача, стоящая перед правосоциализаторской функцией правовой культуры прежде всего заключается в приобщении индивида к существующим правовым ценностям, овладении правовыми знаниями, усилением правовой активности граждан и должностных лиц.

Важнейшее место в процессе осуществления правосоциализаторской функции правовой культуры занимает правовое воспитание – процесс целенаправленного формирования системы знаний, убеждений и мотивов правомерного поведения, в основу которого положены чувства законности, гуманизма, юридического равенства, справедливости, ответственности и т.д. Именно правовые чувства, в первую очередь, позволяют индивиду верно ориентироваться в правовой сфере и без специальных юридических знаний.

Становление правовой культуры представляет собой непрерывный процесс отбора человеком ценностей и поиска им соответствующих моделей юридического поведения. Темп и характер

обновления правовой культуры обусловлены, в частности, естественно-историческим ходом развития общества и индивидуальным приобщением к складывающимся в ней нормам, традициям, стереотипам, причем люди делают это избирательно. Однако подобная стихийность дополняется сознательными усилиями различных политических и юридических институтов – государства, судов, партий, общественных движений, правоохранительных органов и т.п., которые пытаются укоренить в сознании граждан правовые идеи и принципы. Процесс развития правовой культуры и ее реализации образует тот фон, который сопутствует жизненному пути каждой личности, её адаптации в правовом пространстве.

Современный человек, как правило, чуток к внешним воздействиям, а его способность воспринимать принятые социумом правовые ценности и стандарты поведения, прежде всего, зависит от имеющихся у него юридических знаний, умений, навыков, мастерства и т.д. В то же время процесс приобщения к правовым ценностям и эталонам осуществляется на примере позитивных действий, типичных вариантов правового поведения, включения личности во взаимодействие с определенными институтами, составляющими правовую систему общества.

В данном случае постоянными «спутниками» индивида, оказывающими большое воздействие на процесс усвоения им правовых образцов и ценностей, являются агенты социализации, через деятельность которых преломляется воздействие на индивида внешних факторов.

Агент (лат. – действующий) социализации – семья, система образования, общественные, государственные, юридические и политические институты, церковь, неформальные организации и группы влияния и т.п., способные кардинально влиять на систему убеждений и верований человека. Любому периоду жизни человека – дотрудовому, стадии зрелости, послетрудовому – соответствует свой набор таких агентов (см. [67. С. 510]).

Авторитет и эффективность влияния каждого из этих агентов зависит от многих причин, но прежде всего от возраста, внутреннего состояния, уровня образованности и развития самосознания

человека, интенсивности его вовлечения в социальные процессы, а также цивилизованных и исторических условий общественного бытия. Так, в традиционных социумах более сильным является влияние семьи, ближайшего окружения и церкви. В современных государствах более выражен авторитет образовательных и коммуникативных структур, которые внедряют накопленный правовой опыт в индивидуальное сознание личности, в значительной мере формируя правовую культуру личности. Наиболее высокой эффективностью в правовой социализации обладает деятельность государственных, корпоративных и юридических институтов, образовательных учреждений и т.п. Государство и субъекты гражданского общества формируют деятельность всех агентов юридической социализации, координирует её в рамках так называемого потока данной социализации, с ориентацией на позитивное отношение личности к праву и законопослушное ее поведение.

Нельзя не отметить, что существуют отдельные социальные группы, обладающие особым взглядом на правовые реалии, стремящиеся в духе собственных воззрений повлиять на личность. Такого рода активность социальных групп и субкультур может привести к состязательности потоков социализации. Правовая социализация всегда существует как сочетание конкретных механизмов обучения, складывающихся на определенной правокультурной основе.

Открытые контакты с разными групповыми культурами вырабатывают у индивида определенные предпочтения и усвоение им конкретных правовых ценностей. В настоящее время уровень правовой социализации личности показывает, что усвоение ею ценностно-нормативного правового опыта не может замыкаться рамками одной страны, тем более при интенсивно развивающемся информационном и культурном обмене между странами.

Характер и уровень правовой социализированности не может оставаться неизменным на протяжении всей жизни человека и подвержен постоянным, в том числе качественным преобразованиям. Выделение первичной и вторичной стадии социализации личности дает возможность учесть такие трансформации личности в соответствии со всей продолжительностью её жизни.

Первичная социализация – это начальное восприятие ребенком правовых категорий, которые постепенно формируют у него определенное отношение к праву и правовым явлениям. Особенностью этой стадии является пассивный характер усвоения информации, без должного осознания её сущности и значения. На втором этапе индивид уже усвоил определенные приемы переработки информации и её оценки, он уже способен противостоять какому-либо давлению, оценить правовые идеи, принципы, нормы и традиции. На этом этапе большое значение приобретает так называемая обратная социализация, отражающая влияние самого человека на процесс усвоения правовой информации и выражающаяся в непрерывной самокоррекции своих правовых ценностей и способов юридического поведения.

Проблемы правовой социализации, т.е. то, каким образом индивид становится личностью и субъектом права в процессе взаимодействия с другими людьми, ставят вопрос не только о будущем конкретного индивида, но и всего общества, поскольку эта разновидность социализации представляет собой не просто способ вхождения индивида в общество, но и сплоченность самого общества, способность его правовой системы к обновлению и развитию.

В настоящее время всё большее число исследований посвящается проблемам правовой социализации взрослых людей. Следует согласиться с тем, что социально-политическое и правовое обучение – это продолжительный непрерывный процесс, поскольку воспитание взрослого человека методически основывается, прежде всего, на изменении его возможностей и сферы занятий, а также ответственности на протяжении всего жизненного цикла (см. [68. С.105]).

Восприятие каждым человеком окружающего мира и его системы ценностей в значительной степени индивидуально. Конкретный акт любого правового поведения является по своей сути выражением объективно-субъективного ценностного выбора, реализацией вовне индивидом своей ценностной установки в условиях конкретной социальной среды. Именно ценности и связанные с ними интересы и потребности (материальные, духовные

и т.д.) приводят в движение механизмы регуляции любой юридической деятельности.

По мнению А.Н. Бабенко, в современных условиях особенно актуальным становится восстановление «символического ядра культуры», которая воспринимает и творит в своем предельном значении право как ценность. Для того чтобы более точно определить механизм правовой социализации, вводится понятие «освоение правовых ценностей», обозначающее совокупность приёмов и способов, с помощью которых осуществляется познание юридического бытия субъектами права. Указанный процесс соединяет формальное право и его реальное проявление, происходит перенос абстрактного права к другим конкретным элементам правовой системы общества, в которой субъекты и участники практики выступают в качестве носителей юридического бытия (ср. [68. С. 105]).

Классическая форма освоения юридической действительности в европейской культуре определяется институтом владения как принципом построения всей правовой конструкции. Отношение к собственности характеризует индивида не только в имущественных отношениях, но и межличностных. Насколько индивид владеет собственностью, настолько он может осваивать мир с помощью правовых способов и средств (ср. [69. С. 140]). Освоение правовых ценностей в русских традициях отличается от европейских. В его основе лежит отражение неотъемлемого качества субъекта освоения, его главные ценности – правда, справедливость, «общинность» (соборность, коллективизм и т.п.), свобода. Об этом свидетельствует весь исторический опыт развития нашей страны.

Правовая культура любого общества основана на определённой системе ценностей. Правовые ценности усваиваются субъектом и отражаются в определённых структурах общественного сознания. С одной стороны, механизмы перестройки общественного сознания достаточно инертны, что тормозит процесс восприятия новых правовых ценностей, с другой – это компенсируется нередко крайней радикальностью новых юридических идей, концепций и т.д., поэтому, когда изменяется старая система пра-

вовых и иных ценностей, общественное мнение по одним и тем же вопросам бывает весьма противоречивым, полярным либо индифферентным. Однако в таких ситуациях необходимо избегать непримиримых коллизий между ценностными системами, что может привести и приводит к уничтожению существенных по своей ценности элементов «старой» и вновь зарождающейся правовых систем. И главное в этом случае – не допустить правовой десоциализации личности. Иначе – энтропия, хаос, дезорганизация общества, рост противоправной деятельности и т.д., а вместе с указанными и иными негативными юридическими явлениями и процессами – кризис правовой культуры и торжество антикультуры как на индивидуальном, так и на надиндивидуальном уровнях.

3.7. Коммуникативная функция правовой культуры

Человек приобретает социальный опыт и знания двумя путями: либо через непосредственный контакт с источником информации, либо через общение с иными социальными субъектами, т.е. коммуникативным путем.

Коммуникация как имманентное обществу явление представляет собой чрезвычайно сложную систему межличностных отношений людей, их коллективов и организаций.

Исходя из ее информационной сущности А.А. Брудный определяет коммуникацию как направленную связь и разделяет этот процесс на: а) аксиальный – передача сообщений единичным приемникам и б) ретиальный – передача сообщений неопределённому кругу адресатов (см. [70. С. 34-39]). Последняя форма связана с массовой коммуникацией, под которой понимается систематическое распространение сообщений среди численно больших рассредоточенных аудиторий с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей (см. [71. С. 9-10]).

Теории коммуникаций получают все большее распространение в юридической науке. Например А.В. Поляков, определяет право как специфическую форму коммуникации, имеющую свои

особенности по сравнению с другими вариантами коммуникативного воздействия. Он считает, что это – специфический социальный язык, универсальный способ социального взаимодействия, процесс непрерывного воспроизводства правовых коммуникаций (см. [38. С. 257-263]). Все эти характеристики еще в большей степени присущи всем разновидностям юридической практики (правотворческой, правоприменительной, судебной, следственной и др.).

Правовую культуру также нужно рассматривать через призму «коммуникативных» идей, понятий, понятийных рядов, конструкций и т.д. В составе правовой культуры может быть выделена система сообщений о юридических предписаниях, регулирующих внешнее поведение людей в социально-значимых ситуациях, о допустимом и желаемом поведении, система взглядов и оценок подобного поведения. На этом основании следует выделять коммуникативную функцию правовой культуры.

Р. Штаммлер писал: «Существует лишь одна-единственная идея, которая с безусловной принципиальностью действительна для всякого права – это идея человеческого общения» (цит. по. [72. С. 165]). Правовая культура может появиться только в обществе и в результате юридического общения. Важнейшим ее элементом является право как регулятор и стабилизатор общественных отношений, влияющий на поведение людей в обществе через установленные принципы, нормы, нестандартные предписания.

Н.М. Коркунов считал необходимым за основу изучения права и правовой культуры брать не нормы, а юридические отношения. «Только изучение юридических отношений, а не толкование отдельных законодательных постановлений дает обобщенное и систематическое знание права», – писал он [73. С. 348]. Многие авторы полагают, что сущность права и правовой культуры раскрывается через правосознание и поведение (практику) людей и их общностей.

Важнейшее значение данной функции правовой культуры имеют коммуникационные каналы, по которым информация поступает от коммуникатора к реципиенту. Порядок трансляции правовой информации определен, например, путем создания про-

цедуры обнародования нормативных правовых актов. Соответствующие субъекты могут ее контролировать через официальные издания. В настоящее время этот канал представлен и иными массовыми периодическими изданиями, печатающими тексты правовых актов в огромном количестве, а также сетью Интернет, контроль над деятельностью которых весьма затруднен. Уже имели место случаи, когда распространялись печатные тексты законов и их проекты, даже не прошедшие официального одобрения Советом Федерации ФС РФ и не подписанные Президентом РФ. Граждане же и должностные лица воспринимали их как действующие законы. В связи с этим большое значение приобретает необходимость оперативного доведения до населения и компетентных органов официальной информации о разработке и принятии нормативных правовых актов.

Нормативно-правовая информация распространяется на неопределенное число реципиентов и может быть воспроизведена неопределенное количество раз. Особенность данной коммуникации в том, что в ней зачастую не совпадает число информированных субъектов о каком-либо правовом акте и число субъектов, его реализующих. В отношении осведомленности о праве действует презумпция знания его положений всеми адресатами. В связи с этим постоянно возрастает роль коммуникативной функции правовой культуры как способа обеспечения трансляции необходимых знаний «пользователям». Последние должны обладать достаточным уровнем правовой культуры, обеспечивающим возможность восприятия и анализа поступающей соответствующей юридической информации.

В настоящее время юридическая коммуникация и коммуникативная функция правовой культуры характеризуются жесткой односторонностью направления информации и асимметричностью положений передающей и принимающей сторон. В подавляющем большинстве случаев в качестве коммуникатора выступает правотворческий или правоприменительный орган, который обладает определенными властными полномочиями по отношению к субъекту – реципиенту. Идет как бы односторонняя передача информации «информатор – исполнитель». Задачей комму-

никативной функции правовой культуры является развитие многосторонних связей, которые бы позволяли адресатам проявить активность, подать юридически значимый информационный сигнал о своих предпочтениях.

Россия движется по пути становления информационного общества, когда главной ценностью должен стать в достаточной степени информированный человек, права и свободы которого должны носить не только формально-юридическую, но и практически-прикладную направленность. В частности, п. 4 ст. 29 Конституции РФ закрепляет следующее: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Данное положение, конечно, не может охарактеризовать место и роль института прав и свобод в информационной цивилизации в полном объеме, но оно утверждает исходную базу для формирования полноценного права на информацию в России. Другое дело, что физические и должностные лица в Российской Федерации не всегда грамотно пользуются данным правом. Это нормативно-правовое предписание, как и многие другие, не внедрено еще в общественное, индивидуальное, обыденное, профессиональное и т.п. правосознание.

Коммуникативная функция правовой культуры осуществляется по следующим информационным каналам: а) научно-юридическому, заключающемуся в воздействии идей ученых-юристов посредством издания разнообразной научной продукции: монографий, статей и т.д.; б) учебно-правовому (через учебный процесс воздействие оказывается на студентов, курсантов, слушателей различных форм и видов повышения квалификации); в) путем доведения информации судами и правоохранительными органами до населения о событиях, имеющих общественно-правовое значение; г) юридическое информирование через телевидение, радио, периодические издания и другие СМИ; д) получение правовой информации через художественную и иную литературу, кинопродукцию, театр, живопись и другие формы духовно-материального творчества; е) механизм правовой пропаганды; ж) персональное правовое влияние на субъектов со

стороны юридических агентств, служб предприятий, нотариусов, адвокатов и т.п. при разрешении конкретных социальных ситуаций; 3) информационно-правовое обеспечение через «Интернет» и другие электронные системы («Гарант» и т.д.).

В большинстве этих направлений российское государство и негосударственные объединения бездействуют. Необходима соответствующая юридическая политика и система мер по пропаганде всего передового, что имело место в правовой культуре и правовом пространстве России и других стран.

Особое значение в настоящее время имеет переход от полиграфических средств межкультурных коммуникаций к аудиовизуальным. Психологи все больше внимания обращают на то, что визуальная информация более эффективно и глубоко воздействует на психику человека, благодаря расширению поля восприятия. Зрительный образ легче воспринимается, глубже воздействует на сознание и лучше усваивается, чем устные и письменные знаки. На порядок увеличивается число субъектов восприятия информации после того, как аудио- и видеотехника из разряда элитной превращается в бытовую. Более жесткому прямому воздействию стала подвергаться сама субстанция правовой культуры. Именно средства массовой информации создают определенные эталоны поведения, культурные установки, формируют шкалу престижа, утверждают ценности и развивают потребности. Нередко за эталон выдаются чуждые образцы поведения, пропагандируются насилие, разврат, беззаконие и т.п., отсутствие моральных самоограничений и пренебрежение правовыми предписаниями. В этих случаях речь идет о различных проявлениях юридической антикультуры.

Можно выделить некоторые основные пути реализации коммуникативной функции правовой культуры: а) повышение сознательного отношения к праву, в частности, путём разъяснения сущности конкретных принципов, норм, нормативных актов; б) демонстрация стабильности системы права и юридической практики; в) придание большей гласности позитивной и правонарушительной деятельности, случаям привлечения к юридической ответственности лиц, совершивших правонарушения и т.д.;

г) широкое информирование о деятельности судов, представительных и правоисполнительных органов; д) распространение среди населения нормативной информации справочного характера, разъяснение прав, свобод и обязанностей граждан, возможных вариантов поведения в тех или иных ситуациях; и др.

Реализация коммуникативной функции правовой культуры вовне выражается прежде всего через речевую коммуникацию. Это многосторонний процесс развития контактов между людьми в устной и письменной формах в ходе создания, толкования, реализации и систематизации права, порождаемый потребностями совместной деятельности и содержащий обмен информацией, восприятие и понимание одним человеком другого, формирование единой стратегии и тактики взаимодействия в юридической деятельности (см. [74. С. 10]).

В литературе высказывается ряд мнений о видах функций, которые, по нашему мнению, можно рассматривать в качестве подфункций коммуникативной функции, в том числе и правовой культуры. Так, В.П. Пугачев, рассматривая функции массовой коммуникации применительно к политической сфере, выделил функцию артикуляции различных общественных интересов, т.е. их уяснения, придания четкости при передаче их посредством речевой информации; функцию конструирования и интеграции субъектов; мобилизационную функцию, побуждающую людей к определенным политическим действиям либо, наоборот, к воздержанию от действий; инновационную функцию, инспирирующую политические изменения путём широкой и настойчивой постановки определённых общественных проблем и привлечения к ним внимания властей и общественности; оперативную функцию, обслуживающую политику определенных партий и ассоциаций, и функцию формирования общественного мнения (см. [75. С. 4]).

Г.Н. Горшенков к вышеназванным добавляет ещё две: функцию интеграции и консолидации населения, функцию интеллектуальной терапии (см. [71. С. 36-37]).

Е.Ф. Усманова, характеризуя речевую юридическую коммуникацию, выделяет следующие функции: информативную (передача информации), интерактивную (взаимодействие), перцептив-

ную (взаимовосприятие), экспрессивную (эмоциональную), нормативную и социально-практическую (см. [74. С. 14]).

Анализ указанных и иных точек зрения позволил нам выделить следующие *подфункции* в коммуникативной функции правовой культуры:

1) Информативная подфункция заключается в организованной передаче правовой информации. Ее реализация имеет разнообразные направления, которые могут быть уточнены в соответствии с целями и поставленными задачами. В связи с этим можно выделить два уровня: официальный и репрезентативный. Первый осуществляется путем опубликования, например, нормативных правовых актов и, что особенно важно, их проектов компетентными органами через легальные источники («Российскую газету», «Собрание законодательства Российской Федерации» и др.). Репрезентативный уровень характерен для неофициальных источников (периодическая печать, телевидение, радио и т.д.).

2) Интерактивная подфункция выражается в том, что при передаче информации участник коммуникативного процесса предполагает ответную активность в своём партнёре, учитывая интересы, цели и желания последнего. В процессе взаимодействия между «контрсубъектами» важно не только обмениваться информацией, но и разумно организовать, спланировать их совместную деятельность. Если в этом процессе возникают какие-либо осложнения, столкновение различных мнений, несогласованность – это приводит либо к энтропии и дезорганизованности, либо к увеличению интенсивности обмена правовой информацией между субъектами, ее грамотной проверке и оценке, активизации межличностных отношений, выработке согласованных решений.

3) Интегративная подфункция включает два аспекта. Во-первых, она предполагает объединение в единую управленческую систему всех федеральных органов государственной власти и управления, органов государственной власти субъекта РФ, а также органов местного самоуправления для решения как стратегических, так и текущих задач. Во-вторых, данная подфункция обеспечивает формирование единства убеждений, сплочение физических и должностных лиц в целях повышения их правовой ак-

тивности, создание гармоничного социально-психологического климата между субъектами, уважения ими закона, поддержания правопорядка. Значение этой подфункции резко повышается в случаях отсутствия в стране общенациональной правовой и государственной идеи либо в условиях аномии.

4) Сущность социально-практической подфункции заключается в утверждении прогрессивных правовых начал и ценностей, решении позитивных целей и задач общественной и личной жизни, устранении недостатков в индивидуальном и общественном сознании во всех разновидностях юридической практики.

Как видим, выделение указанных подфункций имеет в определенной степени условное значение, позволяя, однако обратить внимание на некоторые специфические стороны коммуникативной функции правовой культуры.

3.8. Функция трансляции правового опыта

Развитие правовой системы общества является органичной составляющей поступательного общесоциального процесса. Поэтому правовая культура должна исследоваться исходя из понимания экономического, политического, национального, духовного, юридического и т.п. прогресса, взятых во взаимодействии и рассматриваемых конкретно-исторически.

В самом общем плане прогресс в правовой сфере – это целенаправленный процесс перехода от низших форм правового развития к более высоким, сопряженный с творческой, созидательной юридической деятельностью, направленной на повышение индивидуального и общественного правосознания, совершенствование права, правотворчества и правореализации, грамотное реформирование правовых институтов (судебной системы и т.п.), эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина, установление четкой ответственности людей, их коллективов и организаций друг перед другом, обществом и государством.

При исследовании проблем развития правовой культуры представляется плодотворной концепция спиралевидного развития культуры, предложенная А.Е. Чучиным-Русовым. По его

мнению, в развитии культуры обнаруживаются две взаимосвязанные закономерности, которые можно обозначить как «закон преемственности» и «развития по кругу». Культура каждой эпохи является результатом всего предшествующего развития. Цикличность предполагает чередование определенных этапов развития, внутри которых возникают сходные фазы и многократно воспроизводимые процессы, а также некоторые исходные точки (см. [76. С. 132]).

Правовая культура каждой эпохи возникает не на пустом месте. Она – закономерный результат всего процесса правового развития, органично соединяющий два пласта, один из которых порожден природой данного общества, другой же воспринят от правовых культур прошлого.

В связи с этим, старое – это не всегда косное, оно может не до конца выработать свой ресурс и уйти преждевременно из-за неприятия нового. Новое может потерпеть трагическую неудачу из-за непрактичного отторжения «всего прошлого», а не только его действительно отживших элементов. Старое – это не антипод, а предтеча нового. По выражению Х. Гадамера, «даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется гораздо больше старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство» (цит. по [77. С. 15]).

По мнению Ж. Карбонье, правовая культура включает в себя не только весь комплекс юридических явлений данного общества, существующих в одно и то же время, на одном и том же пространстве, но и весь тот многообразный опыт, который накоплен человечеством, подлежащий, естественно, переосмыслению (см. [78. С. 177]).

Процесс смены мировоззренческой парадигмы, лежащей в основе современной культуры, противоречив и болезненен для общества. Просто вернуться в прошлое невозможно, но его нужно осознать и должным образом оценить. Распад культуры (в том числе и правовой) начинается с того момента, когда предают забвению ее творцов (см. [79. С. 8-9]).

Реализация такой функции правовой культуры, как трансляция правового опыта, обеспечивает преемственную связь исторических этапов развития, дает возможность сохранить и передать все самое ценное в юридической сфере последующим поколениям. Любое человеческое общество нуждается как в совершенном правовом регулировании, так и в том, чтобы характер упорядоченности общественных отношений соответствовал особенностям культуры и быта конкретного человеческого сообщества. Только при соблюдении этих условий урегулированные правом общественные отношения приобретают устойчивый характер. Задача правовой культуры заключается в отборе, из сложившегося в национальной и мировой правовой практике, именно тех правовых явлений и институтов, которые бы максимально соответствовали уровню политического, социального и правового развития конкретной страны.

Правовая культура призвана обеспечить преемственность в правовой системе общества. В философии преемственность означает связь между различными этапами и ступенями развития, сущность которой заключается в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных его характеристик, при переходе к новому состоянию (см. [80. С. 527]).

В юридической науке существуют различные определения преемственности. Так, Т.В. Наконечная определяет преемственность в праве как «связь между различными историческими ступенями развития права, обусловленную диалектическим единством прерывности и непрерывности экономических и иных общественных отношений, и «собственным» развитием права». Сущность преемственности она видит в «удержании, сохранении и использовании отдельных элементов предшествующего уровня правового развития в последующем» (см. [81. С. 10]).

Н.П. Колдаева рассматривает преемственность как «фактор законодательной деятельности, связанный с возможностями использования правового опыта, правовых институтов, традиций, обычаев одних стран или одного исторического типа государства в правотворчестве других стран» [82. С. 10].

С подобным утверждением вряд ли можно согласиться по двум причинам. Во-первых, Н.П. Колдаева неоправданно ограничила этот феномен только рамками законодательной деятельности, преемственность возможна и в других аспектах правовой культуры: правосознании, юридическом толковании и применении и иной юридической практике. Во-вторых, вряд ли уместно использовать термин «преемственность» в отношении параллельно существующих правовых систем. Здесь уже речь идет о правовой аккультурации, обмене юридическим опытом и т.д. (подробнее см. [83]).

Подобную неточность допускает и Г.В. Швеков, считающий, что «преемственность в праве может осуществляться в двух направлениях: во временном («по вертикали») – восприятие и усвоение правовых элементов прошлого – и в пространственном («по горизонтали») – восприятие и усвоение правовых ценностей, созданных в одновременно существующих государствах». По нашему мнению, данная интерпретация слишком широка, она не соответствует пониманию преемственности как определенной связи между временными ступенями развития правовой системы общества. «Горизонтальная» преемственность в понимании Г.В. Швекова выражается в привнесении в правовую систему иных правовых ценностей, присущих другой правовой системе. В этом случае возможна не преемственность, а скорее её разрыв, прерывание временной связи внутри функционирующей правовой системы. Да и сам автор отмечает, что «восприятие права других стран не всегда происходит добровольно. В ряде случаев оно – результат завоевания или экспансии» [84. С. 12, 17].

Преемственность – это связь между временными этапами развития системы. При этом решающее значение приобретают условия сохранения системы в целом, пусть и в изменённом, как правило, более совершенном, состоянии.

Отметим, что советская юридическая наука при исследовании проблемы преемственности, как правило, исходила из классового подхода к правовой системе общества. Преемственность между буржуазным и социалистическим ее типами признавалась лишь частично. В первые годы советской власти заимствование

буржуазных юридических институтов допускалось пролетарской юриспруденцией как вынужденное зло и «временное отступление» (см. [85. С. 358-360]). Позднее столь догматичный подход начинает преодолеваться, и признаётся преемственность между правом капиталистического и социалистического общества (см. [86]). Так, в частности, В.К. Бабаев отмечал наличие общих черт и преемственности в некоторых элементах содержания и формы права, а также в сфере юридической техники. Однако он отрицал возможность преемственности в сущности и принципах буржуазного и социалистического права (см. [87. С. 104-106]).

Н. Неновски допускал преемственность, признавая неоднозначность и противоречивую сущность права, которое помимо классовых включает также общезначимые, общесоциальные аспекты, связанные с функцией государства по решению «общих дел» (см. [88. С. 12]).

Дискуссионным в социалистической правовой науке был и вопрос о факторах преемственности в праве. Так, Т. Ионашку и А.М. Нашиц относили к ним: а) общественные связи и отношения (экономические, политические, культурные и др.); б) объективные законы природы и объективные общественные законы; в) человека, являющегося субъектом и адресатом правовой регламентации (см. [89. С. 307-314, 322-326]).

Н. Неновски в качестве таких факторов называл необходимость социального управления, относительную самостоятельность правосознания, преемственность в области человеческой культуры, а также в базисе общества (производственных отношениях), объективных законах природы и «международных факторах» (см. [88. С. 15-17]).

На наш взгляд, факторы, вызывающие преемственность в праве, можно разделить на две группы: а) объективные (необходимость социальной регламентации, сущность законов общественного развития, в том числе в производственных отношениях), культурные стандарты, образцы, традиции; б) субъективные (относительная самостоятельность правосознания, система воспитания и образования, социально-биологическая природа людей и др.).

Осуществление функции трансляции правового опыта связано с особенностями правового наследия, которое представляет собой «явление духовной жизни, быта, уклада, унаследованное, воспринятое от прежних поколений, от предшественников» [90. С. 391].

Правовое наследие является частью культурного наследия общества. Э. Баллер определяет культурное наследие как «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно-исторических задач современности, в соответствии с объективными критериями общественного прогресса» [91. С. 56].

Любое юридическое наследие не является чем-то неизменным. Замечание Э.А. Баллера по поводу культурного наследия справедливо и в отношении правового наследия: «культура любой исторической эпохи всегда включает культурное наследие, и творит его» [91. С. 58]. Точно так же правовая культура общества включает в себя юридические ценности прошлого, но и творит новую систему ценностей, приоритетов и эталонов в праве, правосознании и юридической практике.

Правовое наследие – это вся совокупность правовых явлений, отношений, состояний и результатов деятельности, доставшихся человечеству (конкретному обществу, региону и т.п.) от прошлых эпох и периодов общественного развития. В правовое наследие включаются: 1) достижения правовой культуры, которые имеют непреходящее значение и могут быть использованы в современных условиях без какой-либо существенной переработки; 2) правовой опыт прошлого, который в той или иной степени соответствует потребностям нового времени, но требует основательного пересмотра, приспособления к изменившимся социально-экономическим, политическим и иным обстоятельствам; 3) остатки старых правовых институтов (явлений, форм и т.п.), враждебные новой эпохе, не приемлемые, не пригодные для использования в практической деятельности, но имеющие определенное значение в научно-познавательном плане (см. [83. С. 39]).

Таким образом, в содержание правового наследия входят не только те юридические явления, процессы и состояния, которые следует сохранить, удержать и использовать в новых социальных условиях, но и те, с чем следует бороться, что следует изъять, искоренить, удалить из правовой системы. Поэтому функция трансляции правового опыта выражается в определенной творческой деятельности, связанной с оценкой характера предшествующих юридических явлений с точки зрения их прогрессивности, отбора тех ценностей, которые могут быть использованы в новых социально-экономических, политических и иных условиях. Юридическим ее результатом выступает преемственность наиболее эффективных правовых институтов, а социальным – распространение в обществе чувства уважения и интереса к правовым источникам прошлого. Даже тогда, когда они утрачивают свою актуальность и превращаются в правовой памятник, они несут в себе познавательные возможности, т.е. информацию о стране, быте народа, правовых ценностях в обществе и т.д. (см. [88. С. 64])

Степень использования правовой культуры прошлого зависит от: а) характера предшествующего периода, того строя, в котором действовала старая правовая система; б) степени разрушения предшествующих правовой, социально-экономической и политической систем, революционного или эволюционного перехода к новому этапу общественного развития; в) качества и эффективности прошлого опыта, уровня правовых достижений в различных областях правовой действительности; г) степени развитости той правовой системы, которая заимствует юридические достижения прошлого; д) наличия в обществе соответствующих экономических, духовных, научных и иных предпосылок, а также «грамотных людей» для использования правовой культуры прошлого.

В основе реализации указанной функции лежит уже сформированная система правовых ценностей. При этом происходит «воспроизводство» трёх их типов. Первый – это ценности, которые присущи узкому кругу социальных общностей. Они (ценности) быстрее всего изменяются под воздействием экономических, политических, религиозных и иных факторов. Второй составляют общегосударственные, общенациональные правовые ценности,

отражающие конкретные исторические и социальные условия развития той или иной страны. Третий тип образуют общечеловеческие ценности, определяющие основные направления развития цивилизованных правовых систем. Именно третья группа ценностей считается большинством ученых «золотым фондом» правового наследия.

По мнению Т. Парсонса, формирование новой ценностно-нормативной системы общества в целом и каждой отдельной личности происходит таким образом, что новые элементы этой системы являются более обобщенными, чем замещенные ими (см. [92. С. 158-160]).

Таким образом, новая система ценностей российского общества не только альтернативна и противоположна старой. Она носит более общий по отношению к предшествующей правовой системе характер и должна включать в себя многие прогрессивные явления, необходимые для гармоничного перехода от одного этапа развития общества к другому. К сожалению, этот процесс в современной России весьма противоречив. Культура в целом и правовая культура в частности находятся в глубокой стагнации и не могут эффективно выполнять рассматриваемую функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Затронутые в данной книге вопросы относятся к числу «вечных», неисчерпаемых и относительно-самостоятельных проблем, которые имеют важное научно-теоретическое, практически-прикладное и дидактическое значение. Фундаментальный вывод проведенного исследования заключается в следующем: уровень правовой культуры в каждой стране в значительной степени определяет качество всех сфер жизнедеятельности общества, и любые преобразования необходимо начинать с повышения индивидуальной и надындивидуальной, обыденной и профессиональной правовой культуры, совершенствования содержания и формы права, юридической практики (правотворческая, правореализующая, интерпретационная, правосистематизирующая, судебная, следственная и т.д.), юридической политики, психологии и идеологии.

Однако в этой части работы мы не хотели бы ограничиться лишь подведением определенных итогов. Нам представляется более важным наметить перспективные направления исследования, которые были бы непосредственно связаны с улучшением качества и эффективности правовой системы российского общества. И одной из центральных проблем в этом плане является изучение юридической антикультуры в целом и отдельных ее разновидностей.

Диалектика развития правовых систем предполагает одновременное функционирование в любом обществе не только юридических ценностей, составляющих его (общества) правовую культуру, но и существование определенных негативных юридических явлений, процессов и состояний (юридического нигилизма и инфантилизма, фетишизма и других юридических патологий). Последние рассматриваются в литературе в рамках различных теорий: «теории социально-правовых отклонений», «теории неправовой жизни», «теории теневого права», «теории деформа-

ции правосознания», «теории юридических ошибок», «теории правонарушений» и т.д.

Безусловно, что все указанные концепции вносят определенный вклад в развитие юридической науки. Наиболее же перспективным представляется, на наш взгляд, культурологический подход к подобного рода феноменам, который позволяет охватить все основные деструктивные элементы и связи правовой системы (юридические антиценности), а также исследовать их комплексно с помощью универсальной (логической, лингвистической, философской), общей (экономической, политической, социологической, психологической, этической, математической и т.д.) и специально-юридической методологии. Кроме того, изучение природы юридической антикультуры и разнообразных типов (видов и подвидов) ее проявления позволит выявить общие закономерности развития патологических процессов в правовой системе любого общества, условия и причины их возникновения и функционирования, разработать общетеоретическую методику их предупреждения и устранения, грамотно построить всю систему правовой пропаганды, юридического воспитания и образования.

Юридическая антикультура представляет собой антипод правовой культуры. Поэтому стремление отдельных авторов рассматривать противоправное поведение (деятельность) и другие юридические аномалии в качестве атрибутивных свойств и элементов правовой культуры нам представляется методологически ущербным. Нельзя, видимо, и все социально-правовые отклонения рассматривать как проявления юридической антикультуры. Дело в том, что отдельные их типы, виды и подвиды (юридические конфликты, риски, проявления нигилизма, неисполнение субъективных юридических обязанностей и т.д.) могут иметь определенную социальную полезность (позитивность), на что в литературе указывают как отечественные (В.Н. Кудрявцев, Ю.И. Гревцов, К.Г. Федоренко и др.), так и зарубежные (Э. Дюркгейм, Л. Козер, А. Коэн и др.) авторы.

Юридическая антикультура как бы «зеркально» отражает подавляющее большинство черт, присущих правовой культуре. Так, под юридической антикультурой следует понимать определенное

качественное состояние и уровень развития правовой системы, которые проявляются в совокупности всех юридических антиценностей, образующих деструктивный пласт правосознания и юридической деятельности отдельных людей, их коллективов, классов, социальных слоев, групп и общества в целом. Поэтому в самом общем плане ее можно определить как совокупность юридических антиценностей.

Юридическая антикультура имеет конкретно-исторический характер и диалектически связана со всеми внутренними и внешними, объективными и субъективными, экономическими и политическими, нравственными и религиозными, юридическими и иными конструктивными и деструктивными факторами, анализ которых позволяет более полно и всесторонне раскрыть ее общесоциальную и юридическую природу, закономерности возникновения, развития и функционирования. Это один из аспектов взаимоотношения юридической антикультуры с другими социальными явлениями.

Кроме того, сама юридическая антикультура негативно влияет на все сферы общественной жизни. Мы еще раз хотели бы обратить внимание на то, что любые изменения в экономической и политической системах, социальной и духовной средах начинаются как кардинальный «сдвиг» внутри юридической антикультуры, правовой и общечеловеческой культуры, как процесс противодействия и борьбы с антисоциальными юридическими взглядами, представлениями, теориями, знаниями, пробелами, ошибками и другими недостатками в правовой системе (праве, правосознании, юридической практике), как результат разработки и настойчивого внедрения в любом обществе наиболее перспективных и прогрессивных целей, гуманитарных ценностей и ценностных ориентаций.

Каждое негативное юридическое явление наносит либо может нанести определенный вред (социальный, материальный, моральный, физический и т.п.) законным интересам людей, их коллективов и организаций, государству и обществу в целом. Отрицательные свойства юридической антикультуры снижают эффективность и качество функционирования права, правосозна-

ния, юридической практики, правовой системы в целом в любом обществе. Они направлены на дезорганизацию и десоциализацию общественных и правовых отношений.

Юридическая антикультура представляет собой единство *внутренних и внешних, объективных и субъективных, нормативных и ненормативных, индивидуальных и надындивидуальных, общесоциальных* и иных сторон. Внутренняя, субъективная сторона юридической антикультуры выражается в дистантных (зрительных, слуховых и т.д.) ощущениях, восприятиях, представлениях, в памяти, которая кодирует всю собранную информацию, а также в ложно понятых или противоправных интересах, мотивах, установках, способностях, внимании, воле, эмоциях, оценках, в принятии иррациональных мыслительных решений и т.д.

Учет субъективных факторов различных деструктивных юридических явлений имеет важное теоретическое и практическое значение для определения психической «полноценности», эмоциональной «уравновешенности», «вменяемости» и «невменяемости», «ущербности» психологического механизма носителей юридической антикультуры, степени общественной опасности и вредности юридической патологии, форм и методов ее установления, предупреждения и устранения.

Внешняя, объективная сторона юридических аномалий заключается в том, что все деформированные элементы психологического механизма поведения имеют определенное юридическое значение и оценку лишь тогда, когда они внешне выражены, объективированы в практических действиях и операциях конкретных субъектов. Как верно замечают психологи, внутреннее побуждение человека обычно реализуется через внешне наблюдаемую систему действий и поступков людей. Поэтому мы абсолютно не согласны с теми отечественными авторами (В.Б. Ткаченко, Р.А. Кузнецовым и др.), которые, например, юридический нигилизм, фетишизм (идеализм), догматизм и другие подобные феномены рассматривают в качестве форм деформации обыденного и профессионального правосознания.

Юридическую антикультуру можно рассматривать применительно либо к отдельным людям (на индивидуальном уровне),

либо к их коллективам, социальным группам, слоям, классам, нациям (на общесоциальном и надындивидуальном уровнях).

Нормативный аспект юридической антикультуры во многом определяется тем, какие нормативные и /или ненормативные регуляторы задействованы в конкретной социально-правовой ситуации. Как остроумно заметил американский криминолог А. Коэн, «делинквентная субкультура извлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их, однако, наизнанку» [96. С. 318].

Кроме того, нормативность юридической антикультуры проявляется в степени ее структурирования и организации, а также в отношении ее носителей (отдельных людей, их коллективов и т.п.) к соответствующим юридическим ценностям, нормативам и предписаниям.

Существенным признаком юридической антикультуры является ее *опасность* для отдельных лиц, их коллективов и организаций, государства и общества в целом. При установлении степени опасности следует учитывать тип (вид и подвид) юридической патологии (нигилистическое или циничное отношение к юридическим ценностям, пробел в праве, преступление, проступок, юридический конфликт, риск, ошибка и т.д.), уровень противоправности (при ее наличии), юридические и социальные последствия, размер причиненного вреда, средства, способы, время, место и обстановку совершения юридических погрешностей, характеристику делинквента, его виновность (невиновность), личный юридический опыт (знания – незнания, убеждения – предубеждения, умения – неумения и т.п.), мотивации, установки, интересы и многие другие внутренние и внешние, объективные и субъективные, существенные и иные обстоятельства.

Многие деструктивные юридические явления, процессы и состояния (например, противоправная, ошибочная и конфликтная юридическая деятельность) могут выступать в качестве *юридических фактов (составов)*, т.е. служат основаниями возникновения (изменения и прекращения) правоотношений, реализаций мер социально-правовой защиты и юридической ответственности.

Принципиально важным для уяснения природы юридической антикультуры, ее отдельных типов (видов и подвидов), средств и способов установления и устранения юридических недостатков является указание на то, что она, как и правовая культура, проявляется в *любых сферах гражданского общества* и в *любом элементе его правовой системы* (праве, правосознании, юридической практике т.д.).

Всем деструктивным феноменам, составляющим структуру юридической антикультуры, присуща определенная *массовость, устойчивость, повторяемость* при сходных внешних и внутренних, объективных и субъективных условиях развития общественной жизни. Это положение имеет важное методологическое, теоретическое и практически-прикладное значение, поскольку позволяет прийти к следующим существенным выводам: противодействие различного рода юридической патологии, минимизация юридической антикультуры, повышение уровня правосознания и правовой культуры, укрепление законности и правопорядка, способствующие стабилизации и дальнейшему развитию экономической, политической, правовой и социальной систем, построению демократического и правового государства, должны иметь не спонтанный и сиюминутный, а комплексный, научно обоснованный, ресурсообеспеченный и долгосрочный характер.

Можно выделить и другие общие признаки, позволяющие раскрыть природу, определить место и роль юридической антикультуры в любом обществе. При этом следует обратить внимание на то, что существуют разнообразные ее типы (виды и подвиды), каждый из которых обладает не только общими, но и специфическими признаками, структурами, элементами содержания и формы, определенным уровнем дезорганизации общественных и правовых отношений, характером юридических и социальных последствий, опасности и т.д. (подробнее см. [65. Т.2. Главы 22-25]). Поэтому исследование разнообразных типов, видов и подвидов юридической антикультуры, с одной стороны, конкретизирует, а с другой – обогащает общую теорию юридической культуры и антикультуры.

Список литературы

1. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. 2007. № 1 (2).
2. Российская газета.
3. Воронина Е.В. Право как основа формирования правового государства в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2005.
4. Право и культура / В.С. Нерсисянц, Г.И. Муромцев, Г.В. Мальцев и др. М., 2002.
5. Поленина С.В. Общая теория права об оптимизации количественных и качественных параметров законов // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 1.
6. Сырых Е.В. О критериях качества федеральных законов в сфере экономики // Журнал российского права. 2000. № 2.
7. Исполнение законов («круглый стол») // Советское государство и право. 1991. № 7.
8. Казьмин И.Ф., Мицкевич А.В., Пиголкин А.С. Повышение качества советского законодательства // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. М., 1987.
9. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Власть и реформы в России: нравственно-правовой аспект. Саратов, 2003.
10. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 2000.
11. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1.
12. Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Н.Новгород, 2007.
13. Флоренский П.И. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2.
14. Баранов П.П., Окусов А.П. Аксиология юридической деятельности. Ростов н/Д., 2003.
15. Хачатуров Р.И. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества в России (политико-

правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

16. Молев Г.И. Дисциплина в Российском обществе: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

17. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1909.

18. Грачев В.С. Правовая культура как субъективный фактор реализации права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.

19. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993.

20. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов, 1994.

21. Каминская В.И. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. В.И. Каминской, А.Р. Ратинова. М., 1974.

22. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.

23. Аринин А.Н. Права и свободы человека и эффективное развитие России // Общественные науки и современность. 2002. № 1.

24. Явич Л.С. Философия права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4.

25. Боев В.М. Правовая информированность и формирование правовой культуры личности (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993.

26. Немытина М.В. Юридический профессионализм и защита прав человека: содержание концепции // Защита гражданских прав: Сборник научных статей / Под ред. М.В. Немытиной, В.А. Хохлова. Саратов, 2003.

27. Семитко А.П. Развитие культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996.

28. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: Монография. Красноярск, 2004.

29. Рыбаков О.Ю. Личность. Права и свободы. Правовая политика. М., 2004.

30. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.

31. Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.
32. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву («круглый стол») // Государство и право. 1999. № 7, 8, 9.
33. Теоретические проблемы современного российского конституционализма (научно-практический семинар) // Государство и право. 2003. № 12.
34. Закомлистов А.Ф. Концептуальная сущность юриспруденции // Государство и право. 2003. № 12.
35. Солонченко И.В. Конституционно-правовая концепция содержания личных прав и свобод в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2004.
36. Цыбулевская О.И. Мораль. Право. Власть. Саратов, 2004.
37. Анисимов П.В. Соблюдение прав человека как элемент правовой культуры сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1993.
38. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменологический подход: Курс лекций. СПб., 2003.
39. Неновски Н. Право и ценности: Пер. с болг. / Под ред. В.Д. Зорькина. М., 1987.
40. Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Основы философии права. М., 2001.
41. Левин Г.Д. В споре рождается истина? // Вопросы философии. 2002. № 1.
42. Алексеев С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001.
43. Выжлецов Г.П. Возникновение и развитие ценностных категорий // Социально-политический журнал. 1996. № 1.
44. Александров Ю.В. Справедливость как базовая ценность российской правовой культуры // Правоведение: Межвуз. научно-метод. сб. Новгород, 2003.
45. Лапаева В.В. Социология права. М., 2000.
46. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
47. История социологии в Западной Европе и США / Под ред. Г.Н. Осипова. М., 1999.

48. Риккерт Г. Два пути познания // Новые идеи в философии (Теория познания). СПб., 1913.
49. Бабенко А.Н. Проблемы обоснования ценностных критериев в праве // Государство и право. 2002. № 12.
50. Василенко И.А. Политические процессы на рубеже культур. М., 1998.
51. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
52. Фромм Э. Революция надежды // Психоанализ и этика. М., 1993.
53. Экимов А.И. «Круглый стол»: Современное состояние российского законодательства и его систематизация // Государство и право. 1999. № 2.
54. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1945.
55. Алексеев С.С. Философия права. М., 1997.
56. Байтин М.И. Сущность права. М., 2003.
57. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. М., 2003.
58. Мартышин О.В. Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12.
59. Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 3.
60. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. №11-12.
61. Иванников И.А. Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. №3.
62. Тихомиров Ю.А. Общая концепция развития российского законодательства // Концепция развития российского законодательства. М., 1998.
63. Байниязов Р.С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3.
64. Смелзер Н. Социализация: основные проблемы и направления исследований // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская. М., 1999.
65. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: В 2 т. Ярославль, 2005 – 2006. Т. 1-2.
66. Кузин В.С. Психология. М., 1997.

67. Категории политической науки. М., 2002.
68. Бабенко А.Н. Правовая социализация как процесс освоения правовых ценностей // Государство и право. 2005. № 2.
69. Дражина И.В., Пономаренко Е.В. Правовое освоение действительности в системе юридических категорий. Тюмень, 1995.
70. Брудный А.А. К теории коммуникативного воздействия // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1997.
71. Горшенков Г.Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию. Сыктывкар, 1997.
72. Козюк М.Н. Понятие правовой коммуникации / Правовая культура в России на рубеже столетий. Волгоград, 2001.
73. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Петербург, 1907.
74. Усманова Е.Ф. Речевая коммуникация в юридической практике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2005.
75. Пугачев В.П. Средства массовой информации в современном политическом процессе // Вестник МГУ. Серия. 12. Политические науки, 1995. № 5.
76. Чучин-Русов А. Е. Природа культуры // Общественные науки и современность. 1995. № 6.
77. Правовая культура в России на рубеже столетий // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 16 – 17 февраля 2001 г. / Под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2001.
78. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
79. Кузнецов Э.В., игумен Вениамин (Новик.) Кризис современного правосознания // Правоведение, 1994. № 3.
80. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
81. Наконечная Т.В. Преемственность в развитии советского права. Киев, 1987.
82. Колдаева Н.П. О преемственности в праве // Теория права: Новые идеи. Вып. 1. М., 1991.
83. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 1995. Ч. 1.
84. Швеков Г.В. Преемственность в праве. М., 1983.

85. Стучка П.И. Пролетарский суд и буржуазное право // Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.

86. Черниловский З.М. Социалистическое право переходного периода: проблема преемственности // Советское государство и право. 1977. № 10.

87. Бабаев В.К. О преемственности между социалистическим и прошлыми типами права // Советское государство и право, 1975. № 12.

88. Неновски Н. Преемственность в праве. М., 1977.

89. Ионашку Т., Нашиц А.М. К вопросу о сущности социалистического права // В.И. Ленин о социалистическом государстве и праве. М., 1969.

90. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

91. Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987.

92. Парсонс Т. Функциональная теория изменений // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1969. Вып. 11.

93. Посконин В.В. Социально-политическая теория Т. Парсонса. Ижевск, 1994.

94. Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005.

95. Галай Ю.Г. Охрана памятников старины как культурно-экономическая мера безопасности России XVIII – начала XX века. Н.Новгород, 2007.

96. Коэн А. Содержание делинквентной структуры // Социология преступности. М., 1969.

97. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1987.

98. Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007.

99. Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1934. Т. 3.

100. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальное приложение конструктивной аксиологии. Новосибирск, 1998.

Приложения

Приложение 1

Европейская культурная конвенция

Правительства государств — членов Совета Европы, подписавшие настоящую Конвенцию,

считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его Членами, в том числе во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием,

считая, что лучшее взаимопонимание между народами Европы способствовало бы продвижению к этой цели,

считая, что в этих целях желательно не только заключать двусторонние культурные конвенции между членами Совета, но и следовать политике общих действий, направленных на сохранение европейской культуры и содействие ее развитию,

принимая решение заключить общую Европейскую культурную конвенцию, направленную на содействие тому, чтобы граждане всех государств-членов и других европейских государств, которые могут присоединиться к ней, изучали языки, историю, культуру других стран и объединяющую их цивилизацию,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Каждая Договаривающаяся Сторона принимает надлежащие меры по сохранению своего вклада в общее культурное достояние Европы.

Статья 2

Каждая Договаривающаяся Сторона, насколько это возможно:

а) поощряет изучение своими гражданами языков, истории и культуры других Договаривающихся Сторон и предоставляет этим Сторонам на своей территории возможности для развития аналогичного изучения их соответствующих языков, истории и культуры, а также

б) стремится поощрять изучение своего языка или языков, истории и культуры на территории других Договаривающихся Сторон и предоставлять на своей территории гражданам этих Сторон возможность продол-

Правовая культура: понятие, структуры, функции

жать аналогичное изучение их соответствующего языка или языков, истории и культуры.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны проводят взаимные консультации в рамках Совета Европы с целью согласования действий по проведению культурных мероприятий, представляющих общеевропейский интерес.

Статья 4

Каждая Договаривающаяся Сторона, насколько это возможно, содействует свободному перемещению и обмену лицами, а также обмену предметами, имеющими культурную ценность, в целях осуществления положений статей 2 и 3.

Статья 5

Каждая Договаривающаяся Сторона рассматривает передаваемые под ее контроль предметы, имеющие культурную ценность для Европы, в качестве неотъемлемой части общего культурного достояния Европы, принимает надлежащие меры для их защиты и обеспечивает разумный доступ к ним.

Статья 6

1. Предложения по применению положений настоящей Конвенции и по вопросам, касающимся их толкования, рассматриваются на совещаниях Комитета экспертов по вопросам культуры Совета Европы.

2. Любое государство, не являющееся членом Совета Европы, которое присоединилось к настоящей Конвенции в соответствии с положениями пункта 4 статьи 9, может назначить представителя или представителей для участия в совещаниях, предусмотренных в предыдущем пункте.

3. Выводы, сделанные на совещаниях, предусмотренных в пункте 1 настоящей статьи, представляются в форме рекомендаций Комитету министров Совета Европы, если только эти решения не входят в компетенцию Комитета экспертов по вопросам культуры как относящиеся к вопросам административного характера и не влекут дополнительных расходов.

4. Генеральный секретарь Совета Европы направляет членам Совета и правительству любого государства, присоединившегося к настоящей Конвенции, любые касающиеся их решения, которые могут быть приняты Комитетом министров или Комитетом экспертов по вопросам культуры.

5. Каждая Договаривающаяся Сторона своевременно уведомляет Генерального секретаря Совета Европы о любых действиях, которые могут быть ею предприняты в целях осуществления положений настоящей Кон-

венции в соответствии с решениями Комитета министров или Комитета экспертов по вопросам культуры.

6. Если какие-либо предложения относительно применения настоящей Конвенции представляют интерес только для ограниченного числа Договаривающихся Сторон, то такие предложения могут быть более обстоятельно рассмотрены в соответствии с положениями статьи 7 при условии, что их осуществление не влечет за собой расходов для Совета Европы.

Статья 7

Если для содействия достижению целей настоящей Конвенции две или более Договаривающиеся Стороны желают организовать в штаб-квартире Совета Европы другие совещания, помимо тех, которые указаны в пункте 1 статьи 6, Генеральный секретарь Совета оказывает любую необходимую административную помощь.

Статья 8

Ни одно из положений настоящей Конвенции не должно рассматриваться как способное нанести ущерб:

а) положениям любой действующей двусторонней культурной конвенции, которая уже подписана какой-либо из Договаривающихся Сторон, или сделать менее целесообразным заключение впоследствии любой другой такой конвенции какой-либо из Договаривающихся Сторон, или

б) обязательство любого лица соблюдать закон и положения, действующие на территории любой Договаривающейся Стороны относительно въезда, пребывания и выезда иностранцев.

Статья 9

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания Членами Совета Европы. Она подлежит ратификации, и ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

2. После сдачи на хранение ратификационных грамот тремя правительствами, подписавшими Конвенцию, настоящая Конвенция для этих правительств вступает в силу.

3. Для каждого правительства, подписавшего Конвенцию и впоследствии ратифицировавшего ее, Конвенция вступает в силу в день сдачи на хранение его ратификационной грамоты.

4. Комитет министров Совета Европы может единогласно принять решение пригласить на условиях, которые он сочтет необходимыми, любое европейское государство, не являющееся членом Совета, присоединиться к настоящей Конвенции. Любое приглашенное таким образом государство может присоединиться к Конвенции путем сдачи на хранение Ге-

Правовая культура: понятие, структуры, функции

неральному секретарю Совета Европы документа о присоединении. Такое присоединение вступает в силу в день получения указанного документа.

5. Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет все государства – члены Совета и любые присоединившиеся государства о сдаче на хранение всех ратификационных грамот и документов о присоединении.

Статья 10

Любая Договаривающаяся Сторона может указать территорию, на которую распространяется применение положений настоящей Конвенции, путем заявления, направленного Генеральному секретарю Совета Европы, который уведомляет о нем все другие Договаривающиеся Стороны

Статья 11

1. Любая Договаривающаяся Сторона может денонсировать настоящую Конвенцию в любое время по истечении пятилетнего срока с даты ее вступления в силу путем направления письменного уведомления Генеральному секретарю Совета Европы, который информирует об этом уведомлении другие Договаривающиеся Стороны.

2. Такая денонсация вступает в силу для соответствующей Договаривающейся Стороны по истечении шести месяцев с даты получения такого уведомления Генеральным секретарем Совета Европы.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, будучи должным образом на то уполномоченные своими Правительствами, подписали настоящую Конвенцию.

Совершено в Париже 19 декабря 1954 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который сдается на хранение в архив Совета Европы. Генеральный секретарь направит заверенные копии Конвенции каждому из подписавших и присоединившихся к ней Правительств.

(СПС "КонсультантПлюс")

Основные принципы этики полицейской службы (Полицейская декларация)

1. Полицейский должен выполнять определенные законом обязанности, которые закон на него возлагает через посредство задач защиты своих сограждан и общества против насилия, хищений и других деяний, наносящих вред. Эта статья однозначно связывает полицейского с правом. Власть закона лежит в основе всякого демократического общества. Задача полицейского и его ответственная обязанность – уважать закон и поддерживать его.

2. Каждый полицейский обязан исполнять свой долг честно, беспристрастно и с достоинством. В особенности он должен всячески настойчиво противиться и избегать всех видов коррупции. Определения понятия коррупции не существует, однако каждый полицейский знает, где она начинается. Избежание взяток и коррупции имеет исключительную важность, ибо когда полиция коррумпирована, эта коррупция рано или поздно распространяется и на остальную часть общества.

3. Массовые казни, пытки и другие формы антигуманного или унижительного обращения или наказания невзирая ни на какие обстоятельства, запрещены. Полицейский обязан не уважать и не выполнять любой приказ или распоряжение, содержащие меры подобного характера. Определять наказание есть обязанность судебных органов, поэтому полиция не должна противозаконным образом брать на себя эту функцию. В особенности полиция не должна принимать участие в массовых казнях или других мероприятиях столь же жестокого характера. Этот запрет настолько значителен, что полицейский даже в тех случаях, когда приказ о подобных мероприятиях отдается вышестоящими инстанциями, обязан ему не повиноваться.

4. Полицейский обязан добросовестно выполнять приказания, отданные его начальником, однако любое распоряжение не подлежит исполнению, если он узнает или знает о его незаконном характере. Эта статья расширяет ту область всякого распоряжения, которую полиция не должна исполнять. Подлинный смысл этой статьи заключается прежде всего в подчеркивании того, что полицейский, будучи членом иерархизированной и подчиненной строгой дисциплине организации, в подавляющем большинстве случаев автоматически выполняет распоряжения, отданные ему

начальником. Во многих случаях немедленное выполнение приказа, когда он направлен на защиту закона, необходимо. Однако когда полицейский осознает, что приказ незаконен, он должен его не исполнять.

5. Полицейский должен противостоять нарушениям закона. В том случае, когда допускается нарушение, в результате чего личности причиняется непосредственный или возмещаемый и существенный вред, он обязан, используя все свои возможности, безотлагательно принять меры.

6. Когда же совершенное нарушение не дает оснований опасаться прямого или же возмещаемого и существенного вреда, он обязан позаботиться о том, чтобы это нарушение не имело последствий или же повторения, в целях чего он докладывает о случившемся своему начальнику. В том случае, если его доклад оставлен без внимания, он может обратиться в вышестоящие инстанции. Эта статья касается существенных нарушений закона. Декларация различает два вида нарушений. В первом случае речь идет о непосредственном или возмещаемом существенном вреде – таком, как массовая казнь. Здесь полицейский должен сам принимать немедленно меры. Другие случаи – это когда нарушения, по-видимому, не причиняют непосредственный или же возмещаемый существенный вред. При этих обстоятельствах полицейский должен доложить о правонарушении своему начальнику и дается ход мерам пресечения судебного характера.

7. Полицейский, отказывающийся выполнять противозаконное распоряжение, не должен подвергаться дисциплинарным наказаниям или отдаваться под суд. Статья 7 необходимо вытекает из статьи 4. Когда в отданном противозаконном наказании выхолащивается подлинная сущность Полицейской декларации, полицейский, не выполнивший это приказание, не должен за свои действия подвергаться наказанию. Еще раз подчеркивается: эта статья направлена на то, чтобы все правомерные приказы безусловно выполнялись; вместе с тем она обязывает полицейского, не выполнившего приказание, чтобы он указал на основания своего неподчинения.

8. Полицейский, осуществляющий слежку, задержание, охрану или транспортировку, не должен сотрудничать с лицами, которые хотя пока не находятся под подозрением, но по отношению к которым начинают совершаться противоправные действия из-за их расовой принадлежности, религиозных или политических убеждений – такие, как преследования и угроза ареста. Здесь ему приходится находить компромисс между двумя точками зрения. С одной стороны, он не сможет терпеть, чтобы граждане подвергались преследованию за их расовую принадлежность, религиозные или политические убеждения. Он должен четко и ясно поступать как служащий полиции: например, должен отказаться оказывать содействие при аресте евреев, осуществлявшемся во время второй мировой войны. С другой стороны, он должен знать, что сегодня многие преступления совершаются по скрытым политическим причинам. В Ирландии около 40% пре-

ступлений объясняется так называемыми политическими мотивами. В соответствии с подлинным смыслом статьи 8 Декларации он должен стремиться к тому, чтобы стало возможным подвергаться общепринятым наказаниям членов определенной политической организации, находящейся под подозрением, и возлагать на нее ответственность за особо тяжкие преступления, такие, например, как подкладывание бомб. Особенно это рекомендуется при розыске террористов. Кроме того, это приобретает особую важность, когда совершенное преступление подпадает под сферу уголовного права. Данная статья стремится подчеркнуть, что полицейский не должен подвергать человека аресту только за то, что он является евреем или членом политической партии. Одновременно статья указывает на то, что, когда полиция имеет основание подозревать какое-то лицо в совершении уголовно наказуемого деяния, то она не должна воздерживаться от активного преследования личности из-за его расовой принадлежности, политических или религиозных убеждений. Борьба против преступности и терроризма не может вестись ценой утери великих гражданских свобод, которые Европа завоевала в столь тяжелой борьбе. В действительности зачастую целью террористов является разрушение общества, поэтому общество вынуждено бороться против беспорядков террористическими методами. Так начинается катастрофический развал цивилизованного общества. Отсюда мы должны охранять политические нерелигиозные свободы и расовую терпимость и в то же время обязываем всеми силами бороться против террористических акций.

9. Полицейский лично ответствен как за свои собственные действия, так и за те действия, которые он в соответствии с приказанием исполняет или не исполняет в том случае, если они не согласуются с законом. Существует простое, но имеющее огромный смысл положение. Оно еще раз возвеличивает английскую правовую доктрину и развенчивает теории. Оно гласит, что полицейский позади незнакомого начальства благополучен будет, а под невразумительными инструкциями прикрытым будет. Это положение совершенно недвусмысленно характеризует ответственность отдельного полицейского. Несомненно, это тяжелая ноша, однако она, тем не менее, придает ему силу. Пожалуй, следует добавить, что эта статья об ответственности отдельного полицейского подчеркивает, что при этом, однако, не исключается ответственность его начальников. Отсюда следует, что полицейский может быть привлечен к уголовной ответственности. Как правило, он не может, вместе с тем, быть привлеченным к ответственности в соответствии с гражданским кодексом за действия, связанные с применением власти при исполнении служебного долга и приведшие к нарушению уличного движения. Естественно, во всех случаях превышения и злоупотребления исполнительной властью ответственность несет государство.

10. Должны существовать четкие границы компетенции отдачи распоряжений. Это необходимо для того, чтобы начальник смог определить, за какое действие или бездействие полицейский, в конечном счете, является ответственным. Четкое определение компетенции – в интересах самого полицейского. Эта статья выступает как директивная установка для законодателя и властей и не направлена на отдельного полицейского. В Комитете по вопросам права было обращено внимание на то, что в Нидерландах полиция подчинена двум учреждениям: Министерству юстиции и Министерству внутренних дел. При такой системе возникает опасность, что полиция при получении противоречивых распоряжений будет стремиться создать свою собственную версию.

11. Законодательство должно предусмотреть систему законных гарантий и правовых средств против всяческого ущерба, который может последовать в результате действий полиции.

12. При исполнении своих обязанностей полицейский должен применять все имеющиеся у него права для достижения законно необходимых и разрешенных целей; вместе с тем он не должен применять большее насилие, чем это предписывается для подобного случая. При исполнении своего служебного долга полиция бывает вынуждена при случае прибегать к насилию. При этом важно подчеркнуть, что полиция не имеет разрешения на применение насилия, хотя определения, что такое насилие, каковы его границы, – не может быть дано; крайне важно подчеркнуть, что полиция только в исключительных обстоятельствах имеет право прибегнуть к силе и то лишь в разумной степени. Краеугольным камнем полноты власти, предоставленной полицейским, должно быть положение о том, что авторитет полиции в обществе в немалой степени зависит от тех способов, которые она применяет при исполнении своих обязанностей.

13. Полицейский должен иметь четкие и исчерпывающие инструкции в отношении способов применения оружия и обстоятельств, при которых он может его применять. В Комитете по вопросам права отмечено, что обычный полицейский в Ирландии и Соединенном Королевстве не вооружен. К нему эта статья не имеет отношения. Однако в этих странах существует также и вооруженная полиция и в других странах-членах ООН полиция вообще вооружена – там эта статья будет воспринята как полезная.

14. Полицейский, арестовавший человека, нуждающегося в медицинской помощи, обязан обеспечить ему эту помощь посредством привлечения медицинского персонала, а в случае необходимости принять меры к сохранению его жизни и здоровья. Он должен выполнять указания врачей и другого медицинского персонала, когда данный арест осуществляется под медицинским контролем.

15. Полицейский должен все дела конфиденциального характера, о которых он становится информированным, сохранять в тайне; это требо-

вание продолжает существовать и в дальнейшем, когда исполнение им служебного долга или предписаний закона осуществляется в другом месте.

Эта статья должна быть прокомментирована посредством следующего инцидента, происшедшего в Нидерландах несколько лет назад. Один член парламента был задержан за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. Когда полицейский производил осмотр машины, то он обнаружил, что в его портфеле имеется текст речи, направленной против злоупотребления алкоголем. Полицейский сделал эту речь достоянием прессы и тем самым основательно скомпрометировал саму речь и нанес существенный ущерб политической карьере этого человека.

В Комитете по вопросам права было установлено, что имеются полицейские, которые за быструю передачу информации в другие руки получают определенную мзду. Подобная практика является крайне нежелательной, поскольку она чревата коррупцией (см. статью 2) и порождает в самой полиции атмосферу нервозности и подозрительности.

16. Полицейский, выполняющий требования настоящей Декларации, имеет право претендовать на действительную материальную и моральную поддержку от общества, которому он служит.

Хорошие отношения между полицией и общественностью играют важную роль. Никакой полицейский не сможет успешно и в интересах населения выполнять свои задачи, если он не пользуется действительной моральной и материальной поддержкой со стороны общества, в котором он работает. К сожалению, в большинстве стран-членов ООН отношения между полицией и общественностью ухудшаются. Будем надеяться, что настоящая Декларация сможет содействовать их улучшению.

(Утверждены 9 мая 1979 г. резолюцией № 690 Парламентской Ассамблеи Совета Европы).

(Профессиональная этика сотрудников
правоохранительных органов
/ под ред. Г.В. Дубова, А.В. Опаленко.
М., 1999. С. 349-354).

Приложение 3

Клянусь достойно переносить связанные со службой в органах внутренних дел трудности, быть честным, мужественным, бдительным сотрудником, хранить государственную и служебную тайну.

Клянусь, не щадя своей жизни, охранять установленный Конституцией и законами Российской Федерации правовой порядок.

Если же я нарушу принятую мной Присягу, то готов нести ответственность, установленную законами Российской Федерации. Служа Закону – служу народу!

ПОЛОЖЕНИЕ о службе в органах внутренних дел Российской Федерации

Утверждено Верховным Советом Российской Федерации 23 декабря 1992 года № 4202-1

Статья 42. Суды чести

В органах внутренних дел создаются суды чести соответственно рядового и младшего начальствующего состава, старшего и высшего начальствующего состава. На рассмотрение судов чести могут быть внесены или ими приняты по собственной инициативе материалы:

о нарушении сотрудником органов внутренних дел служебной дисциплины;

о недобросовестном отношении сотрудника органов внутренних дел к выполнению служебных обязанностей;

о совершенных сотрудником органов внутренних дел правонарушениях, поступившие в установленном законом порядке из суда, органов следствия, прокуратуры, других компетентных органов и от должностных лиц;

о недостойном поведении сотрудника органов внутренних дел в свободное от службы время.

Суд чести, установив виновность привлеченного к суду, может объявить общественное порицание или возбудить ходатайство перед соответствующим прямым начальником о применении одной из следующих мер воздействия: лишение нагрудного знака; понижение в должности; снижение в специальном звании на одну ступень; перемещение по службе; отчисление курсанта, слушателя из учебного заведения, учебного подразделения; увольнение со службы.

Суд чести, рассмотрев проступок, может не применять мер воздействия, а ограничиться обсуждением, если сотрудник органов внутренних дел чистосердечно раскаялся, принес извинения коллективу и потерпевшему, а также добровольно возместил причиненный ущерб...

Статья 58. Основания для увольнения из органов внутренних дел

Сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы по следующим основаниям:

...л) за совершение проступков, несовместимых с требованиями, предъявляемыми к личным, нравственным качествам сотрудника органов внутренних дел...

КОДЕКС ЧЕСТИ
рядового и начальствующего состава
органов внутренних дел Российской Федерации

Гражданин Российской Федерации, избравший профессию сотрудника органов внутренних дел, возлагает на себя ответственную обязанность следовать требованиям Присяги, служебного долга, дорожить честью представителя государственной власти, соблюдать высоконравственные нормы поведения.

Право на доверие и поддержку граждан, сослуживцев и всего народа дают сотруднику органов внутренних дел его профессиональная честь, личное достоинство, порядочность, признанная окружающими его высокая репутация, заслуженное делами доброе имя.

В службе и повседневной жизни рядовой и начальствующий состав органов внутренних дел России руководствуется следующими нравственными обязательствами и этическими нормами настоящего Кодекса чести:

§1

Долг чести сотрудника органов внутренних дел — быть примером в исполнении законов Российской Федерации, уважении и защите личности, человеческого достоинства гражданина, независимо от его происхождения, национальности, социального статуса, политических, религиозных или мировоззренческих убеждений в соответствии с Конституцией, международными правовыми нормами и общечеловеческими принципами морали.

Сотрудник органов внутренних дел не должен допускать влияния любых политических взглядов на свои действия.

§2

Быть верным Присяге, гражданскому и служебному долгу, глубоко осознавать свою личную ответственность за защиту жизни, здоровья, прав

Правовая культура: понятие, структуры, функции

и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств.

Всегда помнить, что общие усилия и результаты работы многих сотрудников подразделений органа внутренних дел и всей правоохранительной системы могут быть ослаблены бездействием, аморальным поступком или отступлением от Присяги даже одного нерадивого сотрудника.

§3

Сотрудник органов внутренних дел, будучи государственным служащим, наделенным властью, должен относиться к человеку как к высшей ценности, гуманно, великодушно и милосердно. Вежливое и предупредительное обхождение с гражданами не является проявлением слабости и вполне совместимо с твердостью.

Самоотверженно и неуклонно всеми правовыми мерами оберегать невинных от беззакония и обмана, слабых от запугивания, мирных от насилия и беспорядка, в экстремальной обстановке не оставлять беззащитными женщин, стариков и детей, больных и инвалидов, не допускать попустительства злу и безнаказанности.

§4

Помнить старинное российское правило: "Честь – в службе!". Честно и добросовестно выполнять должностные обязанности на любом порученном участке, эффективно и профессионально действовать по раскрытию и расследованию преступлений, охране общественного порядка.

Проявлять твердость, профессионально-нравственную устойчивость и непримиримость в борьбе с преступностью.

Делом отстаивать честь и авторитет своего подразделения, а также находить взаимопонимание с сотрудниками других служб, уважая их профессиональное достоинство.

§5

Использовать предоставленные государством полномочия разумно, строго в рамках закона. Уметь уважать права и тех, кто оступился или по злему умыслу совершил преступление. Не терять самообладания и достоинства при вынужденном и правомерном применении физической силы и специальных средств, когда переговоры или убеждения оказались неэффективными.

§6

Быть требовательным к себе, принципиальным, правдивым, беспристрастным в решениях, не допуская, чтобы на них влияли какие-либо предубеждения, враждебные или дружеские чувства.

Быть постоянно готовым бескорыстно прийти на помощь тем, кто в ней нуждается, но никогда не принимать подношений за действия в качестве должностного лица, не допускать злоупотреблений служебным положением, фактов коррупции, всемерно препятствовать таким явлениям и

бороться с ними, как с подрывающими авторитет органов внутренних дел в глазах народа.

§7

Быть мужественным и смелым, не останавливаться перед лицом опасности в обстановке, требующей спасения жизни людей, пресечения угрожающего людям преступления, ликвидации последствий аварии, стихийного бедствия. Трусость и малодушие в таких ситуациях исключены для сотрудника органов внутренних дел.

§8

Постоянно помнить, что пользу людям может принести только умелый сотрудник органов внутренних дел, совершенствовать свою деловую квалификацию, профессиональную подготовку, стремиться быть всесторонне развитым, высокообразованным, в работе грамотно использовать отечественный и зарубежный опыт охраны правопорядка. Передавать свои знания и накопленные многими поколениями традиции служебного мастерства молодым сотрудникам, как зеницу ока хранить личное оружие, удостоверение личности, оберегать от разглашения профессиональные секреты, служебную и государственную тайну.

§9

Считать своим моральным долгом высокую организованность, дисциплинированность, исполнительность, проявлять в работе инициативу, правильно и с достоинством воспринимать критику и замечания сослуживцев, начальников, старших по возрасту и званию, а также граждан, уметь своевременно признавать допущенные ошибки, искренне и в тактичной форме принести извинения, загладить свою вину, а не искать ложного самооправдания.

С честью и достоинством носить форменную одежду, заботиться о своем внешнем виде, быть всегда подтянутым и аккуратным. Всем своим поведением подавать пример высокой порядочности и тактичного обращения с окружающими как на службе, так и в семье и в быту.

§10

Овладевать достижениями общечеловеческой культуры, духовным богатством и традициями народов России.

Помнить — народ верит и надеется, что сотрудник органов внутренних дел, выполняя задачи охраны правопорядка, оберегает не только права, жизнь, здоровье людей, но и культурное наследие общества.

§11

Хранить и приумножать лучшие служебные традиции сотрудников МВД России: патриотизм, товарищество и взаимопомощь, мужество и бескорыстие, благородство и самопожертвование, чуткость к людским нуждам и горю, верность долгу, мастерство и профессионализм.

Правовая культура: понятие, структуры, функции

Долг чести руководящих кадров — умело сочетать твердость управления, требовательность и сохранение хорошей морально-психологической атмосферы во вверенном подразделении, формировать нравственную культуру сотрудников, заботиться о подчиненных, обеспечивать их социально-правовую защиту, окружать вниманием ветеранов, семьи работников, погибших на службе.

§12

Высокая честь — заслужить право гордиться своей профессией, достойно носить звание сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Одобен решением Коллегии

МВД Российской Федерации

29 октября 1993 года

Утвержден приказом

министра внутренних дел России

№ 501 от 19 ноября 1993 года

Министерство внутренних дел Российской Федерации

ДИРЕКТИВА о неотложных мерах по коренному улучшению работы с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации

№ 1, 19 июня 1996 года

5.5 По совершенствованию профессионально-нравственного и культурно-эстетического воспитания личного состава.

Первостепенное внимание сосредоточить на воспитании у личного состава гордости за службу в органах внутренних дел и внутренних войсках МВД России, гражданской ответственности за соблюдение норм морали, исполнение служебного долга.

Продолжить работу по разъяснению требований Кодекса чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, практиковать периодическое собеседование с сотрудниками по основным его положениям, привлекать к этой работе ветеранов, шире использовать зарубежный опыт подготовки кадров полиции.

Активизировать работу по героико-патриотическому воспитанию личного состава, полнее использовать возможности учреждений культуры, музеев по пропаганде истории органов внутренних дел и внутренних

войск, служебного и боевого пути сотрудников и военнослужащих разных поколений.

Повсеместно развернуть работу по подготовке к 200-летию МВД России. Шире использовать проводимые мероприятия в создании истории органов и подразделений, возрождении лучших традиций и героики милицейской службы и ратного труда военнослужащих, в нахождении идеалов для подражания молодежи.

Обратить особое внимание на организацию нравственно-эстетического воспитания в образовательных учреждениях системы МВД России, на курсах и сборах переподготовки сотрудников, шире использовать в этих целях университеты, лектории и школы культуры. Конкретнее заниматься организацией содержательного досуга и внеслужебного времени личного состава и членов их семей.

(Профессиональная этика сотрудников
правоохранительных органов
/ под ред. Г.В. Дубова, А.В. Опаленко.
М., 1999. С. 363-366).

Приложение 4

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка

Генеральная Ассамблея,
учитывая, что цели, провозглашенные в Уставе Организации Объединенных Наций, включают осуществление международного сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии,
ссылаясь, в частности, на Всеобщую декларацию прав человека и Международные пакты о правах человека,
ссылаясь также на Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятую Генеральной Ассамблей в ее резолюции 3452 (XXX) от 9 декабря 1975 года,
принимая во внимание, что характер функций по поддержанию правопорядка в защиту общественного порядка и то, каким образом они осуществляются, оказывают непосредственное воздействие на качество жизни отдельных лиц, а также всего общества в целом,
сознавая важность задачи, которую добросовестно и с достоинством осуществляют должностные лица по поддержанию правопорядка в соответствии с принципами прав человека,
памятуя, однако, о возможных злоупотреблениях, которые связаны с осуществлением этих обязанностей,
признавая, что введение кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка является лишь одной из нескольких важных мер по предоставлению гражданам, обслуживаемым лицами по поддержанию правопорядка, защиты их прав и интересов,
сознавая, что существуют дополнительные важные принципы и предпосылки гуманного осуществления функций по поддержанию правопорядка, а именно, что:

а) как и все другие учреждения системы уголовного правосудия, каждый орган охраны порядка должен представлять общественность в целом, нести перед ней ответственность и быть ей подотчетным;

b) эффективное поддержание этических норм среди должностных лиц по поддержанию правопорядка зависит от существования хорошо продуманной, повсеместно принятой и гуманной системы законов;

c) каждое должностное лицо по поддержанию правопорядка является частью системы уголовного правосудия, цель которой состоит в предотвращении преступности и борьбе с ней, и что поведение каждого должностного лица этой системы оказывает воздействие на всю систему;

d) от каждого органа по охране порядка в соответствии с основной предпосылкой любой профессии необходимо требовать осуществления самоконтроля в полном соответствии с принципами и нормами, изложенными в настоящем документе, и что действия должностных лиц по поддержанию правопорядка должны подвергаться тщательной проверке со стороны общественности, которая может осуществляться либо советом, министерством, прокуратурой, судом, комитетом граждан, либо любым сочетанием этих органов или любым другим органом по надзору;

e) нормы как таковые не будут иметь практической ценности до тех пор, пока их содержание и значение посредством обучения и подготовки и путем осуществления контроля не станут частью кредо каждого должностного лица по поддержанию правопорядка,

принимает содержащийся в приложении к настоящей резолюции кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка и постановляет препроводить его правительствам с рекомендацией положительно рассмотреть вопрос о его использовании в рамках национального законодательства или практики в качестве свода принципов, которые должны соблюдаться должностными лицами по поддержанию правопорядка.

**Приложение к Кодексу
поведения должностных лиц
по поддержанию правопорядка**

Статья 1

Должностные лица по поддержанию правопорядка постоянно выполняют возложенные на них законом обязанности, служа обществу и защищая всех лиц от противоправных актов в соответствии с высокой степенью ответственности, требуемой их профессией.

Комментарий:

а). Термин «должностные лица по поддержанию правопорядка» включает всех назначаемых или избираемых должностных лиц, связанных с применением права, которые обладают полицейскими полномочиями, особенно полномочиями на задержание правонарушителей.

б). В тех странах, где полицейские полномочия осуществляются представителями военных властей в форменной или гражданской одежде или силами государственной безопасности, определение понятия «должностные лица по поддержанию правопорядка» охватывает сотрудников таких служб.

с). Имеется в виду, что служба обществу включает в себя, в частности, оказание услуг и помощи тем членам общины, которые по личным, экономическим, социальным или другим причинам чрезвычайного характера нуждаются в немедленной помощи.

д). Имеется в виду, что это положение не только охватывает все насильственные, грабительские или вредные акты, но и распространяется на все виды запрещений, установленных в соответствии с уголовными законами. Оно распространяется также на поведение лиц, неспособных нести уголовную ответственность.

Статья 2

При выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам.

Комментарий:

а). Указанные права человека устанавливаются и защищаются национальным и международным правом. К соответствующим международным документам относятся Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и нака-

зании за него, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и Венская конвенция о консульских отношениях.

b). В национальных комментариях к этому положению должны указываться региональные или национальные положения, устанавливающие и защищающие эти права.

Статья 3

Должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей.

Комментарий:

a). В этом положении подчеркивается, что применение силы должностными лицами по поддержанию правопорядка должно носить исключительный характер; хотя оно подразумевает, что должностные лица по поддержанию правопорядка могут быть уполномочены на применение силы, какая является разумно необходимой при данных обстоятельствах, в целях предупреждения преступления или при проведении правомерного задержания правонарушителей или подозреваемых правонарушителей или при оказании помощи, при таком задержании не может применяться сила, превышающая необходимые для этих целей пределы.

b). Национальное законодательство, как правило, ограничивает применение силы должностными лицами по поддержанию правопорядка в соответствии с принципом пропорциональности. Это следует понимать таким образом, что при толковании этого положения должны уважаться эти национальные принципы пропорциональности. Это положение ни в коем случае не толкуется таким образом, будто оно уполномочивает на применение такой силы, которая является несоразмерной законной цели, которой нужно достичь.

c). Применение огнестрельного оружия считается крайней мерой. Следует приложить все усилия к тому, чтобы исключить применение огнестрельного оружия, особенно против детей. Как правило, огнестрельное оружие не должно применяться, за исключением случаев, когда подозреваемый правонарушитель оказывает вооруженное сопротивление или иным образом ставит под угрозу жизнь других и когда другие меры, имеющие менее исключительный характер, недостаточны для осуждения или задержания подозреваемого правонарушителя. О каждом случае применения огнестрельного оружия должно быть незамедлительно сообщено компетентным властям.

Статья 4

Сведения конфиденциального характера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, сохраняются в тайне, если исполнение обязанностей или требования правосудия не требуют иного.

Комментарий:

По характеру своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка получают информацию, которая может относиться к личной жизни других лиц или потенциально повредить интересам таких лиц и особенно их репутации. Следует проявлять большую осторожность при сохранении и использовании такой информации, которая разглашается только при исполнении обязанностей или в целях правосудия. Любое разглашение такой информации в других целях является полностью неправомерным.

Статья 5

Ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, и ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может ссылаться на распоряжения вышестоящих лиц или такие исключительные обстоятельства, как состояние войны или угроза войны, угроза национальной безопасности, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение для оправдания пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Комментарий:

а). Этот запрет вытекает из принятой Генеральной Ассамблеей Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, согласно которой:

«такое действие является оскорблением человеческого достоинства и осуждается как нарушение целей Устава Организации Объединенных Наций и нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей Декларации прав человека (и других международных документах, касающихся прав человека)».

б). Декларация определяет пытку следующим образом:

«...пытка означает любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется сильная боль или страдание, физическое или умственное, со стороны официального лица или по его подстрекательству с помощью получения от него или от третьего лица информации или признаний, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых подозревается, или запугивания его или других лиц. В это толкование не включается боль или страдание, возникающие только из-за законного лишения свободы, ввиду состояния, присущего этому или вследствие этого, в той степени, насколько это совместимо с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными».

с). Выражение «жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» не было определено Генеральной Ас-

самблеей, но его следует истолковывать таким образом, чтобы предоставлялась, по возможности, наиболее широкая защита от злоупотреблений как физического, так и психологического характера.

Статья 6

Должностные лица по поддержанию правопорядка обеспечивают полную охрану здоровья задержанных ими лиц и, в частности, принимают необходимые меры по обеспечению оказания медицинской помощи в случае необходимости.

Комментарий:

а). Медицинская помощь, под которой подразумевают услуги, оказываемые любым медицинским персоналом, включая врачей-практиков, имеющих надлежащее удостоверение, и медицинский вспомогательный персонал, оказывается в случае необходимости или в ответ на просьбу.

б). Поскольку медицинский персонал обычно придан органам по поддержанию правопорядка, должностные лица должны учитывать мнение этого персонала, когда он рекомендует оказание задержанному лицу соответствующей медицинской помощи непосредственно или путем консультации с медицинским персоналом, не участвующим в деятельности органов по поддержанию правопорядка.

с). Понимается, что должностные лица по поддержанию правопорядка обеспечивают оказание медицинской помощи жертвам правонарушений или несчастных случаев, происходящих в ходе правонарушений.

Статья 7

Должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какие-либо акты коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними.

Комментарий:

а). Любой акт коррупции, как и любое другое злоупотребление властью, несовместимы со служебным статусом должностного лица по поддержанию правопорядка. К любому должностному лицу по поддержанию правопорядка, совершившему акт коррупции, закон должен применяться в полной мере, поскольку правительства не могут ожидать от граждан соблюдения ими правопорядка, если они не могут или не хотят обеспечивать соблюдение законности их собственными должностными лицами и в рамках их собственных учреждений.

б). Хотя понятие коррупции должно определяться в соответствии с национальным правом, следует понимать, что оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие.

с). Выражение «акт коррупции», о котором говорилось выше, следует понимать как охватывающее попытку подкупа.

Статья 8

Должностные лица по поддержанию правопорядка уважают закон и настоящий Кодекс. Используя все свои возможности, они также предотвращают и всемерно препятствуют всем нарушениям таковых. Должностные лица по поддержанию правопорядка, имеющие основания полагать, что нарушение настоящего Кодекса имело место или будет иметь место, сообщают о случившемся вышестоящим инстанциям и, в случае необходимости, другим соответствующим инстанциям или органам, обладающим полномочиями по надзору или правовому контролю.

Комментарий:

а). Настоящий кодекс соблюдается во всех случаях, когда он включается в национальное законодательство или практику. Если законодательство или практика предусматривают более строгие положения, чем положения настоящего Кодекса, соблюдают первые.

б). Настоящая статья направлена на сохранение равновесия между, с одной стороны, необходимостью внутренней дисциплины в учреждении, от которого в большей степени зависит общественная безопасность, и, с другой стороны, необходимостью борьбы с нарушениями основных прав человека. Должностные лица по поддержанию правопорядка сообщают о нарушениях по инстанциям и предпринимают иные правовые действия за пределами инстанций лишь в том случае, когда все остальные возможности отсутствуют или неэффективны. Понимается, что должностные лица по поддержанию правопорядка не подвергаются административным или иным мерам наказания из-за того, что они сообщили об имевшем место нарушении настоящего Кодекса или о возможности такового.

с). Понятие «соответствующие инстанции или органы, обладающие полномочиями по надзору или правовому контролю» включает любое учреждение или орган, существующий на основании национального права как в рамках учреждения по поддержанию правопорядка, так и независимо от него, со статусными, обычными или другими полномочиями рассматривать жалобы или претензии, возникающие в связи с нарушениями в сфере действия настоящего Кодекса.

д). В ряде стран средства массовой информации могут рассматриваться как учреждения, выполняющие функции по рассмотрению жалоб, подобные описанным в подпункте «с» выше. Поэтому должностные лица по поддержанию правопорядка могут обоснованно, в качестве крайней меры и в соответствии с законами и обычаями своих собственных стран, а также с положениями статьи 4 настоящего Кодекса, обратить на эти нарушения внимание общественности через средства массовой информации.

е). Должностные лица по поддержанию правопорядка, соблюдающие положения настоящего Кодекса, заслуживают уважения, полной поддержки и сотрудничества со стороны общества и учреждения по поддержанию правопорядка, в котором они служат, а также лиц, занятых поддержанием правопорядка.

(Резолюция № 169 34-й сессии
Генеральной Ассамблеи ООН
от 17 декабря 1979 года)

(Профессиональная этика сотрудников
правоохранительных органов
/ под ред. Г.В. Дубова, А.В. Опаленко.
М., 1999. С. 340-346).

Приложение 5

Кодекс судейской этики

Утвержден
VI Всероссийским съездом судей
2 декабря 2004 года

Правосудие не может существовать без честного и независимого судебного корпуса. Для обеспечения его честности и независимости судья обязан принимать участие в формировании, поддержании высоких норм судейской этики и лично соблюдать эти нормы.

Глава 1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПОВЕДЕНИЮ СУДЬИ

Статья 1. Обязанность судьи соблюдать правила этического поведения

В своей профессиональной деятельности и вне службы судья обязан соблюдать Конституцию Российской Федерации, руководствоваться Законом Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и другими нормативно-правовыми актами, правилами поведения, установленными настоящим Кодексом, общепринятыми нормами морали, способствовать утверждению в обществе уверенности в справедливости, беспристрастности и независимости суда.

Статья 2. Приоритет в профессиональной деятельности судьи

Исполнение обязанностей по осуществлению правосудия является основной задачей судьи и имеет приоритетное значение в его деятельности.

Статья 3. Требования, предъявляемые к званию судьи

Судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, причинить ущерб репутации судьи и поставить под сомнение его объективность и независимость при осуществлении правосудия.

Глава 2. ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ СУДЬИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья 4. Обязанности судьи при осуществлении правосудия

1. Судья при исполнении своих обязанностей по осуществлению правосудия должен исходить из того, что защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл и содержание деятельности органов судебной власти.

Судья должен добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности и принимать все необходимые меры для своевременного рассмотрения дел и материалов.

2. Судья обязан быть беспристрастным, не допускать влияния на свою профессиональную деятельность со стороны кого бы то ни было.

При исполнении своих обязанностей судья не должен проявлять предубеждения расового, полового, религиозного или национального характера.

3. Общественное мнение, возможная критика деятельности судьи не должны влиять на законность и обоснованность его решений.

4. Судья должен быть терпимым, вежливым, тактичным и уважительным в отношении участников судебного разбирательства. Судье следует требовать аналогичного поведения от всех лиц, участвующих в судопроизводстве.

5. Судья не вправе разглашать информацию, полученную при исполнении своих обязанностей.

Статья 5. Правила поведения судьи при исполнении иных служебных обязанностей

1. Судья должен требовать от работников аппарата суда и своих непосредственных подчиненных добросовестности и преданности своему делу.

2. Судье, имеющему организационно-распорядительные полномочия в отношении других судей, следует предпринимать необходимые меры для обеспечения своевременного и эффективного исполнения ими своих обязанностей.

Статья 6. Правила поведения судьи во взаимоотношениях с представителями средств массовой информации

1. Судья не вправе делать публичные заявления, комментировать судебные решения, выступать в прессе по существу дел, находящихся в производстве суда, до вступления в законную силу принятых по ним постановлений. Судья не вправе публично, вне рамок профессиональной дея-

тельности, подвергать сомнению постановления судов, вступившие в законную силу, и критиковать профессиональные действия своих коллег.

2. Судья не может препятствовать стремлению представителей средств массовой информации освещать деятельность суда и, если это не будет создавать помех проведению судебного процесса или использоваться для оказания воздействия на суд, должен оказывать им необходимое содействие.

Статья 7. Поддержание уровня квалификации, необходимого для осуществления полномочий судьи

Судья должен поддерживать свою квалификацию на высоком уровне, необходимом для надлежащего исполнения обязанностей по осуществлению правосудия.

Глава 3. ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ СУДЬИ ВО ВНЕСЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья 8. Общие требования, предъявляемые к судье во внеслужебной деятельности

1. Внеслужебная деятельность судьи не должна вызывать сомнений в его порядочности и честности.

2. Судья вправе заниматься любым видом деятельности, не противоречащим требованиям Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и настоящего Кодекса.

3. Судья может участвовать в общественной деятельности, если она не наносит ущерба авторитету суда и надлежащему исполнению судьей своих профессиональных обязанностей.

4. Судья может взаимодействовать с органами законодательной, исполнительной власти и местного самоуправления по вопросам права, судебной системы, судопроизводства, судоустройства, избегая при этом всего, что может вызвать сомнение в его независимости и беспристрастности.

5. Судья не вправе принадлежать к политическим партиям и движениям, поддерживать их материально или иным способом, а также публично выражать свои политические взгляды, участвовать в шествиях и демонстрациях, имеющих политический характер, или в других политических акциях.

6. Судья должен избегать любых личных связей, которые могут причинить ущерб репутации, затронуть его честь и достоинство.

7. Судья должен воздерживаться от финансовых и деловых связей, которые могут поставить под сомнение его беспристрастность или повлиять на исполнение им профессиональных обязанностей.

Статья 9. Особенности поведения судьи при реализации права на объединение, свободу мысли и слова

1. Судья пользуется свободой слова, вероисповедания, правом участия в ассоциациях и собраниях. При этом он должен всегда вести себя таким образом, чтобы не умалять уважения к своей должности и сохранять независимость и беспристрастность.

2. Судья обладает свободой создавать ассоциации судей или другие организации и правом вступать в них для защиты своих интересов, совершенствования профессиональной подготовки и сохранения своей судебской независимости.

3. Судья должен подать заявление о приостановлении своих полномочий в случае выдвижения кандидатом в депутаты органа законодательной (представительной) власти Российской Федерации, органа законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации, представительного органа местного самоуправления либо на иную выборную должность.

Статья 10. Особенности поведения судьи при осуществлении научной, преподавательской и иной творческой деятельности

Судья вправе не в ущерб интересам правосудия совмещать основную работу с научной, преподавательской, лекторской и иной творческой деятельностью, в том числе носящей оплачиваемый (возмездный) характер.

Глава 4. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЬИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ НАСТОЯЩЕГО КОДЕКСА

Статья 11. Дисциплинарная ответственность судей

1. За совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и положений настоящего Кодекса) на судью, за исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде:

- предупреждения;
- досрочного прекращения полномочий судьи.

2. При решении вопроса о мере дисциплинарной ответственности судьи учитываются все обстоятельства совершенного проступка, ущерб, причиненный авторитету судебной власти и званию судьи, личность судьи и его отношение к совершенному проступку.

Правовая культура: понятие, структуры, функции

Глава 5. ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ НАСТОЯЩЕГО КОДЕКСА

Статья 12. Пределы действия настоящего Кодекса

Настоящий Кодекс устанавливает правила поведения судьи в профессиональной и во внеслужебной деятельности, обязательные для каждого судьи Российской Федерации, независимо от занимаемой должности, а также для судей, находящихся в отставке, но сохраняющих звание судьи и принадлежность к судейскому сообществу.

Статья 13. Порядок вступления в силу настоящего Кодекса

Со дня утверждения настоящего Кодекса признать утратившим силу Кодекс чести судьи Российской Федерации, утвержденный Постановлением Совета судей Российской Федерации от 21 октября 1993 года.

(СПС "КонсультантПлюс")

Научное издание

**Карташов Владимир Николаевич
Баумова Марина Георгиевна**

**Правовая культура:
понятие, структуры, функции**

Монография

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 26.07.2008. Формат 60x84/16.
Бумага тип. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 9,33.
Тираж 200 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе

Ярославского государственного университета
150000 Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.